

ГОСУДАРСТВО

выпуск 4

Специальное научно-популярное издание
журнала «Государственная служба»

■ **20.** Почти половина территории страны приравнена к арктической зоне, что наложило неизгладимый отпечаток на «коллективное бессознательное», на две «А» русского характера: аврал и авось. ■ **30.** Федеративная реформа у нас всегда осуществлялась во время ослабления государства. А ее надо осуществлять в тот момент, когда государство сильно.. ■ **77.** Очевидно, что сегодня усилия западных информационных машин направлены на регулярное торпедирование темы единства народов России.

Ознакомится с выпусками издания «Государство»
можно на сайте АНО «Руниверс» в разделе «Наши издания».
<https://runivers.ru/publications/gosudarstvo/>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АВЕРЬЯНОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук

АБРАМОВ Константин Валерьевич

кандидат психологических наук

БАЙДАРОВ Дмитрий Юрьевич

кандидат юридических наук

БАРАНОВ Михаил Владимирович

кандидат философских наук

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович

доктор политических наук

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна

член-корреспондент РАН

доктор политических наук

ГОЛЫШЕНКОВА Ольга Михайловна

президент МАКО

ДЕМИН Игорь Юрьевич

ответственный секретарь редакции,

кандидат политических наук

ДРЕВАЛЬ Максим Алексеевич

генеральный директор Российского

общества «Знание»

ДУГИН Александр Гельевич

доктор философских наук

доктор политических наук

ЖУРАВСКИЙ Александр Владимирович

кандидат исторических наук,

кандидат богословия

КАРМАНОВ Роман Владимирович

гендиректор ПФКИ

КОСТЫЛЕВ Павел Николаевич

н.с. Института Китая и современной Азии РАН

КУРАНОВ Григорий Владимирович

кандидат медицинских наук

ЛЕТУНОВСКИЙ Валентин Васильевич

кандидат юридических наук

ЛОГИНОВ Андрей Викторович

доктор политических наук,

кандидат исторических наук

МЕДВЕДЕВ Вадим Викторович

доктор экономических наук

НАЗАРОВ Антон Анатольевич

кандидат филологических наук

ПИВОВАР Ефим Иосифович

доктор исторических наук, академик РАН

ПОЛОСИН Андрей Владимирович

главный редактор, доктор политических наук

РАПОПОРТ Борис Яковлевич

кандидат социологических наук

ФАДЕЕВ Валерий Александрович

доктор исторических наук

Специальное научно-популярное издание журнала «Государственная служба»

ГОСУДАРСТВО
ВЫПУСК 4

18+

Совместный проект АНО «Руниверс», журнала «Государственная служба» и проекта «ДНК России»

Главный редактор **А.В. Полосин**

Ответственный секретарь редакции **И.Ю. Демин**

Художественный редактор **И.Я. Керемецкий**

Дизайн и верстка **В.П. Васина**

На обложке: фрагмент картины «Портрет неизвестной в русском костюме». Художник Иван Аргунов, 1784 г.

Редакция: 119071, Москва, Ленинский просп., д. 15А, эт. 6, пом. 49
Тел. +7 (495) 737-76-32, e-mail: rus.gosudarstvo@mail.ru, info@runivers.ru

Подписано в печать 25.02.2026. Формат 210×297 мм. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №3708-926.
Отпечатано в ООО «Печатный Дом Ильиных». Юридический адрес: 123458, г. Москва, ул. Твардовского, д. 14, корп. 2,
кв. 83, 84. Фактический адрес: 143430, Московская область, Красногорский район, р.п. Нахабино, ул. Советская, д. 86.

Государство. Выпуск 4: АНО «Руниверс». – М., 2026. – 124 с.

Издание представляет собой научно-популярный сборник статей посвящённых исследованию концепцию России как уникального государства-цивилизации, где национальное единство достигается через гармонию многообразия, а не принудительную ассимиляцию. Особое внимание уделяется роли русского языка и культуры как «цивилизационного хребта», который объединяет сотни этносов, сохраняя при этом их самобытность и традиционные ценности. Авторы анализируют исторический путь формирования общероссийской гражданской идентичности, сопоставляя отечественный опыт с политикой Китая и колониальными стратегиями Запада. Рассматриваются актуальные угрозы суверенитету, включая информационные войны и этносепаратизм, а также инструменты мягкой силы: от картографии до музыкального просвещения. В статьях подчеркивается важность государственной национальной стратегии, направленной на укрепление внутренней стабильности и защиту исторической памяти. В конечном итоге статьи провозглашают «единство в многообразии» фундаментальным залогом успешного развития страны в современном многополярном мире.

Содержание

Цитаты из выступлений президента России В.В. Путина, собранные из статей этого выпуска 4
Русская альтернатива «плавильному котлу» А. В. Полосин	. 7
Русская нация А. В. Журавский	. 9
Стратегическая прочность России В. В. Аверьянов	24
Национальный вопрос в современной России М. А. Омаров	31
День народного единства — сеть против хаоса М. В. Баранов, О. М. Голышенкова	42
Формула единства Д. О. Кислицына	51
Российская нация В. Л. Шаповалов	58
Фактор устойчивости А. С. Николаев	64
Укрепление межнационального мира и согласия на Северном Кавказе А. Р. Карпов	69
Сохранение единства народов России Е. В. Бродовская	76
Два полюса цивилизационной устойчивости Г. Ю. Дашинамаев, А. Г. Минигулов	83
Школы национализма И. Ю. Демин	86
Китайское отражение единства многообразия Н. П. Мартыненко	93
Британский колониализм О. В. Полстовалов	100
Картографический меч — бумажное оружие власти В. В. Зайцев	106
Русский винегрет И. В. Писарский	112
Музон vs Музыка: звуковое давление в России Т. Л. Пырова	119

Цитаты из выступлений президента России В.В. Путина, собранные из статей этого выпуска

«Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство».

*Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений.
5 февраля 2004 года.*

«Историческая Россия — не этническое государство и не американский «плавильный котел», где, в общем-то, все так или иначе — мигранты. Россия возникла и

веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы». «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности».

*Россия: национальный вопрос.
Независимая газета.
23 января 2012 года.*

«**Н**аши предки из поколения в поколение вместе трудились на благо родной общей большой Родины, разнообразием своих языков, традиций преумножали духовное наследие единого государства, формировали его уникальную многонациональную многоконфессиональную культуру. Наша держава созидалась вокруг ценностей многонациональной гармонии. Это важнейшая основа нашей консолидации, которая только лишь крепнет перед лицом внешней агрессии и угроз».

Из выступления на заседании Совета по межнациональным отношениям, которое состоялось в Пятигорске 19 мая 2023 года.

«**В** пределах России создаются все новые якобы международные организации, всякие псевдонациональные центры, а на самом деле это просто орудия информационной войны против нас. Вы знаете об этом: теперь все чаще и чаще ведут речь о некой «деколонизации» России, а по сути, расчленения Российской Федерации и нанесения нам все того же пресловутого стратегического поражения».

Из выступления на заседании Совета по межнациональным отношениям, которое прошло 4 ноября 2025 года.

«**Н**ационализм — это первая стадия к нацизму, это первый шаг. Потому что национализм основан не просто на любви к представителям своего этноса, а на ненависти к другим. Вот в чем суть национализма. Патриотизм — это совсем другое дело. Любить свою Родину — это не значит ненавидеть других».

Из выступления Владимира Путина на просветительском марафоне «Знание. Первые» Российского общества «Знание». 30 апреля 2025 года в Музее Победы на Поклонной горе в Москве.

«**Я** русский человек, и, как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова — уроженца Дагестана, лакца по национальности, других наших воинов, мне хочется сказать: я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин... Всех из более, чем трехсот национальных групп и этнических групп России просто невозможно перечислить — думаю, вы меня понимаете, — но я горжусь тем, что я часть этого мира, часть могучего, сильного, многонационального народа России».

Из выступления на совещании с постоянными членами Совета Безопасности РФ. 3 марта 2022 года.

«**П**ри всем уникальном этнокультурном, религиозном разнообразии нашей страны именно русский язык во многом определяет нашу духовную и национальную идентичность».

Заседание Совета по поддержке русского языка и языков народов России (первое заседание обновленного Совета). 5 ноября 2024 года

«**Р**усский язык — один из самых разных, богатых и выразительных языков мира, который объединяет многонациональный народ России, отражает наши духовно-нравственные традиции, культуру и самобытность». «Автор легендарных «Журавлей», он считал родными два языка: аварский, на котором творил, и русский — благодаря которому его произведения обрели мировую славу».

Из выступления на заседании Совета при Президенте по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России. 4 июня 2025 года (накануне Дня русского языка).

У нас уникальная страна. И поэтому мы должны делать все для того, чтобы укреплять нашу общность, наше единство, гражданскую и национальную, а значит, и государственную, общероссийскую идентичность».

*Из выступления на заседании
Совета по межнациональным
отношениям, 5 ноября 2025 года.*

«... **П**оддержка семьи, создание условий для того, чтобы в России рождалось как можно больше детей, — важнейшее, по сути, так называемое сквозное направление всех наших национальных проектов, стратегических планов развития».

*Из выступления на первом заседании
Совета при Президенте по реализации
государственной политики в сфере
защиты семьи и детей, а также по
вопросам демографической политики.
22 октября 2025 года.*

Такие ценности, определяющие для нас, это единство народов России, приверженность к правде и справедливости, милосердие и гуманизм, крепкая семья и любовь к детям. ... и, конечно, это патриотизм, преданность Родине».

*Из выступления на заседании
Совета Безопасности РФ
по вопросу «О дополнительных мерах
по укреплению суверенитета России».
9 июня 2025 года.*

«**П**ровести в 2026 году в Российской Федерации Год единства народов России».

*Указ о проведении Года единства
народов России. Москва. Кремль.
25 декабря 2025 г. №962*

На протяжении столетий с Россией происходили разные события, драматические события. Но абсолютным феноменом является то, что во времена Смутного времени именно глубинная Россия встала на защиту Москвы, а значит, и общей российской государственности, когда образовалось ополчение в Поволжье и двинулось на Москву, чтобы освободить её от иностранных захватчиков, а значит, защитить Россию как единое государство для всех, кто проживает на этой территории.

То же самое было и в более позднее время, во времена нашествия Наполеона и Гитлера. Ведь на нас двигались тогда тоже разноплеменные армии. Они тоже были объединены, но их объединение было основано на совершенно других принципах: их объединяло желание наживы, желание оттяпать у нас что-то, завоевать, разрушить, захватить. А нас объединяло стремление всё сохранить — нашу общую землю, наши семьи, нашу культуру, наши традиции. Такое единство является самым мощным и самым сильным.

То же самое происходит и сегодня, когда наши бойцы, наши герои на линии фронта, в зоне специальной военной операции обращаются, несмотря на разное этническое происхождение, несмотря даже на разницу в религии, обращаются друг к другу: «Брат!» И это очень дорогого стоит. Это и подчёркивает наше непобедимое единство. Это именно то, что лежит в основе наших достижений в самых разных областях и наших побед.

Год единства народов России объявляю открытым. Поздравляю вас! Удачи».

*Из выступления на церемонии
открытия Года единства народов
России» в Национальном центре
«Россия» на Краснопресненской
набережной». 5 февраля 2026 года.*

*Примечание. В текстах статей выпуска эти цитаты
(некоторые использованные неоднократно в разных материалах) опущены.*

Русская альтернатива «ПЛАВИЛЬНОМУ КОТЛУ»

А. В. Полосин,
главный редактор

Вопрос о том, что именно объединяет тысячи людей в единое целое — гены, культура или политические границы, — остается одной из главных загадок и проблем социальной антропологии. На протяжении веков человечество пыталось и продолжает пытаться найти простую и легко понятную «формулу единства», но как же часто эти поиски оборачивались трагедиями!

Человеческий разум стремится к упорядочиванию и простоте. Чтобы управлять огромными сообществами, лидеры прошло-

го часто создавали жесткие и прямолинейные идеологии. Одни пытались свести всё к биологическому родству, другие — к религиозному фанатизму, третьи — к «классовой принадлежности». Мы привыкли искать легкие ответы, но история учит: в вопросах идентичности избыточное упрощение — это кратчайший путь к катастрофе.

Попытки навязать обществу искусственную, упрощенную, даже идеализированную структуру понимания мира всегда приводили к одному из трех сценариев: краху империй, кровавым войнам или рождению радикальных псевдорелигиозных течений.

Проблема в том, что общественная идентичность — это не монолит, а сложная живая ткань. Когда её пытаются «перетянуть» под шаблон — ткань рвется. Вопрос этнического родства и общих ценностей оказывается гораздо глубже, чем просто штамп в паспорте или генетический маркер.

В современной политической мысли долгое время доминировала модель, рожденная Французской революцией, — идея «плавильного котла». Её суть проста: все этносы и культуры должны переплавиться в единую гражданскую нацию, оставив свои корни в прошлом ради общей государственной идентичности.

Россия же исторически пошла по иному пути. Вместо того чтобы «растворять» народы, российская цивилизация выработала традицию интеграции. Это можно сравнить не с химическим раствором, а с архитектурным ансамблем или симфоническим оркестром. Наша гражданственность не требует отказа от веры предков или родного языка.

Эта модель основана на уникальной организующей роли русской культуры. Это христианская нравственная традиция, воспринятая и сохранённая в системе ценностей русского народа. Она не поглощает другие культуры, а выступает своего рода «несущей конструкцией», фундаментом, на котором разные сообщества могут строить свои дома, признавая общую основу — Родину. Это, в том числе, прагматичный и проверенный веками механизм: сохранение разнообразия делает систему более устойчивой к внешним шокам. Это позволяет находить наиболее эффективные модели организации и реакций в рамках собственных культурных традиций.

Многим кажется, что идеальное государство — это место, где нет споров и противоречий. Но это опасное заблуждение. Для любого живого организма состояние, при котором в нём «ничто не бурлит и не конфликтует», называется смертью.

Живой социальный организм всегда полон внутренних напряжений. Конфликты и непонимания, различия в подходах, возражения и дискуссии — это ни в коем случае не свидетельства обязательного распада.

Напротив, это индикаторы проблем, которые требуют решения. Противоречия показывают «узкие места» и заставляют систему эволюционировать, совершенствоваться. Утопическая картинка абсолютной тишины — это «сказочка», которая в реальности приводит к нежизнеспособным, хрупким конструкциям.

Глобализм, полагающий всё, кроме метрополии, своей периферией, предлагает модель разделённости на мелкие государственные сущности, сформированные жёстко этнично, как единственный «правильный» путь. «Разделяй и властвуй» — старая управленческая практика. Практика колониальных империй. Логика, предлагаемая народам вне метрополии, кажется заманчивой: «Давайте отделимся и заживём богато». Но историческая практика беспощадна к таким идеям.

Опыт показывает: малые народы, подавившись элитам, жаждущим личной власти, и выбрав путь расчленения единого пространства, моментально теряют и ресурсы, и субъектность. В современном многополярном мире «оторванность» от исторической связности, союза с крупным субъектом мировой политики — это не свобода, а потеря опоры. Чаще всего такие этнические группы просто переходят из одной системы влияния в другую, гораздо более жёсткую, теряя при этом защиту, которую давала им большая цивилизация. Выигрыш получают только местные элиты, и то на краткий миг.

Российский опыт — это сложный, тысячелетний ответ на вызов многообразия. Мы — единый народ, объединённый русским языком и культурой, но состоящий из множества уникальных элементов.

Любая попытка искусственно упростить эту конструкцию — будь то радикальный национализм или слепое копирование западных моделей — подобна попытке «натянуть сову на глобус». Реальность всегда сложнее схем. И именно в этой сложности, в умении сохранять единство, не уничтожая разнообразия, заключается главная сила и потенциал цивилизации будущего. Тот, кто научится управлять этой сложностью, не срываясь в жестокость упрощения, станет настоящим нравственным ориентиром для всего мира. ●

Русская нация

А. В. Журавский,
кандидат исторических наук,
кандидат богословия

Кто мы?

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» — такими словами начинается Основной закон нашей страны. За местоименной множественностью «мы» и существительным единством «народ» кроется гораздо большее, чем представляется многим. В диалектическом «мы-народ», как в семени злака, содержится и единство формы, и множественность содержания (зерно — колос — хлеб). Так кто скрывается за местоимением «мы»?

Почему законодатель использовал *pluralis majestatis* (с лат. — «множественное величие») — форму употребления местоимения множественного числа, применяемую к монархам, папам римским, а в религиозных текстах — к Богу или пророкам? Что за сложная форма идентичности содержится в преамбуле Конституции Российской Федерации?

«Мы» — это персонально граждане Российской Федерации, объединенные в многонациональный народ (гражданскую нацию). Люди, объединенные общим гражданством и гражданской идентичностью. Но «мы» — это еще и этнические общности (этносы, народы) России, объединенные в нацию политическую. Сейчас принято говорить, что Россия — семья семей, семья народов, то есть «много-

Иллюстрации из альбома Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов Российской империи» (1862).

Более подробно можно посмотреть на сайте АНО «Руниверс»: <https://runivers.ru/library/16792.html>

национальный народ Российской Федерации» или, как уточнили изменения в Конституции 2020 года, «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (часть 1 статьи 68).

За три десятилетия постсоветской истории объём понятия «многонациональный народ» менялся, не получая окончательной, застывшей формулировки. В 1990-е, в эпоху «парада суверенитетов», эта формула служила скорее юридическим щитом — попыткой удержать расплывающуюся ткань государственности и деградирующего федерализма. Тогда в российских регионах весьма популярной трактовкой конституционного термина была такая: многонациональный народ — это народ, состоящий из суверенных наций. Наций, имеющих право на самоопределение, вплоть до отделения. И эта трактовка базировалась на политическом призыве Б. Ельцина 1990 года: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»; на принятии деклараций о суверенитете республик и автономных округов и на постепенной децентрализации управления страной.

Укрепление государственности и федерального центра в 2000-е годы сместило акценты в трактовке федерализма в пользу государственной целостности, единства системы государственной власти, верховенства федеральных законов на всей территории страны и бюджетного федерализма. Одновременно конституционное положение части 3 статьи 5 о «равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» стало трактоваться как «самоопределение народов в [составе] Российской Федерации», имеющее формы национально-территориальной или национально-культурной автономий.

Окончательную определённость в вопрос об иллюзиях региональных сепаратистов о «самоопределении, вплоть до отделения» внесли изменения 2020 года, внесённые в статью 67 Конституции, где в части 2.1 было сказано: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части террито-

рии Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются».

Правильный ответ на фундаментальный вопрос — кто же мы на самом деле? — является ключевым для самоопределения нас как нации и государства как государства-цивилизации. Так какова наша коллективная идентичность?

Следует честно признать, что подобными вопросами после распада биполярной системы мироустройства мучились все. И американские интеллектуалы (С. Хантингтон, П. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, Н. Хомский, М. Линд, Р. Инглхарт, Р. Даутэт, П. Спардинг и др.), в разной мере и с разных позиций осознавшие, что «конец истории» оказался симулякром, как и способность американского «плавильного котла» переварить прибывающие пассионарные идентичности (что еще более усугубили последствия теракта 11 сентября), снижение экономической, а отчасти и политической роли США в мире, эрозию демократических ценностей в самой Америке. Три десятилетия не стихают эмоциональные дискуссии европейских интеллектуалов (Ю. Хабермас, У. Эко, Ж. Деррида, Ф. Черутти, Ж. Бодрийяр, М. Гарнетт, Д. Скелтон, А. Мушг, Э. Тодд и др.) о политической и национальной идентичности современной Европы, Франции, Германии, Британии и их будущем. Дискуссии идут и в латиноамериканских странах, и в африканских, и даже в Китае. Мучительный поиск себя, собственной идентичности связан не только с окончательной деградацией и нежизнеспособностью старых институтов биполярного мироустройства (ООН, НАТО, ЕС, Совет Европы, ОБСЕ и др.), навязанным западной цивилизации трансгуманизмом, мировыми миграционными волнами, несущими свои культурные и религиозные предпочтения, конфликтующие с ценностями принимающих сообществ, но и, конечно, с процессом формирования нового миропорядка, где всем предстоит понять, кто он в этом новом мире и какова его новая роль.

Сегодня наш поиск идентичности перешел из сугубо правовой плоскости (особенно с учетом появления с 2020 года конституционных норм в отношении русского языка как языка государствообразующего народа) в цивилизационную. Ожесточенные дискуссии в

социальных сетях о миграции и национальной политике, попытки извне использовать национальный и религиозный факторы как разрушительные и конфликтные для многоукладной России вроде бы должны поставить перед нами дилемму, которая веками занимала умы лучших мыслителей и политических стратегов (чаще всего западных и в неблагоприятных целях): является ли национальное многообразие России «пороховой бочкой», скрытой угрозой её целостности, или же оно представляет собой источник уникальной, почти мистической силы? Этническое многообразие — угроза или потенциал?

Хребет цивилизации: как устроено единство многоукладной России

Действительно, внешнему западному наблюдателю российское единство часто кажется парадоксальным. Традиционный путь западных демократий — путь жесткой ассимиляции и создания «плавильного котла» — в наших реалиях раз за разом доказывает свою историческую несостоятельность. Российский опыт предлагает иную, гораздо более сложную модель. И, как показывает трагический опыт западной цивилизации, мы оказываемся дальновиднее.

Россия — государство-цивилизация. В этой системе единство достигается не через принудительную унификацию и насильственное стирание различий, а через их признание, интеграцию, органичное сосуществование с другими частями единого целого. Подобно частице в квантовой физике, гражданин страны способен находиться в нескольких состояниях одновременно (в квантовой физике этот принцип называется суперпозицией состояний).

Гражданин может быть носителем многих признаваемых (и поддерживаемых) государством идентичностей: быть частью своей малой родины (эта локальная географическая идентичность поддерживается, например, изучением в школах местной истории), отождествлять себя с конкретным народом (этническая идентичность, например, сохраняется через изучение в школах родных языков народов России), сохранять верность вере пред-

ков (не запрещённые законодательством религиозные традиции и организации поддерживаются государством) и при этом в полной мере осознавать себя гражданином большой страны, обладать гражданской идентичностью. И эта гражданская идентичность для государства — самая важная. Именно из неё проистекают все права и возможности гражданина России. Она — базовая для неконфликтной иерархии идентичностей.

Любая сложная система нуждается в каркасе, который обеспечивает целостность сложного, сообщает многообразному единство, не позволяя ему распастись на конфликтующие фрагменты. Этим «цивилизационным хребтом», удерживающим колоссальный многоукладный мир страны — от арктических кочевий до ультрасовременных мегаполисов, — выступают русская культура и русский язык. Именно этот фундамент позволяет «русскому чеченцу» или «русскому татарину» находить общий язык, не теряя собственной идентичности.

Народное и национальное

Попытка определить национальную принадлежность в России часто натывается на лингвистическую ловушку, непонятную западному исследователю. В англосаксонской традиции термин *nationality* практически полностью синонимичен гражданству. Мы об этом узнаём, когда в загранпаспорте в графе *Nationality* читаем не «русский», «даргинец» или «якут», а *Russian Federation*. Для человека Запада суверенитет, нация и паспорт — это грани одной и той же системы. В российской политической традиции между «национальным», «этническим» и «государственным» не стоит знака равенства. И у этих дистанций — своя история.

В Российской империи термин «народ» укореняется в Московском царстве с XVII века и поначалу используется преимущественно с религиозными коннотациями (народ Божий, верующий народ). Широкое распространение этого понятия связывают с традицией, привнесённой через самое распространённое историческое сочинение в Московском царстве — «Синописис» Иннокентия (Гизеля), архимандрита Киево-Печерской лавры. Там упоминается православ-

но-российский народ, утверждается мысль о единой государственной традиции Древнерусского государства, обосновывается концепция триединого русского народа. С XVIII века термин «народ» уже широко употребим и в литературе, и в речи. Применяется как в отношении населения (например, народные песни или народ российский), верующих (народ православный), так и в этническом смысле (хотя понятие «этнос» ещё не появилось).

Слово «нация» приходит в Российскую империю в XVIII веке — отчасти как синоним «иностранной державы», отчасти как синоним народа, но сохраняет статус чужеродного и заимствованного вплоть до середины XIX века. Что и понятно. Термин «нация» был использован Великой французской революцией как антимонархическое понятие внесловного сообщества граждан, обладающего суверенитетом и правом политического представительства. «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации», — утверждалось во французской «Декларации прав человека и гражданина» (1789). Позже этот термин пытались использовать декабристы и реформаторы, чем ещё более дискредитировали это понятие в глазах монархической власти. Характерно, что в русском переводе «Декларации» (1904) термин «нация» был переведён как «народ». Идиосинкразия к заимствованному термину с революционным анамнезом сохранялась. Зато благодаря известной триаде графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность» появилась антитеза политически ангажированным терминам «нация» и «национальный» — «народность». Новый термин запустил в обществе широкую дискуссию: что же это за новое явление? Однако к началу XX века «народность» вдруг приобрела значение малого нерусского народа, этноса (например, алтайские народности). Возникла даже терминологическая иерархия: народность может развиваться в национальность, а национальность — в нацию. Любопытно, что позже советская антропология и этнография реабилитируют эту модель.

Несмотря на то что после Польского восстания 1863–1864 годов «национальный вопрос» стал рассматриваться властью как про-

блемный и деструктивный по отношению к государственности, в конце XIX века в среде интеллектуалов — светских и религиозных, русских и инородческих, представляющих разные идеологические лагеря, — началась битва за легитимацию и апроприацию понятий «нация», «национальное», «национализм». Последний стал даже примеряться к русскому народу как коллективное состояние отставания народных прав, идей и представительства. Замаячили парламентаризм, оживление национального самосознания окраин, две революции и новое государственное устройство.

И всё же до 1917 года национальность (в смысле этничности) в Российской империи так и не оформилась в государственный маркер. Во время Первой всеобщей переписи населения 1897 года вопрос о национальности отсутствовал. В переписном листе значились вопросы о вероисповедании и родном языке. По языку и определялось количество представителей того или иного народа. Носители русского языка (великороссы), малороссийского и белорусского наречий официально считались русскими в логике триединого русского народа.

При этом никакой «тюрьмой народов» Российская империя, конечно, не являлась. Права инородцев (так именовались нерусские народы) не только не ограничивались, а, напротив, расширялись по сравнению с основным населением империи (это касалось налогов, освобождения от призыва в армию многих сибирских, дальневосточных, кавказских и среднеазиатских народов и прочего). Государство активно занималось просветительской деятельностью.

Благодаря этому разрозненно, но необратимо, чаще всего с целью христианизации иноверческого населения (или пребывающего в язычестве и шаманизме), в XVIII–XIX веках появлялись первые кириллические азбуки на прежде бесписьменных языках. В XIX веке благодаря государству, православным миссионерам и этнографам собственная письменность, школы, инородческая интеллигенция — педагогическая и духовная — появились у многих российских народов: поволжских (крещёные татары / кряшены, мордва,

чуваши, вотяки / удмурты, черемисы / марийцы), алтайских, сибирских, северо-западных финно-угорских... Российская империя не была «тюрьмой», как пытался убедить Европу француз Астольф де Кюстин в 1839 году, и уж тем более «тюрьмой народов» — как именовали Австрийскую империю, пока Ленин в 1914 году не стал называть так империю Российскую. Достаточно сравнить национальную политику Российской империи с колонизаторской политикой Британии в Индии, бесчеловечной эксплуатацией Бельгией конголезцев на каучуковых плантациях Конго, японским этноцидом айнов, тотальным уничтожением колонизаторами коренного населения Северной и Южной Америки (индейцев и инуитов).

Естественно, что большевистский подход к решению национального вопроса коренным образом отличался от имперского. Прежде всего, ленинским федерализмом, правом наций на самоопределение, вплоть до отделения, дарованием территориально-национальных и культурно-национальных автономий.

Для борьбы с самодержавием нужно было заручиться поддержкой национально-освободительных движений в империи — от Финляндии до Средней Азии, от «Дашнакцутюна» до Бунда и, конечно, на Украине. На заре создания Советского Союза в 1922 году победила ленинская концепция равноправного федеративного союза республик, хотя уже тогда Сталин видел в этом угрозу коммунистическому единству и предлагал государственное устройство путём вхождения республик в состав РСФСР, называя это планом автономизации, по которому будущие союзные республики должны были иметь равные права с автономными. В этом случае РСФСР становилась бы централизованным государством с опорой на русский народ. Но Ленин с этим был не согласен (как, впрочем, и с предложением «украинских самостийников» — Х. Раковского, Н. Скрыпника и М. Фрунзе — о создании конфедерации). Причина объяснялась в самой Конституции 1924 года: добровольное объединение равноправных народов должно было послужить «решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республи-

ку». И хотя «Мировой Республики» так и не возникло, большевистский конструктивистский проект утопического коммунистического будущего стал мощным фактором глобальных социальных и политических изменений во всём мире, обеспечив на семь десятилетий устойчивый биполярный миропорядок. Православное мессианство, укоренённое в концепции «Москва — Третий Рим» и получившее русско-национальное развитие благодаря славянофилам, Достоевскому и русским философам, уступило место другой утопической идее — большевистскому мессианизму.

В то же время ленинский конструктивизм внутри СССР заложил неравноправие союзных и автономных республик, краёв и областей, установил на карте административно-территориальные границы, которых прежде не существовало, сформировав квазигосударственность даже у тех народов, которые прежде ею не обладали. Вождь пролетариата, веривший в постепенное отмирание государства, считал границы между республиками временными тактическими компромиссами перед ущемлённым национальным самосознанием. Федерализм, обладая и мощным созидательным потенциалом, и скрытыми рисками, прекрасно демонстрировал один из законов диалектики — единство и борьбу противоположностей.

Политика коренизации означала повсеместное введение в школах республик родных языков, использование их в качестве языков делопроизводства, вовлечение в партийные, педагогические и хозяйственные элиты национальных кадров. Это содействовало активному развитию в СССР этнографической науки и этнолингвистики, самобытной переводческой школы, небывалому размаху подготовки национальных педагогических кадров. В 1932 году преподавание велось уже на 104 языках. Это разительное отличие национальной политики Советской России от колониализма буржуазных демократий обеспечило на многие годы симпатии к СССР национально-освободительных движений во всём мире. У мира появилась глобальная политическая альтернатива.

Однако к середине 1930-х годов советскому руководству стало ясно, что помимо бесспорно позитивных последствий ликвидации

безграмотности, просвещения, обеспечения этнокультурных прав прежде «ущемленных» народов (своя письменность появилась еще у 46 народов СССР), их ускоренного развития на пути к пролетарскому интернационализму и появления многочисленных национальных кадров (в том числе лично обязанных Сталину, продолжавшему внутрипартийную борьбу с наследием Троцкого), коренизация привела к угрожающей практике ущемления прав русского населения. Обострились сепаратистские, а на Кавказе и в Средней Азии — пантюркистские и панисламистские настроения, давшие повод партийным органам заговорить о национальном (нерусском) шовинизме.

Для централизации государства потребовалось укрепление роли русского народа. На помощь первоначально была призвана... русская классика. Начиная отмечаться годовщины прежде «классово чуждых» русских писателей: Н. Лескова (дотоле — буржуазный писатель из потомственных дворян, критик революционного нигилизма и певец русских праведников), М. Салтыкова-Щедрина (дважды вице-губернатор), А. Чехова (пессимист), а в 1937 году с небывалым общесоюзным размахом проходят мероприятия, посвященные 100-летию со дня смерти великого русского поэта А. Пушкина, подготовленные Всесоюзным Пушкинским комитетом во главе с Максимом Горьким. Именованный прежде историком М. Покровским «идеологом дворянства» и «певцом и слугой царизма», Пушкин был признан создателем русского литературного языка (!) и обличителем самодержавия.

В этот период оказался востребованным и прежний (дореволюционный) маркер, цементирующий страновую идентичность, — русский язык. Незнание громадной частью нерусского населения русского языка ограничивало пространственную мобильность советских граждан, столь необходимую для мобилизационной экономики СССР, интеграцию нацменов (новый советский термин, не имевший тогда негативных коннотаций) за пределами республик и не способствовало строительству гармоничных межнациональных отношений. Но самое главное — отсутствие знания русского языка препятствовало формированию общего культурного кода у этой множественной этнической сложности.

Как для бетона нужны не только заполнители (щебень, гравий), но и связующее (цемент), так и для укрепления общесоветской идентичности потребовался русский язык, открывавший доступ народам России к достижениям великой русской культуры и на многие десятилетия укрепивший общее культурное пространство. В действительности же русская цивилизация возвращалась к собственной идентичности.

В 1938 году постановлением «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» русский язык стал обязательным предметом изучения в национальных школах. При том что языками обучения по-прежнему оставались родные языки. Всеобщее изучение русского языка обосновывалось тогда прагматичными соображениями (а какими ещё?): а) необходимостью иметь общий язык в многонациональном государстве (язык межнационального общения); б) необходимостью знания русского языка для высшей подготовки нерусских кадров; в) требованиями обороны (до 1939 года сохранялось освобождение от армии для многих окраинных народов, однако и после введения всеобщей воинской повинности выяснилось, что большинство выходцев с Кавказа и из Средней Азии не могут служить, поскольку не знают русского языка). Но, как упоминалось выше, реальные причины были иными. К этому времени стала окончательно сворачиваться десятилетняя практика создания алфавитов на латинице, начался переход на кириллицу. Это облегчало изучение народами России русского языка и отрывало национальную интеллигенцию от чуждого зарубежного культурного и отчасти религиозного влияния. А идея Мировой Республики Сталина не прельщала никогда. Начинается длительный период усиления роли русского языка, возвращения русскому народу, по сути, государствообразующего значения. Единственной (двухмесячной) ревизионистской попыткой отступить от этой тенденции стали в 1953 году т. н. реформы Л. Берии, поддержанные Н. Хрущёвым. Они предполагали ускоренную коренизацию, чистку представителей нетитульной национальности в силовых органах, вузах и органах власти союзных республик. Арест Берии остановил этот процесс.

Иллюстрации из альбома
Г.-Т. Паули «Этнографическое описание
народов Российской империи» (1862).

Более подробно можно посмотреть на сайте АНО «Руниверс»: <https://runivers.ru/library/16792.html>

Государственные меры 1930-х гг. и позднее по усилению роли русского языка как языка межнационального общения не стали отказом страны от культурного многообразия, но явились своевременным признанием того неоспоримого исторического факта, что для выживания огромного полиэтнического организма необходима единая операционная среда. Государство остро нуждалось в опоре на русскую культуру, язык и, в конце концов, на русское большинство. Признание неформализованного статуса русского народа («старший брат») было не вопросом национального (этнического) превосходства русских, а вопросом выживания отечественной государственности как таковой. История нашей страны показала, что, как только русский «хребет» отечественной государственности хиреет и ослабевает, активизируются деструктивные процессы — социально-политические остеопорозы и артриты поражают части (республики, регионы) государственной костной ткани. В этом случае достоинства федерации оборачиваются ее диалектическими недостатками, и «мины», заложенные конструктивистским подходом большевиков при создании СССР, начинают детонировать, превращая административные границы в линии межнациональных фронтов.

Поэтому в Советском Союзе, с учетом имперского опыта, была выработана формула, актуальная и сегодня: миссия (старшинство) большой нации заключается в поддержке и развитии малых (младших) культур внутри общего безопасного цивилизационного поля. Конечно, концепция государства как семьи семей была придумана еще в Российской империи. В Советском Союзе ее воспроизвели на новом этапе развития русской цивилизации, назвав советской дружбой народов.

В русском языке и советской политической культуре окончательно оформилась двойственность понятия «национальный»: «национальный» как этнический — например, национально-культурная автономия, национальный вопрос, графа «национальность» во всесоюзных, а затем и во всероссийских переписях населения (кстати, в научный оборот термин «этнос» ввёл в 1923 году русский антрополог С. М. Широкогоров); «национальный» как общегражданский, страновой — национальный

интерес, национальная безопасность, национальная экономика.

В 1990-е годы эта двойственность проявилась неожиданным образом, когда президентом Б. Н. Ельциным был употреблён термин «россияне» — хотя и использовавшийся ещё с XVI века применительно ко всем жителям Великой, Малой и Белой Руси, но к тому времени архаичный и в Советском Союзе давно позабытый. Однако после распада СССР, стремясь обойти тему обострившихся межнациональных (межэтнических) противоречий (в том числе по вопросу административно-территориальных границ), роста этнического самосознания и автономистских настроений с неизменным историческим счётом к русскому народу, Ельцин предложил, как ему казалось, нейтральную общегражданскую формулу единения, которая бы объединила граждан разных национальностей и помогла сохранить федерацию. Однако жизнь сложнее кабинетных определений. Термин «россияне» приживался плохо. Подозрительная национальная интеллигенция увидела в этом термине попытку унитаризма, а часть русской — уступку этносепаратизму за счёт самих русских.

Но терминологические проблемы не решаются взаимными подозрениями. За пределами страны, в иноязычной среде разделение на «русских» и «россиян» исчезает. Весь мир называет нас Russians, не делая различий между проживающими в России аварцем, чеченцем, татаринцем, украинцем или удмуртом, не различая столичного жителя, обитателя казачьей станицы или уроженца горного аула. И это не лингвистическая небрежность, не бестактность, а интуитивное признание общего цивилизационного поля. И, пожалуй, одновременно бессилие перед мощной тысячелетней историей этногенеза, на протяжении которой разные народы России вносили свой вклад в нациестроительство и воевали под общими знамёнами русского царя, императора, а потом и единого Советского Союза.

Фундаментальную формулу уместной многоуровневой идентичности в своё время вывел дагестанский поэт Расул Гамзатов: «В Дагестане я — аварец, в России я — дагестанец, а за границей я — русский». Здесь нет противоречия или отказа от корней. Напротив, пе-

ред нами предстаёт стройная иерархия самоопределений. Человек может обладать этнической идентичностью (аварец), региональной гордостью (географическая идентичность — дагестанец) и при этом быть носителем русского цивилизационного кода, который делает его частью огромной культурной державы.

В современной России, в том числе на фоне героизма военнослужащих разных национальностей и их боевого братства, мы наблюдаем важный этап взросления российского общества: сочетания «русский чеченец», «русский татарин» или «русский якут» перестают восприниматься оскорбительно или как оксюмороны.

В условиях современной зрелой государственности слово «русский» возвращает себе статус цивилизационного маркера, не исчезая и как этнический для большей части граждан России.

От инвестиций в окраины до «реальной политики»

История российского государственного строительства — это не линейный путь безошибочных решений, а серия сложнейших, не без ошибок, но в целом удачных стратегий и экспериментов по культурной интеграции гигантских пространств и инокультурных сообществ. Удачных — потому что иначе самое большое пространство в мире, стратегическое по своему положению (Хартленд) и богатейшее по запасам природных ресурсов, не существовало бы столь длительное время как единый государственный организм. Ключевое отличие России от западных колониальных держав заключалось в иных стратегиях взаимодействия с сообществами на новых территориях, что в частности, характеризуется вектором движения ресурсов.

Если западные метрополии истребляли население завоёванных территорий, выкачивали богатства из колоний для процветания центральных (колониальных) элит, насаждали свой образ жизни как универсальный и доминирующий, то Россия веками реализовывала стратегию «инвестиций в окраинные территории». Инвестиций в экономику, просвещение, общественные институты с учетом

местной этнорелигиозной специфики и менталитета. Эта модель — развитие периферии за счёт центра — отличала Российскую империю и стала фундаментом советского «конструктивистского проекта».

Так своеобразно в Советском государстве реализовывались русский мессианизм и иррациональность, создавая устойчивость и управляемость пограничья. Государство поддерживало этот энтузиазм развития, содействуя новому народничеству: русские инженеры, строители, учителя, врачи, управленцы ехали в дальние регионы с ясно осознанной миссией — проектировать, строить, просвещать, лечить, созидать. Это бескорыстное служение тоже являлось частью цивилизационного русского кода.

В национальных республиках (неюридический термин, означающий республику с титульной нацией — ещё одним неюридическим термином, обозначающим народ, давший название республике) формировалась хозяйственная специализация, с нуля создавались целые отрасли: перерабатывающая промышленность, автомобилестроение, радиоэлектроника, авиастроение, высокотехнологичные производства, портовая инфраструктура, активно развивалась система высшего образования. Среднеазиатские республики получили развитую лёгкую и химическую промышленность, машиностроение, электроэнергетику, а прежде преимущественно аграрные Прибалтика и Украина превратились в передовые промышленные витрины Союза. Однако у этой медали была обратная сторона: советские индустриальные гиганты не были самодостаточными организмами. Только являясь узлами единой общесоюзной сети кооперации, они могли дать синергетический эффект.

После распада СССР и разрыва технологических цепочек взаимозависимости большинство крупных и всемирно известных производств оказалось экономически несостоятельным. Так, технологически развитые прибалтийские республики (с производителями мирового уровня: «ВЭФ», «Радиотехника», Рижский вагоностроительный завод, «РАФ») превратились в нищие вымирающие страны, чья промышленность тихо умерла без дотаций и рынков «большой страны». Субсидии Евросоюза стали горькой пилюлей за уничтожение

местной промышленности в интересах европейских производителей. И в этом разительное отличие столь хулимых «имперской» России и Советского Союза от «просвещённого» Запада с его ценностями острова Эпштейна.

Зеркало Украины: опасность деконструкции реальности

Украинский кризис последних десятилетий — результат катастрофического по последствиям западного эксперимента по реформативанию украинской идентичности. Сегодня Украина — кривое «зеркало» любой многоукладной сложности. На этом примере видно, что происходит, когда государственное строительство начинает игнорировать реальную ткань истории в угоду искусственным идеологическим конструктам. Компромиссные Минские соглашения предлагали Украине стать федеративным государством. Киевский марионеточный режим предпочел остаться «анти-Россией», втянув страну в войну «до последнего украинца».

Корни сегодняшней драмы уходят в волюнтаризм советских элит. Новороссия и Крым оказались в составе Украинской ССР не в результате этногенеза или естественного этнокультурного процесса, а вследствие ленинских административных решений, пролоббированных украинскими партийными функционерами. Передача портовой инфраструктуры Новороссии вместе с Донбасским угольным бассейном и инженерно развитым Харьковом была попыткой большевиков сбалансировать экономику и классовый состав республики, добавив к сельскому населению Западной и Центральной Украины пролетариат промышленного Востока. Позже Н. С. Хрущев присвоил к этому уравнению рекреационный потенциал Крыма, довершив формирование завышенной украинской самооценки и самоуверенности, которая при распаде СССР сопровождалась победоносным кличем «Хватит кормить Москву!» и необъяснимой русофобией. Русофобией столь идиотической и несправедливой, что даже находившийся в эмиграции поэт Иосиф Бродский, имевший счет к СССР, написал яростный обличительный памфлет «На независимость Украины»:

— *Прощевайте, хохлы!
Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро:
может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый,
битком набитый
отвернутыми углами и вековой обидой...*

В результате десятки миллионов людей с русской идентичностью оказались заложниками нового искусственно созданного государства под названием «Украина». Республика, лоскутно скроенная из территорий с разным культурным укладом, языками и менталитетом, прежде удерживаемая советской идеологией и партийной дисциплиной, затрещала по культурным фронтам: Крым, Донбасс, Одесса, Харьков, русинско-венгеро-румынское Закарпатье.

Украина могла выбрать один из трёх сценариев: а) распад по цивилизационным границам; б) федерализацию через предоставление широкой культурной и экономической автономии Крыму и Новороссии; в) насильственную украинизацию через геноцид русского населения (даже под угрозой вмешательства России, готовой защитить своих соотечественников). Под диктовку американских и британских политконсультантов киевский режим выбрал третий путь.

Однако до прямого насилия нужно было устроить разруху в головах (как тут не вспомнить Михаила Афанасьевича Булгакова, памятник которому в целях «декоммунизации» также снесли в Киеве). Нужно было поработать с идентичностью украинской нации, которой не было. Ни нации, ни идентичности. Начали с тотальной деконструкции истории. Украинизация всего (школы, политики, кадров, истории) шла параллельно дерусификации (поначалу вроде бы потешной и анекдотичной, в духе лозунга «Слава Богу, не москаль!», а затем всё более злобной и репрессивной). Потом началась тотальная декоммунизация — дискредитация и вытравливание всего советского. Никого не смутило, что советское наследие — это не только сносимые памятники Ленину («ленинопад») и советскому солдату, но и атомные электростанции, мосты, дороги, метрополитен, авиационные и

машиностроительные заводы, да и вся городская инфраструктура.

После начала СВО вместе с дерусификацией и декоммунизацией активно начался демонтаж всего, имеющего отношение к русской цивилизации, истории и культуре. Началась борьба с памятниками Екатерине Великой, Пушкину, Суворову и даже равноапостольному князю Владимиру, крестителю Киевской Руси. Не смущало и то, что если последовательно убирать из истории Одессы, Харькова, Николаева или Киева всё русское и советское, в сухом остатке остается Дикое поле. Попытка достичь «чистого украинства» приводит в историческую пустоту, которую заполнили западенским субстратом из бандеровщины. И там, где это менее всего действенно (в Одессе), там более всего лютует ТЦК. Антироссия во всем своем бесстыдном людоедстве.

Лингвистический аспект деконструкции прежней (русско-советской) идентичности Востока Украины с начала распада СССР был осознанной гуманитарной интервенцией. Западенская (галицийская) норма языка активно навязывалась в регионах, где веками говорили на русском или суржике. Например, для жителей Запорожья или Крыма суржик был живой, органичной формой речи, а навязываемый украинский язык — чуждым идеологическим инструментом. Причём совершенно бесполезным, в отличие от русского языка — языка не только богатой культуры, но и технической грамотности. Перевод инструкций по работе Запорожской АЭС на украинский язык не состоялся, т. к. грозил созданием аварийных ситуаций.

Главный урок, который дает нам кривое украинское зеркало незалежности, заключается в том, что нельзя строить будущее, отрицая реальность всего прошлого.

Попытка «отменить» исторические пласты прошлого, которые кажутся неудобными и чужими, неизбежно приводит к просадке существующего государственного фундамента. Государство, которое борется с собственной историей, лишает себя будущего, превращаясь в змею, пожирающую собственный хвост («до последнего украинца»). Сложное межэтническое единство невозможно там, где одна

часть реальности пытается упразднить другую с целью обеспечить гармонию кладбища.

«Аврал», «авось» и квантовые скачки цивилизации

Национальный характер — не совокупность случайных качеств. С одной стороны, русский характер закалялся и выкристаллизовывался под встречным давлением восточных орд и западного латинского вторжения. Отсюда, при всем долготерпении, неимоверная сила сопротивления и готовность биться до последней капли крови. Отсюда — самопожертвование и внутренняя ярость, про которую писал Пушкин, говоря: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Не зря русский народ столько веков изображается на Западе медведем — неуклюжим, но самым страшным и сильным лесным зверем. С другой стороны, русский характер формировался в экстремальных климатических условиях, при ярко выраженной сезонности и бескрайних просторах. Почти половина территории страны приравнена к арктической зоне, что наложило неизгладимый отпечаток на «коллективное бессознательное», на две «А» русского характера: аврал и авось. Непереводимое на другие языки «авось» уходит корнями в древнерусский язык и аграрный уклад. Русский крестьянин (да и финно-угорский, например) веками жил в условиях короткого и непредсказуемого лета. Понятие «страда» (этимологически родственное слову «страдание») означало период, когда работа велась в почти круглосуточном режиме. Но даже предельное напряжение сил не гарантировало результат: внезапный град, засуха или заморозки могли уничтожить урожай в одну ночь. Когда человек понимает, что финальный результат зависит от факторов, на которые он не может повлиять, рождается русское «авось» — надежда на удачу. Это — не лень, а иррациональное доверие судьбе, понимание того, что в мире всегда есть место случаю и провидению.

«Авось» не отменяет «аврала», а, напротив, подготавливает почву для него. Нация, привыкшая к непредсказуемости природных стихий, выработала способность к взрывной мобилизации. Россия — это цивилизация, ко-

торая может долго находиться в полуспящем, созерцательном состоянии, но в критический момент способна на невероятное напряжение сил и рывок, кажущийся невозможным с точки зрения логики других наций.

В этом контексте уместно говорить о России как о «квантовой цивилизации». Исторически мы часто демонстрируем нерасположенность к планомерному, рутинному «процессу», который является гордостью западной цивилизации. Немецкий работник, получив на свой вопрос о дедлайне нового задания ответ начальника «вчера!», сочтет задачу нереальной, руководство — некомпетентным и откажется работать. Американец грубо выругается. Британец галантно отправит начальника в пешее путешествие, изящно и виртуозно отказавшись выполнять поручение. И только для нашего человека режим «сверхзадачи в невозможные сроки» является нормативным и мотивирующим на подвиги. Именно такой мобилизационный режим включал наш многонациональный народ, когда изгонял тевтонских, французских и немецких оккупантов. Благодаря народной мобилизации создавались самые значимые отечественные проекты: борьба с безграмотностью, электрификация всей страны, атомная промышленность, восстановление экономики после войны, прорыв в космос, освоение целины. Мы не идем по ступеням — мы совершаем квантовый скачок из точки А в точку Д, минуя пару промежуточных стадий.

Эта «квантовость» цивилизации неразрывно связана с иррациональностью нашего сознания. Тютчевское «умом Россию не понять» — не просто поэтический образ, а диагноз и констатация факта: русская цивилизация оперирует иной рациональностью, где вера и интуиция значат не меньше, чем расчёт. Непредсказуемость нашей иррациональности для внешнего мира, приоритет духовного над материальным — это не слабость, а стратегическое преимущество. Непрагматичность веры, свойственный нам идеализм (теперь столь чуждый Западу), человечность (как гуманизм, подлинный смысл которого утрачен западной цивилизацией), непостижимая для западного человека самоотверженность (качество отечественного героя нашего времени, наследующего героям-предкам), наконец, коллективизм — позволяют нам выходить из

тупиков, которые кажутся фатальными для обществ, привыкших к линейному развитию.

Как часто бывает, за силой кроется и уязвимость: без «Большого проекта», без высокой миссии, без утопической цели мобилизационный психотип нации начинает хандрить. Мессианство — это потребность созидать новый справедливый миропорядок (будь то защита вселенского православия Третьим Римом или Священный союз как наивная инициатива императора Александра I по сохранению европейских монархий, мировая революция или исполнение интернационального долга). Мессианство — это желание спасти мир (от нацизма, ядерной катастрофы, неонацизма и неоколониализма).

Мессианство — это бескорыстное служение другим без поиска выгоды для себя (просвещение и дарование письменности бесписьменным народам, экономическая помощь странам третьего мира, гуманитарная помощь народам Африки, Азии и Латинской Америки).

Эта потребность помогать, спасать и созидать ради того, чтобы мир был справедливым, является необходимым топливом для российского цивилизационного двигателя. Только в движении к великой цели нация двух «А» обретает своё подлинное вселенское, как говорил Достоевский, значение.

Модель сосуществования: большинство не подавляет

Единство сложносоставной системы всегда балансирует между двумя разрушительными (для системы) крайностями: хаосом разрозненных фрагментов и мертвенной унификацией. Опыт западных обществ последних десятилетий демонстрирует глубокий кризис модели «плавильного котла». По сути неоколониальная модель социокультурной ассимиляции мигрантов во Франции, Германии, Британии и США, направленная на превращение их в «истинных европейцев» и «подлинных американцев», потерпела крах. Статистика выявила прямую зависимость между обострением криминогенной обстановки и поведением прибывающих сообществ. Попытка решить вопрос через позитивную дискриминацию —

Иллюстрации из альбома
Г.-Т. Паули «Этнографическое описание
народов Российской империи» (1862).

наделение мигрантов большими правами, чем старожильческое население, — оказалась ещё одним тупиком либерализма. Местное население оказалось настолько бесправным, что покидает прежние места проживания, спасаясь от насилия мигрантов. В Европе, Канаде и США возникают города с преобладающим составом неграждан или граждан этих стран в первом поколении.

Сложился феномен «второго поколения». Если первое поколение переселенцев часто готово «гнуть шею», подстраиваться под чужие социальные стандарты, осознавая собственную вторичность и плохое знание местного языка, то поколение детей — в том числе родившееся в другой стране — чаще всего входит в клинч с государством и обществом. Дети не хотят быть «вторым сортом», их протест обращён против общества, «унижающего» их родителей. Поколение детей начинает агрессивно защищать своё право на сохранение цивилизационной идентичности (даже если не способно описать её словами), что ведёт к всплескам самоорганизованного насилия и асоциальности. Западная «жёсткая регуляторика» и требования полной социокультурной ассимиляции превращают инокультурную среду в генератор конфликтов.

Российская модель сосуществования принципиально иная. Она различает интеграцию культурных кодов народов России и социокультурную адаптацию трудовых мигрантов (без их интеграции). Первая базируется на понятии многоукладности. В одном российском цивилизационном поле органично соседствуют разные уклады и образы жизни. Россия — это мир, где одновременно существуют постсовременные мегаполисы, мощные высокотехнологичные центры Поволжья и индустриальный Урал, традиционные уклады Кавказа и архаичный кочевой быт некоторых коренных малочисленных народов Севера. Эта многоукладность не просто «допускается» государством, она защищается на законодательном уровне. Так было и в Российской империи, и в СССР, и в Российской Федерации (например, применительно к сохранению культурной самобытности, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). Конечно, эта многоукладность только тогда успешна, когда большинство не подавляет меньшинство. И русское большинство, составляющее, согласно последним переписям, около 80% населения, не подавляет. Доминирующая эт-

ническая (русская) и религиозная (православная) части российской нации несут миссию социального гаранта многообразия. Эта модель работает лишь до тех пор, пока соблюдается баланс общественного договора. Единство — это уравнение, в котором важны обе части. С одной стороны — полное обеспечение прав малых сообществ и их самореализация (например, в Российской империи карьерные и социальные лифты для представителей народов Кавказа, буддистов, старообрядцев были созданы через военные, торговые или научные элиты). С другой стороны — учёт и соблюдение прав и интересов русского народа, «хребта» государственности. Любой перекокс в этом уравнении фатален.

Мудрость темпа развития

Цивилизационная идентичность базируется на традиционных ценностях (цивилизационных константах) и изменяется достаточно медленно. Достижения результата приходится ждать порой десятилетия. Например, во время Всесоюзной переписи населения в 1937 году выяснилось, что из 98,3 млн опрошенных 56% оказались верующими! И это после 20 лет строительства советского общества с мощной антирелигиозной пропагандой. Эту особенность цивилизационных изменений необходимо учитывать при работе с идентичностью, которая, конечно, не является застывшим монументом или «скрижалю», высеченной навечно. Идентичность медленно, но меняется, адаптируется. Другой вопрос — под влиянием каких факторов (внешних или внутренних, деструктивных или укрепляющих)? Некоторыми политологами, политтехнологами и специалистами по социальной инженерии сильно недооценивается консервативность цивилизационных ценностей.

А ведь любое конструирование и развитие требует государственной мудрости — способности вовремя распознать «тупик», отказаться от того, что перестало работать. Бывают моменты, когда действующие идеологемы входят в неразрешимое противоречие с реальностью. Ярчайшим примером стал идеологический манёвр сталинского руководства в годы Великой Отечественной войны. Когда Советскому Союзу для мобилизации нации на священную войну против нацистских захват-

чиков потребовались национальные герои прошлого, Сталин вспомнил и великого князя Александра Невского, и дореволюционных полководцев Суворова с Кутузовым, и христианское обращение «братья и сёстры». Перед лицом экзистенциальной угрозы государство нашло в себе силы отказаться от радикального антиклерикализма и вернуть религии социальную функцию и институциональность (открыть храмы, созвать Архиерейский собор 1943 года, разрешить избрать патриарха, вести духовно-патриотическую деятельность). «Шаг назад» с точки зрения ленинских догм оказался гигантским шагом вперёд для объединения народа и спасения отечественной цивилизации. Как показала многовековая история, подлинная сила государства заключается не в попытке унифицировать реальность, а в способности развиваться вместе с ней.

Один из главных уроков анализа национальных процессов — это понимание того, что нормы культуры, языка и даже самой этничности консервативны, но подвержены изменениям. Признание этой динамики избавляет нас от страха перед переменами, если только эти перемены не направлены на деконструкцию идентичности.

Вот и Россия как «квантовая цивилизация» способна преодолеть любые кризисы идентичности до тех пор, пока мы не поддаёмся соблазну «отмены» собственного прошлого или деконструкции реальности. Наши непредсказуемость, мессианизм, иррациональное «авось» и мобилизационный «аврал» — это инструменты, позволяющие нам совершать прорывы там, где другие видят лишь тупики.

В мире, где всё чаще выбирают путь упрощения и жёсткой сегрегации, российский опыт сосуществования сложностей остаётся уникальным ресурсом. Мы — нация, которая умеет объединять мегаполисы и кочевья, космос и древнюю веру, промышленный прагматизм и мессианский порыв. И в сохранении этого многоукладного симфонического целого, удерживаемого русским культурным кодом, заключается залог нашего суверенитета и нашего будущего. История не заканчивается — она продолжается в каждом нашем решении по сохранению того великого уравнения, которое мы называем Россией. ●

Стратегическая прочность России

В. В. Аверьянов,
доктор филос. наук, Изборский клуб

Русский мiр

Вне контекста цивилизационной идентичности идентичность гражданская перетягивает на себя многие смыслы и функции, которые ей, в общем-то, не свойственны по её природе. В случае России, как и в случае других государств-цивилизаций (таких как Китай или Иран), гражданская идентичность обретает своё более скромное место, встраиваясь в цивилизационную идентичность как её часть. И тогда в отношении национального вопроса можно сразу снять массу претензий, которые звучат со стороны разного рода националистов и сторонников этнокультурной автономии.

Цивилизационная идентичность — это ни в коей мере не сумма национальных идентичностей. Это новое качество, которое возникает поверх них. Цивилизационная идентичность — это кумулятивный эффект, когда различные этнокультурные и религиозные группы соединяются и работают в общем историческом проекте. В результате происходит выработка нового антропотипа, превосходящего этнокультурный уровень.

Россия всегда, начиная по крайней мере с XVI века, представляет собой «многослойный пирог идентичности» — **многоуровневую идентичность**, в которой есть и «малая родина» (если смотреть на неё со стороны и на дистанции от самого места — это «землячество»), есть и «этническая идентичность» (которая иногда совпадает с региональной, иногда не до конца совпадает с ней), есть и «религиозная идентичность» (которая, как пра-

вило, имеет сквозной характер). Каждый из этих уровней таит в себе определённые риски и вызовы. Например, в случае религиозной идентичности — прозелитизм, в случае этнической — попытки ассимилировать те или иные этносы, в случае «малой родины» — отлучение от традиционного места проживания, вырывание тех или иных групп и перемещение их в другие регионы, что нередко бывало в истории.

Уровень цивилизационной идентичности как таковой — это верхний пласт внутри этого многослойного комплекса, который обеспечивает единство всей конструкции, скрепляет её сверху. Для России характерно, что он, как правило, не посягает на другие её уровни, стремится их не исказить. Более того, как правило, этот уровень представляет собой гарант неразмывания нижних по отношению к нему уровней, выступает как гарант их сбережения. В этом смысле цивилизация у нас не конструирует каких-то денационализированных «общечеловеков», а констатирует, что человек ценен именно как носитель своей культуры, притом что он может быть и должен быть патриотом большого Отечества. Но он ценен и как носитель своеобразной племенной, родовой принадлежности, культурной, региональной, религиозной и так далее. Другое дело, что, поднимаясь в своей карьере в качестве служащего, учёного, предпринимателя, политика и т. д., он всё в большей мере

становится носителем общецивилизационного начала. Становясь в этом плане «русским», он остаётся «туземцем» и при этом обогащается как личность через верхний этаж идентичности.

Задача государства-цивилизации в данном случае — это снятие конфликтов между разными уровнями, которые, конечно же, возникают время от времени. Второй существенный момент: в истории России вырабатывается некая форма фиксации этого цивилизационного уровня как политической лояльности.

У нас был чрезвычайно удачный опыт, который, я считаю, сегодня нужно переосмыслить и как-то перевести на современный язык, — это мифологема «Белого царя».

Позднее у нас был другой опыт политической фиксации цивилизационного начала, когда партия выполняла эту роль — роль царя до революции.

Безусловно, были случаи, когда происходили разрывы или провалы в этой цивилизационной идентичности: например, двойная лояльность масонского типа у декабристов, Коминтерн после революции, западничи-транснационалы 90-х годов. Сейчас мы находимся в поиске нового политического фокуса. Он у нас ещё не институционализировался в достаточной мере. Вероятно, это будет уже не царь, это будет уже не партия, но поиск

идет и будет идти в сходном направлении. Это вопрос, который я задаю всем нам, потому что у меня готового ответа нет.

Когда мы говорим о России-цивилизации, России как цивилизации, слово «цивилизация» на бытовом уровне воспринимается как что-то научнообразное. У него есть простой эквивалент, в этом смысле вполне удачный, вошедший в обиход в последнее время, — это «Русский мир».

Я сторонник того, чтобы не оставлять это словосочетание, эту парадигму, а использовать ее в том числе и в пропагандистских целях. Почему это так?

Потому что в значительной мере «Русский мир» продемонстрировал неколонизационный тип освоения пространства. На рисунке обозначен русский клин, который вторгается в глубину Евразии и постепенно сужается по мере его продвижения к Тихому океану, заостряясь где-то в районе Сахалина и Курильских островов. Этот клин — территории традиционно компактного проживания этнически русских. Почему получился такой клин, почему непропорционально расселились? До XX века все народы Евразии, включая великороссов, жили общинами, солидарными группами. Во времена Российской империи существовал определенный запрет русским переселенцам самовольно селиться на землях во владениях инородцев. Только по согласованию с местным обществом можно было там селиться. В этом плане Русь переступила через свой эгоизм, эгоизм своей локальной цивилизации, и сумела стать чем-то гораздо большим, чем один из многих народов, — стать осью, на которую нанизываются кольца других этносов.

Русский мир объединил огромное пространство, разнообразное, мозаичное. Но, несмотря на его многообразие, это пространство воспринимается и как целостность, как определенная геоисторическая ниша для одной цивилизации. Известная школа евразийцев в первой половине XX века показала, что это пространство имеет явные признаки целостности и свои внутренние закономерности развития. Как писал об этом поэт Велимир Хлебников, Россия «сменой тундр, тайги, степей похожа на один божественно звучащий стих».

Евразийцы-ученые (в частности, П. Н. Савицкий) это показали на целом ряде эмпирических фактов: это и флагоподобное расположение России как совокупности ее природных зон, и климатические законы. Сюда же следует отнести и своеобразное единство истории, закон приливов и отливов, интеграции и дезинтеграции северо-евразийской ойкумены. Об этом убедительно писал Г. В. Вернадский. Субъектами этих волн выступали в разные эпохи держава скифов, гуннская держава, тюркские каганаты, Монгольская империя. Наконец, эту эстафету подхватила Россия, СССР. И в этом смысле Россия не первая из интеграторов данного пространства. Но мы не скифы и не гунны. Поэтому сказать, что Россия — это Северная Евразия, — правильно, но это слишком широкое определение для нашей цивилизации. Всё-таки именно личное имя России должно стоять у нас на первом месте. Цивилизация наша — прежде всего Россия, Русский мир, а уже потом к этому личному имени можно добавлять географические характеристики. Но добавлять их всё-таки нужно. Во всяком случае, сегодня, когда функционирует Евразийский экономический союз, понятно, что эта парадигма успешно работает.

Понятие «Русский мир» в его концептуальном значении вошло в научный дискурс вовсе не в 1990-е годы. Первым всерьёз заговорил об этом Пётр Савицкий, один из отцов-основателей евразийства. И он прямо отождествлял Русский мир с ведущей силой Северной Евразии. Вслед за ним другие евразийцы первого поколения часто употребляли эти понятия как синонимы (Русский мир, Россия — Евразия, Северная Евразия). Без евразийского вектора Русский мир был бы обречён на ту или иную форму этнокультурного изоляционизма. Но, с другой стороны, и без Русского мира евразийская общность представляла бы собой в последние 700 лет пустое множество.

При этом славянский и православный миры в своём «самостоянии» выталкивают из общего поля иноэтничные и инорелигиозные компоненты. А Русский мир как цивилизационное единство позволяет на своём поле как славянской, так и православной общности вступать в конструктивные, гармоничные взаимоотношения с другими народами и традициями. То есть возникает «евразийское про-

Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; **Царь** Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; **Государь** Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; **Князь** Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; **Государь и Великий Князь** Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский (...)

странство комплементарности». Русский мир делает важные для него миры союзниками, а не конкурентами.

«Большое видится на расстоянии», поэтому первыми заметили эти уникальные свойства России не русские мыслители. Немецкий писатель Вальтер Шубарт сумел обобщить многие феномены и концептуальные осмысления русской истории через понятия «иоанновский человек», «иоанновский тип культуры». Так он называл особую русскую уживчивость, её способность к мирной колонизации, к гармоничной «включительности» (понятие, употреблявшееся Д.И. Менделеевым). В некотором роде это было возведение в более высокую степень идеи Ф.М. Достоевского о «всечеловечности» и «всемирной отзывчивости» пушкинского типа культуры. Эту идею «иоанновского типа» подхватили русские философы, и после Шубарта она уже стала у нас очень распространённой.

Жёсткость и мягкость

В России мы видим на сегодняшний день пять состоявшихся моделей цивилизационной идентичности, сменявших друг друга: политико-мифологическую модель («Белый царь»), правовую имперскую модель (классическая Российская империя), ленинскую модель (плацдарм для торжества Интернационала), зрелую советскую модель («старший брат» и создание новой советской общности) и раннюю постсоветскую (либеральную конструктивистскую) модель. От последней модели мы постепенно уходим, и сейчас встает вопрос о том, какой будет новая модель.

Модель «Белого царя» оказалась чрезвычайно эффективной мифологемой, потому что здесь совпали многие коды, традиции и пророчества разных народов Евразии: алтайцев, хакасов, тувинцев, многих монгольских народов. Буддисты в XVIII веке признали государыню Екатерину Великую воплощением Белой Тары, и затем это признание работало уже в отношении всех петербургских монархов.

Идея Белого царя органично легла на сознание этих народов и вызвала у них доверие. Я думаю, глубина этой мифологемы не сводится к XVI–XVII вв. — скорее всего, она уходит в более древние века.

На практике модель строилась на основе шерти (то есть присяги неполного подчинения, вассалитета) и ясака (определённой формы налогообложения). При этом Русское государство выступало в роли третьей стороны, и надо признать, что его продвижение на восток де-факто прекратило междоусобные войны на территории Северной Евразии. В течение этих веков проявлялась определённая забота о коренных малочисленных народах: запрещалась, например, продажа вина и водки, хотя контрабандой они все равно просачивались; со временем была организована система медицинской помощи, вакцинация от оспы и т. д.

Парадигма Петербургской империи — это переход от религиозно-мифологического формата к правовому. Империя состояла из нескольких крупных укладов. Насчитывалось 49 стержневых губерний Центральной России и Урала. Это были не только этнически русские, но скорее православные губернии — те области, где многие жители успели воцерковиться. Это в том числе такие народы, как

РИСКИ ДЛЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ

- Двойная лояльность в национальных автономиях;
- Провокационный уменьшительный и упрости́тельный национализм;
- Представление о России как части глобального мира, предназначенной в конечном счёте к абсорбции этим миром.

чуваши, удмурты, марийцы... Русификация в ту эпоху происходила не через этническое самосознание, а через веру. Вместе с верой похожим образом формировался и социально-культурный уклад этих этносов.

Особым статусом обладал ряд территорий, пользовавшихся правами политической автономии (Польша, Финляндия, Хива, Бухара и другие). Ещё одним крупным типом внутри сообщества русских подданных были кочевые народы, оседлость которых была не постоянной, а сезонной. Были, наконец, и так называемые «бродячие инородцы», которые оседлыми не являлись в принципе. Закон империи выделял им в пользование целые полосы земли, по которым они могли двигаться свободно, не мешая при этом никому другому.

Была выстроена достаточно продуманная система, включавшая льготы, родовые управления, инородные управы, степные думы, старост и специальный институт попечителей. Существовали даже специальные кадетские корпуса для местных элит. Примечательно, что должности в туземных органах власти на разных уровнях управления были, как правило, выборными. В результате произошло сближение таких институтов, как юрта и русская община. Юрта приобрела многие черты русской общины, происходило их взаимопроникновение, а значит, вырабатывался единый цивилизационный код Русского мира.

Ленинская модель радикально отличалась от имперской, при этом Ленин решал задачу максимального сохранения пространства бывшей империи. Ленин особое внимание уделял перспективе создания Соединённых Штатов Европы и Азии, как это тогда назы-

валось в документах. Отсюда и жёсткий подход к великорусскому шовинизму, к «русскому чиновнику-держиморде», причём Ленин обнаружил эти пороки внутри самой партии, прежде всего в лице Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе, что сейчас звучит довольно забавно.

Известны неоднократно повторяемые Лениным мысли о федерализме: «Мы, безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений». И это не помешало ему заложить под СССР ту самую «мину замедленного действия», которая взорвалась в 1991 году. Причина того — ставка на мировую революцию, рассмотрение России как её плацдарма, а не самостоятельной цивилизации. Россию Ленин и Троцкий трактовали как периферию цивилизации, которая восстала против центра.

Зрелая советская модель, которая начала утверждаться где-то с середины 30-х годов, существенно изменила подход: от служебного плацдарма к де-факто цивилизационному подходу. СССР с сателлитами рассматривался Сталиным как цивилизационный лидер человечества, очаг прогресса. В плане практической политики эта модель реализовывалась через концентрацию полномочий союзными структурами и безоговорочную диктатуру партии, внутри которой сложились жёсткие иерархические отношения. С середины 30-х годов останавливается коренизация кадров, восстанавливается статус русского языка и кириллицы. Однако при Хрущёве проходит вторая волна коренизации и культивирования республиканских суверенитетов.

НОВАЯ СЛОЖНОСТЬ

Повышательный вектор — каждый уровень идентичности максимально углубляется; нет предела культурному, духовному самоуглублению, развитию своеобразия.

Но **политический уровень** идентичности остается за Россией как государством-цивилизацией.

Ранняя постсоветская модель — безусловно, это не что-то законченное, это скорее процесс эволюции прежней РСФСР, её встраивания в глобальные структуры. В этот период Россия де-факто понималась как нечто промежуточное и избыточное, некая временная станция по пути следования в глобализацию, в мир полной свободы для капитала. Сегодня мы всё больше отходим от так называемой конструктивистской школы, которая в 1990-е годы была у нас в этом плане доминирующей объяснительной моделью.

Какова же будет новая модель? Я склонен определять её как «неоимперскую систему». Вообще в науке за последние 15–20 лет слово «империя» перестало быть негативно окрашенным понятием. Т. е. уже совершенно по-другому сейчас относятся к нему везде — и на Западе, и на Востоке. И дело здесь не во внешней имперской символике, не в «горностаевых мантиях» или наследственной монархии, а в том самом дифференцированном подходе, выгодно отличающемся от унифицирующего конструктивистского подхода. Должна быть найдена современная форма этнокультурной правосубъектности, тем более что, как мы понимаем, сегодня всё меньше мы имеем дело с общинами компактного проживания, а практически все этносы всё больше и больше дисперсно расплываются по большому пространству цивилизации.

Когда говорят о русификации, здесь имеет место парадокс: дело в том, что в Российской империи какой-то насильственной русификации не было даже в плане языка. Реальная русификация большинства населения исторической России произошла уже в СССР в со-

ответствии с Постановлением ЦК от 1938 года «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». И несмотря на это, к 1970 году у нас только 42 % казахов, 19 % киргизов, 15 % узбеков свободно владели русским языком. Эта пресловутая «русификация» — длительный исторический процесс, который нельзя назвать завершённым и сейчас, внутри нынешних границ России, не говоря уже о большой исторической России.

Мы часто слышим тезис о том, что многообразие России — это её сила. Но давайте будем откровенны: многообразие может и не быть силой. Это зависит от того, как отбирается «материал» для работы с цивилизационной прочностью страны, как осуществляется работа с этим материалом.

Отец нашего великого поэта, Александр Львович Блок, был правоведом. Он применял в отношении национального вопроса термин из области металлургии — «лигатура», когда целенаправленно осуществляется добавление примеси к мягкому благородному металлу. К нему что-то добавляется, и он становится более твёрдым, более ковким, более износоустойчивым. Медь превращается в бронзу, из железа получается легированная сталь... Но можно в этом деле ошибиться и добавить не тот металл или не в той пропорции, и тогда сплав окажется, наоборот, недостаточно сопротивляющимся внешним воздействиям.

Поэтому определяющим является вопрос о том, доминирует ли у нас понижающий или повышающий вектор модели цивилизационной идентичности. К понижающему вектору

я бы отнёс такие позиции, как либеральный национализм, концепция «Острова Россия», сведение миссии человека в России к потреблению или торговле, поскольку такого рода миссия «растворяет» человека во внешнем пространстве, делает его атомом в космополитическом контексте. Повышающий же вектор — это общее дело, это развитие цивилизации, это способность пойти на жертвы, это усложнение идентичности, её наращивание и взаимное обогащение через взаимопроникновение всех её уровней.

И здесь, конечно, встает во весь рост вопрос о российском федерализме, который является нетипичным.

Причём степень либеральности империи к своим окраинам, к этим федеративным образованиям, зачастую лишь усугубляла положение. Так, на примере Финляндии можно судить о деструктивном и опасном характере понижающего вектора в плане созидания цивилизационной идентичности. Благодаря политике Александра I с его невероятной терпимостью к местным вольностям, в течение 90 лет в Финляндии русский язык не преподавался в школах и не был языком делопроизводства. Законы монарха должны были утверждаться местным сеймом. В Финляндии были свои отдельные вооружённые силы, а в императорской армии финны не служили. И когда в последние годы XIX века государь Николай II попытался исправить эти перекосы, возвращая Финляндию в лоно большой цивилизации, революционно настроенные финны восприняли это как реакцию и агрессивную русификацию. Генерал-губернатор Бобринков был застрелен террористом, а финны стали массово вливаться в радикальные партии, нацеленные на свержение самодержавия.

Есть и обратная тенденция, иная логика, которая связана с уже укоренившейся у нас за последние сто с лишним лет методологией экономического районирования (начало ей было положено Арсеньевым, Семёновым-Тян-Шанским, Менделеевым и др.). Именно по её лекалам работал Госплан, реализовывался план ГОЭЛРО, проводились пятилетки. Суть этой тенденции — игнорирование границ этнокультурных и религиозных ареалов при формиро-

вании крупных единиц административного и экономического управления.

Приведу полулегендарный факт, о котором рассказывал А. И. Вольский: когда Ю. В. Андропов занял пост генсека, он поручил Вольскому разработать модель отказа от федерализма, опираясь при этом на экономико-географическое районирование. Задание было выполнено, но в связи со смертью Андропова этот вопрос исчез с повестки. Тогда речь шла о 41 штате, из которых должен был бы состоять Советский Союз. И при этом, по выражению Андропова, как передает Вольский в интервью, национальное начало «гасилось». Вероятно, еще на посту главы КГБ Андропов получал достаточно информации о настроениях в местных элитах СССР, а также от внешней разведки — о проекте Бжезинского и других подобных разработках противника.

Федеративная реформа у нас всегда осуществлялась во время ослабления государства. А ее надо осуществлять в тот момент, когда государство сильно, потому что только это даст возможность устроить государство не в угоду интересам местных этнократий или региональных кланов, а исходя из здравого смысла, ценности цивилизации как общего дела и развития, из перспективы ее будущего, ради обеспечения которого необходима высокая цивилизационная прочность всей системы.

Таким образом, повышательный вектор заключается в том, что каждый уровень идентичности максимально углубляется; нет предела культурному, духовному самоуглублению, развитию своеобразия. Но при этом политический уровень идентичности остается за Россией как государством-цивилизацией. Он не подлежит какому-либо переделу и какому-либо торгу.

В конечном счете, цивилизационная идентичность — это универсальное понятие, она связана с определенной альтернативой глобализации, опытом своего рода глобализации, но на собственной территории.

Цивилизационная идентичность — это тот формат, который позволяет нам в этом мире чувствовать себя центром мира в хорошем смысле слова, то есть чувствовать себя миром в этом мире и, не уступая никому в самых главных вещах, идти своим путем. ●

Национальный вопрос в современной России

М. А. Омаров,
доктор политических наук, профессор

Русское начало

Россия исторически формировалась как полиэтничное и поликонфессиональное государство. Её история началась в 862 году, когда при участии и со взаимного согласия представителей славянских и финских племён был заключён договор с варягами и призван на княжение Рюрик.

В течение дальнейшей, более чем тысячелетней истории страны происходило включение в её состав новых народов и земель их проживания. И если в западном направлении Москва собирала территории, утраченные в период монгольского нашествия, то в восточ-

ном продвижение шло путём включения земель и народов, не имевших устоявшейся государственности. Фактически можно говорить о юго-восточном фронтире по аналогии с тем, как в США в XIX веке осваивался «Дикий Запад». Правда, есть и существенная разница. Западный фронтир сопровождался истреблением индейцев ради новых поселенцев, в то время как русский фронтир имел целью включение в состав Русского царства в первую очередь людского потенциала кочующих по Великой степи народов и племён. А защита от набегов как главная забота государства, только что вышедшего из-под ордынского ига, стимулировала строительство укрепленных городов, объединявшихся в стратегические линии. Другим принципиальным отличием от европейской колонизации стал её государствен-

ный характер. Как утверждает профессор Университета Лойолы в Чикаго Майкл Ходарковский: «В этом смысле, вопреки общественному мнению, русские „опередили“ европейцев, которые лишь в XIX веке стали в полной мере использовать государственную машину для присоединения заморских владений».

Существенное расширение страны произошло при Иване IV Грозном. При нём территория страны увеличилась вдвое, а границ в европейском понимании, подобных тем, что существовали на западных рубежах, на юге и востоке так и не возникло. Эта ситуация положила начало той полиэтничности и многоконфессиональности, которые сохранились и по сей день.

Возвышение Москвы совпало с падением Орды, распавшейся на несколько улусов, начавших междоусобные войны. Вопрос получения ярлыка на правление в Великом княжестве Московском ушёл в далёкое прошлое, а традиционная дань превратилась в дотации для враждующей между собой знати из числа Чингизидов. Причём деньги и подарки распределялись русскими послами исходя из лояльности вождей кочевников Москве. Многие представители элиты мигрировали и поступали на службу к царю. У других брали наследников (аманатов), из которых возвращали на русскую службу будущих правителей. Причём в России они получали в управление целые города и волости. Лояльность Казанского ханства определялась в подмосковном Касимове. Прямые наследники крымского хана Гирея владели Калугой, Каширой и другими городами. Элиты крымцев, ногайцев, калмыков, башкир, казахов делились на прорусские партии и их разношёрстных оппонентов. При этом, заключая договоры (шерти) о лояльности Москве, они несли формальные обязательства не нападать друг на друга. Ситуация несколько изменилась после Смутного времени. По времени оно совпало с началом расширения влияния Османской империи. Порта делала ставку на общность религии и помощь единоверцам в борьбе с христианами. Крым сразу вошёл в зону интересов Стамбула и из верного союзника превратился в главного организатора набегов на южные рубежи Русского царства.

Это привело к изменению политики в отношении и оседлого, и кочевого населения. И. Т. Посошков, первый русский экономист и меркантилист, обратился к Петру I с предложением о необходимости изменения политики на юго-востоке империи. Он противопоставил слабую миссионерскую деятельность русских активности католиков и мусульман. Особой критике подверглась Православная церковь за неспособность привлечь нерусских к христианству. И хотя он закончил свою жизнь в Петропавловской крепости за свои сочинения, марийцы, мордва, черемисы, чуваша, удмурты и многие другие народы приняли православие во многом по его инициативе. Пётр повелел миссионерам учить местные языки, тогда же появились и первые словари, ибо цивилизовать «диких непросвещённых людей» предстояло на их же языках. В 1740 году для централизации миссионерской деятельности была создана Контора новокрестьянских дел. Правление Елизаветы Петровны из-за турецкой угрозы стало прямым копированием действий инквизиции по христианизации мусульманского населения (хотя до ужасов пыток времён Реконквисты никогда не доходило). Кроме того, специально для калмыков буддизм в России получил официальное признание в 1741 году, когда указом императрицы Елизаветы «ламаистская вера» была признана одной из государственных религий.

Однако уже при Екатерине II, после ряда убедительных побед над Блистательной Портой и присоединения Крыма, ситуация меняется. Угроза экспорта политического ислама исчезла. И императрица в 1764 году издаёт указ, возвращающий толерантное отношение к иноверцам на позиции XVI века. Контора Елизаветы, устроенная по европейскому образцу, была закрыта.

Политика Екатерины II была направлена на привлечение на территорию империи различных народов с сохранением их религиозных традиций и языков. Её правительство совершило одну ошибку, не поверив в возможное переселение калмыков из России в завоёванное империей Цин Джунгарское ханство. Это было последнее переселение народа в Великой степи, и для поддавшихся китайским угловорам калмыков оно закончилось трагически («Пыльный поход» 1771 года). В его преддвее-

рии в 1764 году Екатерина II учредила пост Хамбо-ламы, который стал главой буддистов Забайкалья и Сибири. Впрочем, об этом она никогда не сожалела.

Первый полный арабский текст Корана был напечатан в России в 1787 году. Указом императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 года в г. Уфе было создано Духовное магометанское управление (Оренбургское магометанское духовное собрание), чем было положено начало оформлению официальных исламских институтов в России. В 1878 году в России был опубликован первый перевод Корана с арабского на русский язык, выполненный Г. С. Саблуковым, что стало значительной вехой в знакомстве русского общества со священной книгой мусульман. За сто лет до этого ислам активно распространялся среди казахов и киргизов проповедниками из Казани. Екатерина II вместо логики религиозного противостояния занялась «социальной архитектурой» по превращению кочевников в землепашцев. На смену политике «разделяй и властвуй» в отношении элит пришло ещё и манипулирование противоречиями между простонародьем и аристократами.

При императоре Александре I в 1822 году был издан «Устав об управлении инородцев», в котором были сохранены некоторые элементы обычного права, что легло в основу системы управления коренными народами Сибири и Дальнего Востока на многие десятилетия вперёд. Однако победа над Наполеоном сыграла злую шутку в политике на Кавказе. Казалось, что любые вопросы Россия теперь может решать с помощью армии. Весь предыду-

щий опыт был как будто забыт. И как результат, начавшиеся в 1817 году военные действия на Северном Кавказе продлились до 1864 года. Сыграл большую роль и фактор дервишей-суфиев, создавших новое религиозное течение — мюридизм. При этом дервиши были изгнаны на Кавказ как агенты влияния Стамбула и Петербурга из шиитской Персии после её поражения в прямом столкновении с Россией (1828 год) из-за Восточной Армении. Полное военное превосходство русских не приносило победы. Лишь приход к власти Александра II позволил вновь вернуться к традиционной русской национальной политике и замирению в Дагестане и Чечне. Но к концу войны с Кавказа в Турцию переселилось значительное количество черкесов, а в ответ в нынешнем Краснодарском крае расселились армяне (их переселением занималась ещё Екатерина II), вскоре окончательно обрусевшие. Но это не мешает сегодня некоторым деятелям в Ереване считать эти земли частью Великой Армении.

Вышеприведённые примеры показывают, что правители Российской империи понимали важность признания, наряду с православием, иных верований, сохранения культурной самобытности народов как основы единства российского общества и Российского государства. А наряду с российским христианством в стране возник и российский ислам.

Советский народ светлого будущего

Идеологической основой государственной национальной политики следующего —

советского — периода российской истории было марксистско-ленинское учение, которое декларировало равенство всех наций и право наций на самоопределение. Господствующей идеологией стал государственный атеизм (вера в то, что Бога нет). Ключевыми принципами национальной политики провозглашались уничтожение национального неравенства и гнета, обеспечение развития всех наций и народов на основе интернационализма, а также дружба народов. Эти принципы были закреплены в законодательстве и отражены в практике национальной политики. Главным итогом нацистроительства должно было стать построение советского государства, формирование новой исторической общности людей — советского народа.

Первым актом Советского правительства, в котором был затронут национальный вопрос, стала «Декларация прав народов России» (2 (15) ноября 1917 года), провозгласившая равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Конституция РСФСР 1918 года определила федеративное устройство государства. Конституция СССР 1924 года закрепила правовое равенство народов.

В ходе реализации политики национального размежевания происходило выделение в составе единого советского государства национальных административно-территориальных единиц (союзных социалистических республик, автономных ССР, автономных областей и округов). 16 советских социалистических республик, созданных между 1917 и 1940 годами, были национальными республиками, обладали конституционно равными правами и равным положением в формальной структуре государственной власти. При этом многие этнические группы стали нациями в порядке, опережающем исторический ход собственного развития; некоторые нации создавались искусственно. Из-за этого возникли проблемы с проведением административных границ или приписыванием населения поселений, а то и районов к титульной нации административного образования. Некоторые народы разделялись. Так, среднеазиатское ираноязычное население было выделено в нацию таджиков.

Осетины были разделены между двумя административными образованиями, а адыги — на адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Другие народности, наоборот, сливались в одну нацию. Так, сваны и мингрелы были присоединены к грузинам, а мокшане и эрзяне — к мордве.

При проведении национально-территориального размежевания не все границы были проведены в точном соответствии с национальным составом соответствующих территорий. В результате значительное число лиц той или иной национальности оказалось за пределами своих титульных образований (например, таджики, составлявшие до 90 % населения Бухары и Самарканда, остались в Узбекской ССР).

Выравниванию экономического и культурного уровней развития народов способствовала проводимая в Советском Союзе в 1920–1930-е годы политика коренизации, которая заключалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей местных (коренных) национальностей, развитии национальных языков и культур, внедрении языков национальных меньшинств в делопроизводство и образование, поощрении издания СМИ на местных языках. Но при этом дискриминированным во вновь созданных союзных республиках оказалось русское население. Без знания местного языка нельзя было оставаться даже на самой мелкой административной должности. Особенно сложно было на Украине, где население всех городов было русскоязычным, а восточные области республики не говорили по-украински, хотя и значились по паспортам украинцами. В сообщениях ОГПУ отмечалось, что люди охотно поют песни на украинском языке, употребляют слова и выражения из него в быту, но категорически отказываются использовать его на рабочих местах. Причём в донесениях речь шла о пролетариате... Украинизация высшего образования вызвала студенческие волнения в университетах Харькова, Киева и Одессы.

По задумке В. И. Ленина и чуть ли не единственного поддержавшего его из руководства большевиков И. В. Сталина, выбранные для ускоренной коренизации народы СССР должны были пройти неизбежный исторический этап развития на пути к интернационализму — возникновение национального самосознания. Как отмечал Сталин: «Нельзя идти против исто-

рии». Принятой политикой коренизации большевики брали под контроль национальные процессы и направляли их в нужное для социалистического строительства русло. По их мнению, поддержка национальных форм должна была идти на опережение попыток контрреволюции мобилизовать население под националистическими лозунгами. По Ленину, национализм «угнетенных народов» — это реакция на репрессивную политику царизма и главную опасность — «великорусский шовинизм». А коренизация должна была вернуть доверие нацменьшинств к русскоязычным большевикам для построения светлого будущего.

Однако прошло более десяти лет, а Украина так и не заговорила по-украински. На провал лингвистической украинизации повлияли как сопротивление русских и русскоязычных украинцев в компартии и городах, так и выдвинутый Сталиным приоритет экономической и социальной политики по сравнению с национальной.

Несмотря на то что политика коренизации после начала индустриализации была свернута и на смену ей пришли централизация государственного управления, русификация образования и делопроизводства, советское правительство продолжало уделять большое внимание сохранению и развитию этнокультурного многообразия страны (гарантировалась возможность получения образования на родном языке, некоторые титульные языки получали статус государственных, теле- и радиовещание, издание газет и журналов осуществлялись в том числе на языках народов СССР).

Следует отметить, что в течение всего советского периода важную роль в подготовке научной и творческой интеллигенции, инженерных и военных кадров, создании высокотехнологичной промышленности, развитой инфраструктуры, национальных научных и культурных учреждений союзных республик, автономных республик и областей сыграл русский народ. Русская культура и русский язык продолжали играть объединяющую роль в многонациональном советском государстве.

Впрочем, практика реализации государственной национальной политики в советский период имела и ряд существенных негативных последствий. К таким последствиям, как показала постсоветская история, привели

массовые депортации крымских татар, немцев, чеченцев, ингушей, калмыков и других народов. То, что приветствовалось в период «коренизации», неожиданно стало объектом борьбы с «национал-уклонизмом» и послужило поводом для репрессий против национальных элит. Но самое печальное, что, несмотря на все усилия советского государства по выравниванию уровня экономического развития советских республик, в реальности этот разрыв сохранялся. Это подпитывало почву для возникновения и роста этнического национализма и сепаратизма и фактически ставило под сомнение ленинскую национальную политику.

При этом наиболее значимым является то, что сама идея этнической федерации, которая реализовывалась советскими лидерами, изначально таила в себе угрозу распада страны, поскольку строилась на принципах этнически разделённого общества. Усиленное внимание советского правительства к развитию национальных республик, что имело обоснование в контексте советской идеологии и положительно сказалось на уровне жизни проживающего в них населения, одновременно создавало опасность роста национализма и сепаратизма в среде национальных элит.

Российская гражданская нация

Распад Советского Союза прошел по административным границам бывших союзных республик. Еще до дезинтеграции начались этнические конфликты в Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, Ферганской долине... Русские из титульной нации в быв-

ших союзных республиках превратились в объект нападков, а то и погромов. Политику русофобии на себе почувствовали и другие национальности – татары, башкиры, евреи, аварцы, буряты и многие другие... И поток беженцев потянулся на «историческую родину». 25 декабря 1991 года Верховный Совет РСФСР утвердил закон «Об изменении названия государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». Было установлено новое название государства – Российская Федерация (Россия). Начался современный этап российской истории.

Осетино-ингушский конфликт, первая и вторая чеченские кампании, подготовка и переброска на территорию России международных террористов и наемников, попытки вторжения боевиков в Дагестан — вот далеко не полный перечень внешних и внутренних угроз для России в 90-е годы XX века. Наша страна стояла перед серьезными вызовами, которые ставили вопрос не только о дальнейшем пути развития, но и о самом существовании многонационального и многоконфессионального Российского государства.

Первым нормативно-правовым документом в сфере государственного регулирования межнациональных отношений в современной России стала Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 года № 909).

Концепция была призвана стать ориентиром для органов государственной власти при решении насущных задач национального развития и регулирования межнациональных отношений.

В ней была предпринята попытка осмысления новой исторической ситуации, в которой оказалось Российское государство и общество после распада Советского Союза, были предприняты усилия по поиску синтеза различных подходов к национальному вопросу, в том числе с сохранением многих достижений советской национальной политики.

Обострение ситуации в сфере межнациональных отношений в разных регионах страны в 2000-е годы потребовало найти баланс между этнической и гражданской идентичностью, разработать меры, которые бы позво-

лили укрепить гражданское самосознание и единство многонационального народа Российской Федерации.

Среди наиболее резонансных событий в сфере межнациональных отношений в этот период — массовые беспорядки и межнациональные столкновения в городе Кондопоге (Карелия) в августе 2006 года, которые переросли в погромы и митинги; беспорядки в Москве на Манежной площади в декабре 2010 года, где собралось около 20 тысяч футбольных болельщиков, недовольных ходом расследования убийства фаната «Спартак»; конфликт в посёлке Сагре, недалеко от Екатеринбурга, между жителями посёлка и цыганами в 2011 году. Таков далеко не полный перечень конфликтов на национальной почве, который свидетельствует об отсутствии системной работы по предупреждению и недопущению межнациональных конфликтов на разных уровнях власти в тот период.

В 2012 году началось принятие тех системных решений, которые определили на десятилетия вперёд государственную национальную политику в Российской Федерации. На уровне руководства страны была сформулирована принципиальная особенность российской модели национальной политики как «единство многонационального государства при сохранении этнического и культурного многообразия».

В целях совершенствования государственной политики в области межнациональных отношений Указом Президента РФ от 5 июня 2012 года был образован Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Данный Указ определял функции Совета как совещательного и консультативного органа при Президенте Российской Федерации, образованного в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации.

В том же году, 19 декабря 2012 года, Указом Президента РФ № 1666 была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Существенным событием в рамках реализации Стратегии стало введение в 2013 году должности заместителя руководителя субъекта по межнациональным отношениям, основными направлениями деятельности которого стали укрепление межнационального и межконфессионального согласия, предотвращение дискриминации по признакам национальной, языковой и религиозной принадлежности и другие.

Данное нововведение сыграло большую роль в предотвращении межнациональных и межконфессиональных конфликтов в силу того, что заместитель руководителя субъекта был наделен достаточными полномочиями для мониторинга межнациональных отношений в своем субъекте, имел непосредственные контакты с представителями правоохранительных органов, миграционной службы, с представителями и руководителями национально-культурных организаций, региональных СМИ и другими акторами региональной государственной политики.

Если вспомнить конфликты в Кондопоге, Сагре, на Манежной площади и в других местах, а также координацию и взаимодействие всех органов государственной власти, институтов гражданского общества и правоохранительных органов, то реакция власти и разрешение подобных конфликтов после принятия Стратегии в корне отличаются от того, как разрешались ситуации раньше: это и моментальное реагирование, и реальная профилактика, и недопущение межнациональных конфликтов, и оперативное реагирование на ситуации, способные вызвать межнациональную напряженность.

Однако агрессивная международная политика коллективного Запада, вооруженный антиконституционный переворот в Киеве, провоцирование там гражданской войны и начало распада Украины и, как следствие, образование в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя в 2014 году — потребовали обновления текста Стратегии.

Наряду с экономическими санкциями, направленными на ослабление России, была развязана когнитивная война для дестабилизации ситуации в стране, началось активное распространение радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности и направленных на поддержку регионального сепаратизма, обострился миграционный вопрос.

В её новой редакции, принятой 6 декабря 2018 года, были даны определения основным понятиям, используемым в сфере реализации Стратегии, выделены приоритеты, целевые показатели и ожидаемые результаты государственной национальной политики, проведена общая оценка реализации Стратегии за первые пять лет её действия. Среди ожидаемых результатов были названы укрепление единства страны, мирное разрешение межнациональных конфликтов, сохранение языков российских народов, поддержка коренных малочисленных народов РФ, создание условий для адаптации мигрантов.

Важнейшим политическим событием, повлиявшим в том числе на систему межнацио-

нальных отношений, стало начало специальной военной операции на Украине и принятие в 2022 году в качестве новых субъектов Российской Федерации Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

Интеграция новых субъектов Российской Федерации с их многонациональным и многоконфессиональным составом населения в единое правовое, социально-экономическое, культурное пространство России явилась той новой и крайне сложной задачей, решение которой ещё раз продемонстрировало принципиальную правильность базовых принципов, на которых строилась государственная национальная политика России в новейший период её истории и которые получили отражение в тексте Стратегии.

За годы реализации Стратегии (2012–2025 гг.) были закреплены базовые принципы и отработаны основные механизмы поддержания гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений в стране, продолжилось формирование системы государственного управления сферой межнациональных отношений, расширялась деятельность национально-культурных автономий.

Наблюдался устойчивый рост внимания к сохранению этнокультурного наследия, традиций и языков народов России, получили усиленную государственную поддержку программы по защите языков коренных малочисленных народов. Количество проектов в культурно-образовательной области, ориентированных на развитие и укрепление этнического самосознания и идентичности, постоянно увеличивалось.

Совершенствовались меры по содействию социальной адаптации мигрантов: было организовано проведение курсов русского языка и культурных программ, осуществлялась профилактика межэтнических конфликтов в крупных городах и населённых пунктах с высокой концентрацией иностранных граждан — трудовых мигрантов.

Успешной реализации Стратегии способствовало создание эффективной системы органов государственной власти и управления в сфере реализации государственной национальной политики (создание Федерально-

го агентства по делам национальностей, его территориальных органов, отвечающих за вопросы национальной политики на Кавказе, в Крыму и в новых субъектах Российской Федерации). Создание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям и подобных консультативно-совещательных органов при главах субъектов РФ и в муниципалитетах способствовало повышению уровня открытости действий органов власти и управления в данной сфере, а в целом — тому, что национальная политика стала значимым сегментом публичной политики.

Как показала практика, эффективность государственной национальной политики во многом зависит от согласованности действий органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, в том числе национально-культурных общественных организаций на местах, от прямого диалога представителей гражданского общества и власти. Национально-культурные общественные организации — неотъемлемая часть механизма реализации государственной национальной политики. Они выступают в качестве партнеров органов государственной власти и местного самоуправления, являются тем институтом гражданского общества, без которого координация взаимоотношений граждан и власти существенно затрудняется. Важнейшим результатом реализации Стратегии в этом смысле стало формирование в России этнокультурной модели гражданского общества, которая представлена вертикально-горизонтальной сетью национально-культурных и межнациональных общественных организаций, этнических советов, домов дружбы, центров национальных культур, этнических элит и пр.

Главным результатом реализации Стратегии стали общественное признание идеи российской гражданской нации и возросшая гражданская консолидация российского общества. За период реализации Стратегии в России была создана прочная доктринальная и правовая основа государственной национальной политики, сформированы федеральные и региональные институты этнополитики, сложились устойчивые формы и практики регулирования отношений между государством и этническими сообществами, которые посто-

янно совершенствуются с учетом новых задач и вызовов эпохи.

Таким образом, реализуемая в России модель государственной национальной политики, построенная на принципе «единство в многообразии», продемонстрировала свою эффективность.

Национальная стратегия 2025–2036 гг.

С момента принятия Стратегии в декабре 2012 года в мире произошли глобальные политические, экономические и культурные трансформации. Изменившаяся геополитическая и внутривнутриполитическая ситуация получила отражение в тексте принятой Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 года № 858 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года.

Существенные изменения, прописанные в новой Стратегии, были предопределены поправками, внесенными в ходе общероссийского голосования в Конституцию Российской Федерации и вступившими в силу 4 июля 2020 года.

В тексте новой Стратегии четко сформулирована основная цель — укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности.

Хотя в новой Стратегии современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации характеризуется как стабильное, тем не менее существуют определенные риски их дестабилизации.

Значительная часть этих вызовов связана с деятельностью внешних акторов по дестабилизации ситуации в сфере межнациональных отношений. Деятельность иностранных СМИ представляет собой реализацию целенаправленной и скоординированной стратегии гибридной войны, нацеленной на подрыв основ суверенитета и стабильности России. Среди ключевых задач — дестабилизация внутренней обстановки через раздувание

социальных проблем; разобщение общества по этническому, религиозному и ценностному признакам; дискредитация институтов власти для эрозии доверия к ним; тотальная фальсификация исторической роли России, особенно на ключевых этапах Второй мировой войны, с целью лишения её морального авторитета и легитимности на международной арене.

Отдельное измерение — это ценностная экспансия, насаждение чуждых идеологических концептов и идей (индивидуализм, радикальный секуляризм, ЛГБТ-повестка), противоречащих традиционным российским устоям и направленных на культурно-цивилизационную деконструкцию.

Атака ведётся одновременно на политическую, социальную, историческую и ценностную сферы России. Социальные сети и алгоритмы используются для таргетированного воздействия на наиболее уязвимые группы (молодёжь, меньшинства) и усиления поляризации. Среди ключевых рисков и угроз — риск эрозии суверенитета через подрыв легитимности власти и ключевых институтов; угроза стабильности через искусственную активизацию конфликтных тем (миграция, межнациональные отношения) и форсирование протестной активности; целенаправленные усилия по разрушению формирующейся общероссийской идентичности и попытки замены её локальными разрозненными групповыми интересами; риск утраты культурно-цивилизационной идентичности за счёт информационно-культурной экспансии, навязывания чуждых ценностей для разрыва межпоколенческих свя-

зей; угроза реализации сценария «цветной революции», использование отработанных медиатехнологий для мобилизации оппозиции и дестабилизации обстановки в кризисные политические моменты.

Деструктивный нарратив, формируемый для дестабилизации в национальных республиках, направлен на активную эксплуатацию таких тем, как уровень безработицы и «ограничение автономии», что способно вызвать протестные настроения, в особенности среди молодёжи.

Среди внутренних факторов, которые могут повлиять на состояние межнациональных отношений в стране в ближайшие годы, следует назвать сохранение скрытых причин межэтнической напряжённости в отдельных регионах страны, уходящих своими корнями в историю Российского государства (некоторые не до конца разрешённые в своё время межнациональные конфликты приобрели статус отложенных и протекают латентно, однако при общем изменении ситуации могут остро и трагично проявиться); негативные тенденции, связанные с целенаправленной этнической мобилизацией в некоторых регионах страны, использующей исторические обиды и языковой вопрос для радикализации части регионального общества; инструментализацию религиозной символики и практик в качестве информационных поводов для провоцирования острой социальной напряжённости как в ключевых, с точки зрения межнационального и межконфессионального баланса, регионах (Северный Кавказ, Ставрополье), так и во всей стране.

В Стратегии в качестве угрожающих национальной безопасности России обозначены такие проблемы, как попытки «отмены» русской культуры и рост русофобии в мире, попытки искажения исторической памяти и снижения роли России в мировой истории, попытки размывания традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей народов России.

В новой Стратегии в значительной мере расширены полномочия региональных и муниципальных властей по реализации государственной национальной политики; соответственно, подчеркнута и их ответственность.

При этом уровень этнографической, этнополитической, исторической, управленческой и правовой подготовки государственных служащих, занятых в настоящий момент в сфере реализации государственной национальной политики, не везде соответствует сложности стоящих перед ними задач. В этой связи хотелось бы подчеркнуть рост потребности в специалистах, обладающих необходимыми компетенциями в данной области. Необходимо создать постоянно действующую и эффективную модель подготовки и переподготовки государственных служащих, занятых в указанной сфере. При организации обучающих мероприятий, впрочем, также следует обратить внимание на качество этнополитической подготовки руководителей этнокультурных НКО, гражданских активистов и лидеров религиозных организаций.

Проблемам нелегальной миграции в новой Стратегии уделено особое внимание ввиду участвовавших попыток распространения иностранными гражданами и лицами, приобретшими гражданство Российской Федерации, идеологии терроризма, экстремизма и неонацизма, русофобских взглядов, а также радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности.

По данным Центра социально-политических исследований и информационных технологий, в последние три года отмечается создание и формирование устойчивых диаспоральных сообществ со своими автономными структурами, попытками вхождения во властные и правоохранительные органы, а также устойчивыми финансовыми и промышленными возможностями. Их активно поддерживают и финансируют соответствующие службы и ведомства стран исхода. Деятельность этих диаспоральных структур нередко конспиративна и не соответствует национальным интересам Российской Федерации. При этом речь не идет об официально зарегистрированных на территории России национально-культурных организациях иностранных государств.

Представляется также очень важным отметить положительную роль самоорганизованных структур, которые в значительной мере способствуют разрешению межнациональных конфликтов в тесном взаимодействии с правоохранительными органами, а

также решению проблем, связанных с деятельностью нелегальных мигрантов. Главное, чтобы эти самоорганизованные структуры не переходили грань, за которой начинается вседозволенность и нарушение закона. Попытки приобрести свою субъектность могут только усилить межнациональную и межконфессиональную напряженность.

В условиях гибридной войны, которая ведется против России, особенно важной представляется разработка эффективных мер по улучшению информационного сопровождения реализации государственной национальной политики. Необходимо создавать или усиливать аналитические разделы официальных сайтов институтов государственной национальной политики (министерств и ведомств, отвечающих за реализацию государственной национальной политики), чтобы они показывали динамику межкультурного взаимодействия в регионе и обеспечивали всех занятых в сфере управления межнациональными отношениями на местах качественной аналитикой и необходимыми методическими рекомендациями.

История страны в целом и особенно этническая история России в последние годы все активнее используются для дискредитации идеи исторически сложившегося единства российских народов. В этой связи необходимо активизировать политику исторической памяти на региональном уровне и сделать ее органичной частью региональных моделей государственной национальной политики.

Важная роль в формировании и укреплении общероссийской гражданской идентичности

принадлежит русскому народу как государствообразующему и русской культуре. Русская культурная доминанта и в официальном, и в научном дискурсе трактуется как явление цивилизационного порядка и в этом качестве выступает культурной составляющей идентичности российской полиэтнической нации и идентичностью русской многонациональной цивилизации (Русского мира). Культурная составляющая российской национальной идентичности, русская культурная доминанта, является по существу своему цивилизационной русской идентичностью. Ресурсы государственной национальной политики должны быть направлены на поддержку условий проживания, культуры, языка русского населения, включая русских, проживающих в республиках, а также в регионах Арктической зоны.

Одной из форм разрушения единства российских народов является русофобия, которая является формой культурного расизма. Борьба с любыми проявлениями русофобии, как на внешнем контуре, так и внутри страны, должна стать одной из задач государственной национальной политики.

Значение межнационального согласия, мира и взаимного уважения между народами Российской Федерации как условия обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны получило отражение в решении объявить 2026 год Годом единства народов России, принятом Президентом РФ В. В. Путиным на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 5 ноября 2025 года. ●

День народного единства — сеть против хаоса

М. В. Баранов,
кандидат философских наук;

О. М. Голышенкова,
председатель КС по сетевым сообществам ОП РФ

Сетевая самоорганизация общества как механизм преодоления системного кризиса

Три типа координации общества

Бронзовый памятник на Красной площади Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому прочно ассоциируется у нас с Днем народного единства. Но за их именами скрывается не-

что гораздо более значимое для понимания нашего прошлого и настоящего. Это история о том, как общество спасает себя через горизонтальные связи, через сетевую координацию, через добровольное объединение людей вокруг общих ценностей.

Много говорят и пишут о сетевых сообществах как о современном феномене, но важно понимать, что для России это не новое изобретение цифрового века. Это историческая форма социальной организации, проявляющаяся всякий раз, когда общество сталкивается с экзистенциальным вызовом, а иерархические структуры оказываются неспособны ответить на него.

В истории человечества существует три основных способа организации социальной жизни: иерархический (основанный на вертикальной власти), рыночный (основанный на обмене) и сетевой (основанный на добровольной, децентрализованной координации). Каждый из них обладает своей логикой и эффективностью в определённых условиях. Но когда наступает кризис — когда государственная машина ломается, когда рынок парализован, когда иерархия рушится — на первый план выходит именно сетевая координация.

Это происходит потому, что сетевые сообщества основаны на том, что иерархия и рынок дать не могут: на разделяемых ценностях, на доверии, на готовности людей действовать не ради личной выгоды или под давлением власти, а ради общего блага. Именно такие сообщества спасли Россию в начале XVII века.

Акторно-сетевой характер народного единения

События 1611–1613 годов демонстрируют акторно-сетевой характер подлинного народного единства. Это не была организованная сверху мобилизация, не была ею и стихийная толпа. Это была сеть городов, связанных между собой горизонтальными коммуникациями, — сеть людей, объединённых верой в необходимость спасения государства.

Нижний Новгород связался с Ярославем, Ярославль — с Костромой, Казанью, Вологодой. Города переписывались, обменивались информацией, координировали свои действия. Церковь, единственная сохранившая целостность структура, выполняла роль информационной сети, передавая послания патриарха Гермогена по всей стране. Это была сетевая организация в её чистом виде — децентрализованная, горизонтальная, но при этом скоординированная и эффективная.

Каждый участник этой сети — дворянин, купец, ремесленник, казак, крестьянин — действовал добровольно, движимый общей ценностью: верой в то, что Россия должна существовать как единое, сильное государство. Никто им не приказывал жертвовать имуществом, никто не заставлял брать в руки оружие. Они делали это потому, что осознали: государство — это их общая ответственность, и, если они не спасут его, его никто не спасёт.

Капитал доверия как основа консолидации

Через постоянные горизонтальные коммуникации, совместную деятельность и выработку общих норм внутри этих структур формировался и укреплялся капитал доверия. Доверие между участниками сети — между дворянами и казаками, между городами, между военными и гражданскими лидерами. И доверие к самому обществу как к институту, способному решить великую задачу.

Именно этот капитал доверия позволил преодолеть социальную разобщённость, характерную для России в начале XVII века, — разобщённость между центром и провинцией, между боярством и дворянством, между различными социальными группами. Сетевая координация создала новые связи — не родственные и не административные, а ценностно-избирательные. Люди объединялись не потому, что они были соседями или подчинялись одному господину, а потому, что разделяли одну идею: идею спасения России.

Сетевые сообщества как ответ на атомизацию

Современные сетевые сообщества выполняют ту же функцию в нашем атомизированном обществе. Они создают социальную ткань там, где её разрушили индивидуализация, глобализация и цифровизация. Они сплетают новые связи солидарности и взаимной поддержки, основанные не на принуждении и не на расчёте, а на общих ценностях и общей идентичности.

Сетевые сообщества обладают уникальными эффектами: эффектом доверия (они создают и укрепляют доверие между людьми), эффектом идентичности (они помогают людям осознать себя частью чего-то большего), эффектом консолидации (они объединяют разрозненные группы вокруг общих целей) и эффектом гражданской мобилизации (они способны мобилизовать людей на совместные действия в интересах общества).

Преодоление вызовов XXI века — социальной разобщённости и кризиса доверия — актуально искать в опыте Смутного времени, в необходимости консолидации общества вокруг национальных целей. Истинная сила на-

рода проявляется не в бунтах и революциях, а в способности к самоорганизации, к горизонтальной координации, к созданию сетей доверия и солидарности.

Исторический контекст Смутного времени

Проблема интерпретации национального праздника

Смысл Дня народного единства не в локальной победе над небольшим польско-литовским гарнизоном в Московском Кремле и не в военной победе самой по себе — в истории России было много куда более масштабных военных побед, где народное единение играло ключевую роль: от Куликовской битвы до изгнания Наполеона из сожжённой горожанами Москвы...

Смысл этого дня глубже: он связан с возрождением российской государственности в период Смутного времени, когда страна стояла на грани исчезновения, когда наш народ продемонстрировал свою способность к самоорганизации перед лицом катастрофы, когда на смену рухнувшей центральной власти пришла воля народа к сохранению государства.

Одна из ключевых ценностей российской цивилизации — это «государственничество», то есть восприятие единого и сильного государства как высшей ценности, условия выживания и развития общества. События 1611–1613 годов наглядно демонстрируют, как работает эта ценность на практике, когда существование государства оказывается под угрозой.

Смута: как в России рухнула государственность

Чтобы понять значение событий 1612 года, необходимо кратко напомнить о предшествующих событиях Смутного времени — эпохи, когда Российское государство оказалось на грани исчезновения.

В 1598 году скончался царь Фёдор Иоаннович, сын Иоанна Грозного и последний представитель династии московских Рюриковичей по прямой линии. На престол Земским собором был избран Борис Годунов — талантливый администратор и опытный политик.

Династический кризис был успешно преодолен, однако трёхлетний неурожай 1601–1603 годов привёл к катастрофическому голоду, который подорвал легитимность нового царя в глазах народа. Традиционно любые бедствия воспринимались как знак Божьего гнева на неправедного правителя.

Внезапная смерть Бориса Годунова в 1605 году открыла путь к власти самозванцу Лжедмитрию I, выдававшему себя за чудесно спасшегося царевича Дмитрия — сына Ивана Грозного. Лжедмитрий I процарствовал всего год — он был свергнут и убит московскими боярами в результате заговора. К власти пришёл один из знатнейших бояр — князь Василий Шуйский, избранный царём узким кругом московской знати без созыва Земского собора.

Однако страна уже катилась в пропасть: в России началась полномасштабная гражданская война, появились новые самозванцы. В эту войну быстро втянулись соседние государства: Речь Посполитая, Швеция, Крымское ханство, Ногайская Орда. Их войска активно вмешивались в российские дела, поддерживая различные стороны конфликта.

Провалы во внутренней и внешней политике Василия Шуйского привели к его свержению в 1610 году в результате народного восстания и действий Боярской думы. Царь был насильно пострижен в монахи. К власти пришёл совет из семи бояр — так называемая Семибоярщина. Для противостояния новому самозванцу — Лжедмитрию II, укрепившемуся под Москвой в Тушинском лагере, — Семибоярщина приняла роковое решение: признать русским царём польского королевича Владислава и впустить в Московский Кремль польско-литовский гарнизон.

Полный крах

К концу 1610 года государственная власть в России рухнула полностью.

Легитимного монарха в стране не было — королевич Владислав отказался переходить в православие, а значит, не мог стать царём даже теоретически, согласно тогдашним представлениям о сакральной природе царской власти.

Правительство в Москве не признавалось никем за пределами столицы, а в самой сто-

лице фактически находилось в заложниках у польско-литовского гарнизона.

Никакого альтернативного центра власти за пределами Москвы не существовало — Лжедмитрий II был убит в декабре 1610 года своими же сторонниками.

Отдельные крупные отряды российских, казачьих, польско-литовских и шведских войск действовали автономно на территории России; крупные города проводили самостоятельную политику.

Подобные ситуации не были уникальны для европейской истории. Обычно при крахе центральной власти, сопровождающемся междоусобицей, высшие элиты формируют новый центр власти, иногда с новой династией, и постепенно восстанавливают государственность.

Первоначально и в России элита пыталась действовать подобным образом. И избрание Шуйского, и формирование Семибоярщины, и приглашение на престол представителя зарубежной династии — всё это попытки типичных внутриэлитных решений по европейским образцам. Однако кризис оказался слишком глубоким. Элиты пытались спасти ситуацию сверху, но каждый их шаг лишь углублял катастрофу. К 1611 году разрушилась не только центральная власть, но и вся государственная администрация и финансовая система. Старая система управления показала свою полную несостоятельность перед лицом системного кризиса. Кажется, это конец Российского государства как такового.

Государство в России как условие выживания

И тут в действие вступила уникальная черта российской цивилизации — ценность государственности. Это не абстрактная идеологическая конструкция, а отражение реальных условий жизни в России, где государство было буквально условием выживания населения.

В первую очередь это было связано с необходимостью организации освоения огромных территорий и их обороны от степных кочевников. Во-вторых, требовалась организация дальней торговли для обеспечения страны жизненно необходимыми товарами. Напомним, к примеру, что до петровских времён в России практически не было своих месторождений металлов, кроме низкокачествен-

ного железа — медь, свинец, олово, ртуть, золото, серебро полностью поступали из-за рубежа, так же, как и качественное железо для изготовления оружия и инструментов. Всё это приходилось ввозить издалека, что требовало сложной торговой инфраструктуры и защиты торговых путей.

В этом заключалось радикальное отличие политической системы России от стран остальной Европы. Там основной функцией монархии было выполнение роли арбитра между властными элитными группами — знатью, церковью, городскими коммунами. Подобную роль арбитра мог легко исполнять и представитель иностранной династии, что мы часто видим в истории европейских монархий.

Русское общество нуждалось в сильной и дееспособной центральной власти, способной решать масштабные задачи, стоящие перед страной: организацию обороны, управление территориями, развитие торговли, создание инфраструктуры. Поэтому все попытки решить проблему власти по хорошо знакомому русской элите того времени польскому образцу, где ни шляхта, ни магнаты не нуждались в сильной королевской власти, были обречены на провал.

Страна могла выжить только как единое, сильное, централизованное государство.

Спасение «по горизонтали»: как города создали новую власть

Верхи были расколоты или открыто сотрудничали с врагом. Низы были охвачены бунтами. И тогда на историческую сцену вышли «средние служилые слои» — та самая социальная группа, которая станет движущей силой восстановления государственности. Их лозунгом стало «Земское дело» — восстановление государства «снизу», силами самого общества.

Кто спасал Россию?

Главной силой возрождения стал так называемый «служилый город» — совокупность средних социальных слоёв русского общества XVII века.

Дети боярские — провинциальные помещики, несущие военную службу. Это была основа русского войска, профессиональные воины, которые за свою службу получали земельные наделы — поместья. Они не были богатыми аристократами, но и не были бедняками — это был «средний класс» своего времени, заинтересованный в стабильном государстве, которое могло обеспечивать их права на землю.

Посадские люди — купцы и ремесленники городов. Для них развал государства означал паралич торговли и незащитность перед произволом вооружённых банд. Торговля требовала безопасных дорог, единой монеты, правовой системы — всего того, что может обеспечить только государство.

Черносошные крестьяне — лично свободные земледельцы Русского Севера и Поморья, привыкшие к общинному самоуправлению. Они платили налоги непосредственно государству, а не какому-либо феодалу, и были заинтересованы в восстановлении центральной власти, которая защищала бы их от посягательств местных властителей.

Именно эти социальные группы, составлявшие основу русского общества, осознали: если они не возьмут дело спасения государства в свои руки, то страны просто не станет. И они начали действовать.

Церковь как информационная сеть

Москва контролировалась польско-литовским гарнизоном и как столица была парализована. Восстановление государственности пошло не из центра, а из регионов, через горизонтальные связи между городами. И здесь ключевую роль сыграла единственная общенациональная структура, сохранившая целостность в условиях хаоса, — Русская православная церковь.

Роль «интернета» XVII века сыграла церковная сеть. Патриарх Гермоген, находясь под арестом в Кремле, рассылал через верных людей и монастыри грамоты с призывами к сопротивлению интервентам и восстановлению законной власти. Эти послания распространялись по монастырям и приходам, достигая самых отдалённых уголков страны. И эти призывы падали на благодатную почву — провинция была готова действовать.

Монастыри и церкви стали узлами коммуникационной сети, через которую передавалась информация и координировались действия. При отсутствии государственной власти церковь взяла на себя функцию информационной и идеологической опоры в процессе восстановления государственности.

Первое ополчение: уроки провала

Весной 1611 года рязанский дворянин Проконий Ляпунов собрал Первое ополчение. К нему присоединились отряды из разных городов, а также казаки под началом Ивана Заруцкого и князя Дмитрия Трубецкого. Ополчение подошло к Москве и начало осаду Кремля, где укрепился польский гарнизон.

Однако эта коалиция оказалась хрупкой. Дворяне и казаки преследовали разные цели. Внутренние противоречия и споры о будущем устройстве власти привели к острому конфликту. В июле 1611 года казаки, обвинив Ляпунова в намерении ущемить их права, убили его во время казачьего круга. Ополчение фактически распалось: дворянские отряды разъехались по домам, опасаясь расправы; под Москвой остались лишь казачьи таборы. Первая попытка «земского спасения» провалилась, продемонстрировав, что без компромисса между различными социальными группами общее дело невозможно — необходимы

чёткая организация, финансы и единое руководство.

Нижегородская инициатива

Осенью 1611 года, когда казалось, что всё потеряно, в Нижнем Новгороде произошло событие, изменившее ход истории. Земский староста Кузьма Минин — торговец мясом и рыбой, человек незнатного происхождения, но пользовавшийся уважением в посадской общине, — обратился к горожанам с пламенной речью, предложив собрать средства для нового войска.

«Заложим жён и детей наших, но спасём Русскую землю!» — так, по преданию, звучали его слова. Минин предложил беспрецедентную меру: отдать треть имущества на общее дело спасения государства. И что удивительно — люди согласились. Посадские люди, купцы, ремесленники начали жертвовать деньги, имущество, драгоценности.

Это было проявление того самого «государственничества» — готовности пожертвовать личным благополучием ради сохранения государства. Для военного руководства пригласили князя Дмитрия Пожарского — опытного воеводу, который был ранен в боях Первого ополчения, но главное — не запятнал

себя сотрудничеством с интервентами и пользовался уважением.

Так сложился знаменитый тандем: Минин отвечал за финансы, снабжение и организацию, Пожарский — за военное командование. Это было оптимальное сочетание: административный талант и авторитет в посаде у одного, военный опыт и княжеский титул у другого.

Сеть городов: государство собирается заново

Нижегородский почин вызвал цепную реакцию. Города — Ярославль, Вологда, Казань, Кострома и многие другие — начали переписываться друг с другом напрямую, минуя оккупированную столицу. На земских сходах собирали средства, формировали отряды, отправляли делегатов. Происходило нечто беспрецедентное: в отсутствие центральной власти города создавали горизонтальную сеть взаимодействия, фактически формируя новую модель управления «снизу вверх».

Второе ополчение двинулось не сразу на Москву, а сначала в Ярославль — крупный торговый центр на Волге, не затронутый военными действиями. Это был стратегически продуманный ход: необходимо было создать

устойчивую базу, накопить ресурсы и сформировать управленческие структуры.

«Столица в дороге»: временное правительство

Весной 1612 года в Ярославле ополченцы создали «Совет всея земли» — полноценное временное правительство. Это не был просто военный штаб. У «Совета» были свои приказы (аналоги министерств), дипломатическая служба для переговоров с иностранными державами, монетный двор для чеканки денег. Фактически государство собралось заново из множества региональных частей ещё до освобождения Москвы.

Это был уникальный исторический опыт: государственность восстанавливалась не сверху вниз (от центра к провинциям), а снизу вверх (от местных общин к общенациональным структурам). Четыре месяца Ярославль фактически был временной столицей возрождающейся России.

В августе 1612 года ополчение выступило к Москве. После ожесточённых боёв с войсками польского гетмана Ходкевича, пытавшегося деблокировать осаждённый гарнизон в Кремле, ополченцы одержали решающую победу. В конце октября 1612 года польский гарнизон, доведённый до крайности голодом, капитулировал. 4 ноября (по новому стилю) ополчение торжественно вступило в Кремль.

Демократия отчаяния: выборы царя 1613 года. «Вся земля» на выборах

После освобождения Москвы встал главный вопрос: кто займёт опустевший престол? Земский собор 1613 года стал не церемониальным утверждением заранее известного кандидата, а самыми масштабными и драматичными выборами в истории России.

В Москву съехалась действительно «вся земля»: в залах заседали не только привычные бояре и духовенство, но и сотни делегатов от провинциального дворянства, купечества, казачьих отрядов и даже свободных крестьян. По составу это был самый представительный орган за всю историю допетровской России — около 700—800 человек.

Кандидаты и политические технологии

Два месяца — январь и февраль — в столице кипели нешуточные страсти, граничившие с новой гражданской войной. Претендентов на престол было множество, и каждый имел своих сторонников.

Иностранные кандидаты. Польский король Владислав и шведский принц Карл Филипп имели сильных лоббистов среди части боярства. Однако против них работала «патриотическая карта» — стране была необходима сильная власть, способная сплотить народ в решении стоящих перед ней масштабных задач.

Старая аристократия. Князья Голицыны, Мстиславские, Воротынские обладали знатными родословными, уходящими корнями к Рюрику. Но их ненавидели за сотрудничество с поляками в «Семибоярщине». Против них активно использовался «компромат» — напоминания об их недавнем прошлом, службе самозванцам и интервентам.

Герой ополчения. Вероятно, князь Дмитрий Пожарский, герой освобождения Москвы, формально рассматривался как кандидат. Однако его шансы были ничтожны. Несмотря на заслуги, он был «неудобен» всем ключевым группам: для старой аристократии — «захудалым» князем, выдвинутым провинцией; для бояр — опасным сильным лидером, не нуждающимся в их опеке; для казаков — авторитетным воеводой, способным обуздать их вольницу.

Развернулась невиданная для российской истории предвыборная борьба. Шли кулуарные переговоры: боярские кланы пытались договориться в закрытых палатах, предлагая посты и земли в обмен на поддержку. Действовал и силовой фактор: казаки, заполонившие Москву, стали главной «уличной силой». Они открыто угрожали саблями тем делегатам, кто хотел выбрать иностранца или боярина-предателя. Распространялись слухи, памфлеты, велась агитация.

Победа компромисса

21 февраля 1613 года Земский собор избрал царём 16-летнего Михаила Фёдоровича Романова. Эта победа стала неожиданностью для многих. Михаил Романов выиграл не потому,

что был самым сильным или знатным кандидатом, а потому что устроил всех как компромиссная фигура.

Почему именно Романов? Бояре сочли его «юным и неопытным», рассчитывая управлять страной из-за его спины. Казаки видели в нём «своего» — он был сыном боярина Фёдора Никитича Романова (будущего патриарха Филарета), томившегося в польском плену. Михаил был дальним родственником последнего законного царя из Рюриковичей — Фёдора Иоанновича, что давало определённую династическую легитимность.

Земство — «средний класс» дворян и посадских — поддержало его, потому что род Романовых меньше других запятнал себя предательством в годы Смуты. Фёдор Романов пострадал ещё при Борисе Годунове, был насильно пострижен в монахи, а затем оказался в польском плену. Его семья воспринималась как жертва, а не как пособница захватчиков.

Это был самый сложный общественный договор, рождённый в острых спорах и под давлением различных сил. Но именно этот компромисс остановил распад страны и дал России новую династию, которая правила более трёхсот лет.

Заключение:

почему они вернули царя?

События 1611–1613 годов продемонстрировали мощнейший потенциал самоорганизации русского общества. В критический момент, когда государственная власть полностью рухнула, общество смогло организовать себя, создать управленческие структуры, собрать финансовые ресурсы, сформировать армию и восстановить государственность.

Люди осознали, что государство — это «общее дело» (res publica в римском смысле слова), за которое они несут личную ответственность.

Не царь, не бояре, а именно они — рядовые дворяне, купцы, ремесленники, казаки, крестьяне — стали творцами нового государства.

Парадокс заключается в том, что, спасши страну собственными усилиями, эта активная «земщина» добровольно вернула всю полноту власти монарху. Современному человеку, воспитанному на идеях народного суверенитета и демократии, это может показаться странным. Почему люди, которые доказали свою способность к самоуправлению, не создали республику или хотя бы конституционную монархию с ограниченной властью царя?

Ответ кроется в менталитете людей XVII века. Для них жизнь без царя была жизнью во грехе и хаосе, нарушением божественного порядка мироздания. Царь воспринимался не просто как политический лидер, но как сакральная фигура, «помазанник Божий», через которого Бог управляет земным миром. Их целью была не республика или демократия, а восстановление традиционного порядка, законности и справедливости, воплощённых в фигуре законного православного царя.

Наследие Смутного времени

Однако опыт самоорганизации не прошёл бесследно. Земские соборы продолжали собираться на протяжении всего XVII века, особенно часто при первых Романовых. Новая династия действительно сумела сплотить русское общество, быстро восстановить страну из разрухи Смуты и за сто лет подготовить её к превращению в великую державу.

Земский собор 1649 года принял Соборное уложение — всеобъемлющий свод законов, который действовал почти два столетия, до эпохи Александра II. Это был документ, в создании которого участвовали представители различных сословий, своего рода «общественный договор» между властью и обществом.

«Земля» оставалась партнёром власти, пока Пётр I не перестроил государство на иных, абсолютистских принципах, ликвидировав институт земских соборов и превратив дворянство в служилое сословие, лишённое политического голоса.

Смысл праздника

Память о 1612 годе стала неотъемлемой частью национальной идентичности России. Не случайно именно этой дате — освобождению Москвы народным ополчением — посвящён современный День народного единства, отмечаемый 4 ноября.

В этот день русский народ сделал свой судьбоносный исторический выбор между слабой, раздробленной «аристократической олигархией» по польскому образцу и сильным, единым «государством-цивилизацией», способным стать великой державой и решать масштабные исторические задачи.

Выбор был сделан в пользу «государства-цивилизации». И этот выбор определил весь дальнейший путь развития России — от создания империи при Петре I до выхода в космос в XX веке. Сильное государство, способное мобилизовать ресурсы огромной страны для решения грандиозных задач, стало основой российской цивилизационной модели.

Именно поэтому 4 ноября — это не просто день военной победы. Это день, когда русское общество продемонстрировало свою зрелость, способность к самоорганизации и верность ценностям государственности даже в условиях полного краха власти. Это день, когда народ взял на себя ответственность за судьбу страны и воссоздал государство из руин.

Заключение

Изучение событий 1611–1613 годов позволяет выделить несколько ключевых механизмов сетевой самоорганизации общества в условиях государственного кризиса. Во-первых, формирование горизонтальных коммуникационных связей между территориально распределёнными акторами (городами) при использовании церковной инфраструктуры как канала передачи информации. Во-вторых, создание капитала доверия через совместную деятельность и выработку общих ценностных ориентиров. В-третьих, институционализация временных управленческих структур («Совет всея земли»), обеспечивших координацию коллективных действий.

Важно отметить парадоксальный характер этой самоорганизации: созданная сетевая структура не стремилась к замещению государства, а к его восстановлению в традиционной форме. Это указывает на культурную специфику российского общества начала XVII века, для которого государство воспринималось не как инструмент элитного доминирования, а как необходимое условие коллективного выживания и развития.

Таким образом, День народного единства 4 ноября отмечает не столько военную победу, сколько успешный опыт общественной самоорганизации и восстановления государственности «снизу» — опыт, наглядно демонстрирующий сверхценность государства для российского общества. ●

Формула единства

Д. О. Кислицына,
кандидат политических наук

От советского наследия до «парада суверенитетов»

Чтобы понять, как работает современная российская система власти, необходимо заглянуть в её «фундамент», заложенный ещё в прошлом столетии. Отношения между центром и регионами в России никогда не были чисто административным вопросом — это всегда была история поиска баланса между единством огромного пространства и сохранением уникальности населяющих его народов.

Советская модель управления оставила России в высшей степени неоднозначное наследство. С одной стороны, именно в советский период была проведена колоссальная работа по инфраструктурному освоению периферии, созданию национальных письменностей, систем образования и поддержке мест-

ных элит. С другой стороны, сама архитектура СССР была построена по национально-территориальному принципу, который содержал в себе скрытые риски. Советская система предполагала — пусть и декларативно — высокую степень самостоятельности республик. На практике это означало, что реальные экономические, административные и даже информационные рычаги управления находились в руках региональных руководящих органов. Пока существовала жёсткая партийная дисциплина, эта система работала как единый механизм, но как только центральная власть ослабла, эти институциональные «границы» превратились в линии разлома.

Период 1990-х годов стал для России временем суровых испытаний. Страна столкнулась с тем, что историки и политологи называют «парадом суверенитетов». Логика этнотерриториальной фрагментации едва не привела к повторению сценария распада СССР, но уже внутри самой Российской Федерации. Регио-

ны — от Татарстана до Якутии — один за другим принимали декларации о независимости, вводили собственные валюты и даже пытались формировать подобие собственных армий.

Конституция 1993 года заложила правовые основы федерализма, однако на практике в то десятилетие центр стремительно терял контроль над ситуацией.

Возник так называемый «асимметричный федерализм», где объём прав региона зависел не от закона, а от политического веса его лидера и способности «выторговать» у Москвы особые полномочия. Сепаратизм подрывал не только политическое единство, но и экономическую связность страны, усугубляя глубокий спад и провоцируя острые социальные конфликты.

В этот критический момент перед Россией встал мировоззренческий выбор. Один из путей предполагал копирование западной модели «плавильного котла» — идею космополитизма, где этническая идентичность стирается во имя создания унифицированной гражданской нации. Однако для России, с её тысячелетней историей сосуществования различных культур, этот путь означал бы утрату самого смысла существования страны-цивилизации.

Утрата политической идентичности неизбежно повлекла бы за собой культурный крах.

Опыт преодоления кризиса 1990-х привёл к важному теоретическому и практическому выводу: сила России не в отрицании многообразия, а в его правильной организации. Мы осознали, что роль центра — это роль интегратора и гаранта единых стандартов жизни, в то время как региональное многообразие — это не угроза, а стимул для развития. Самые большие исторические прорывы народов случаются именно тогда, когда они соединяют в себе разные культурные концепты, находя ответы на общие для всех вызовы.

Современная российская политика выбрала путь переработки советского наследия. Мы отказались от логики жёстких этнотерриториальных перегородок в пользу создания единого правового и социального пространства. Это означает, что права человека, доступ к медицине, образованию и инфраструктуре должны быть равными вне зависимости от того, в каком регионе человек живёт и к какой национальности принадлежит. Именно этот переход от борьбы за «суверенитеты» к совместному строительству единого государства и стал отправной точкой для формирования той системы публичной власти, которую мы видим сегодня. Россия нашла свой уникальный путь: сохранение культурного кода каждого народа через укрепление общей государственной вертикали.

Архитектура стабильности

Если 1990-е годы в истории российского государственного строительства стали периодом центробежных сил, то начало нового тысячелетия ознаменовалось поиском формулы устойчивости. Хаос «парада суверенитетов» требовал не просто косметического ремонта, а фундаментальной перестройки всей архитектуры управления. Первым решительным шагом на этом пути стала реформа 2000 года. Буквально на шестой день после своей первой инаугурации В. В. Путин подписал указ о создании семи федеральных округов. Появление института полномочных представителей президента позволило «сшить» разорванное правовое поле страны и вернуть федеральный контроль над исполнением законов в самых отдалённых субъектах.

Однако выстраивание «вертикали власти» в 2000-е годы было лишь первым этапом. Настоящая концептуальная революция произошла в 2020 году, когда в ходе конституционной реформы в политический обиход и правовую реальность вошло понятие «единой системы публичной власти».

Суть новой модели заключается в устранении искусственного разрыва между государственным и муниципальными уровнями управления. Долгое время местное самоуправление в России воспринималось как некая автономная сфера, существующая отдельно от государственной машины. На практике это часто приводило к управленческому «пинг-понгу»: когда возникала проблема с нехваткой мест в школах или ремонтом дорог, муниципальные власти ссылались на отсутствие средств, а региональные — на отсутствие полномочий. Единая система публичной власти «прошила» все три уровня — федеральный, региональный и муниципальный — общими принципами организации и, что самое важное, единой системой ответственности перед гражданином.

Новым этапом этой интеграции стал Федеральный закон от марта 2025 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Он окончательно встроил муниципалитеты в общую архитектуру, сделав их полноценными участниками реализации государственных задач. Теперь местная власть — это не «низовое звено», оставленное наедине со своими проблемами, а фундамент общей системы, имеющий прямые каналы взаимодействия с центром.

Уникальность российской модели публичной власти заключается в филигранном сочетании двух, казалось бы, противоположных подходов: политико-правовой централизации и функциональной децентрализации.

Централизация означает, что в России действуют единые «правила игры», единые стандарты оказания услуг и общие критерии оценки эффективности чиновников. Вне зависимости от того, находится ли чиновник в Калининграде или на Чукотке, он работает в рамках единого правового пространства и оценивается по универсальным «метрикам», ориентированным на качество жизни людей.

В то же время децентрализация оставляет регионам широкое пространство для манёвра. Россия слишком велика и многообразна, чтобы управлять ею по единому шаблону из одного кабинета.

Условия жизни в Арктике, структура экономики в промышленном Поволжье и культурные традиции Северного Кавказа требуют разных инструментов. Современная система позволяет регионам адаптировать федеральные программы под свои нужды, учитывать интересы коренных народов и внедрять локальные практики управления.

Таким образом, единая система публичной власти превратилась из жёсткой вертикали в гибкую, но прочную сеть. Она исключает возможность сепаратизма или управленческого паралича, но при этом поощряет инициативу на местах. Эта архитектура стала механизмом снижения межрегиональных разрывов: сегодня развитие территорий — от мегаполисов до малых сёл — подчинено единому вектору национальных целей.

Человекоцентричность

В новой архитектуре российской государственности «единая система публичной власти» — это не просто бюрократическая конструкция, а в первую очередь инструмент развития. Если раньше успех управления часто измерялся формальными отчётами о выполнении инструкций, то современный этап характеризуется переходом к «человекоцентричной» логике. Единство страны сегодня понимается не через однообразие, а через равенство возможностей. Конечная цель властной вертикали — сделать так, чтобы демографические показатели, ожидаемая продолжительность жизни, доступность качественной медицины и образования не зависели от статуса региона или его удалённости от столицы.

Главным механизмом этой трансформации стали национальные проекты. Это своего рода «государственный контракт» между всеми уровнями власти по достижению конкретных целей. Масштаб этой работы лучше всего иллюстрируют цифры: только на реализацию национальных проектов в 2026 году планируется выделить более 6,7 трлн рублей — это на 11 % больше, чем в 2025-м. Всего же за

трёхлетний период (2026–2028 гг.) инвестиции в развитие составят почти 21 трлн рублей.

Львиная доля этих средств направляется в сферы, напрямую определяющие будущее нации. Так, нацпроект «Семья» получит 9 трлн рублей за три года — это почти половина всех трат на национальные проекты. Ещё 4,9 трлн рублей пойдёт на «Инфраструктуру для жизни» и 1,8 трлн — на проект «Молодёжь и дети». Такая концентрация ресурсов позволяет «сшивать» пространство страны не только административно, но и социально: через новые школы, больницы и дороги, которые строятся по единым стандартам ответственности от Москвы до самых окраин.

Важнейшим элементом этой стратегии стало утверждение в конце 2024 года Стратегии пространственного развития России до 2030 года. Государство больше не рассматривает территорию как набор разрозненных субъектов; теперь это единый организм с 2160 опорными населёнными пунктами.

В этот перечень вошли не только крупные мегаполисы, но и малые города, и сельские поселения, которые должны стать точками роста. Поставлена амбициозная цель: улучшить качество среды в этих пунктах на 30 % к 2030 году и на 60 % — к 2036-му. Инструментом реализации этих планов становятся мастер-планы, которые уже успешно внедряются в Арктике и на Дальнем Востоке, позволяя учитывать уникальную специфику каждой территории при сохранении общих федеральных приоритетов.

В этой логике развития принципиально меняется и роль коренных малочисленных народов. В рамках единой системы публичной власти они перестают быть просто «объектами защиты», требующими пассивной опеки. Сегодня коренные народы становятся полноправными субъектами политики. Через механизмы стратегического планирования и особые правовые статусы их интересы интегрируются в глобальные проекты освоения Севера и Арктики. Усиление вертикали власти здесь выступает институциональной гарантией: именно федеральный центр следит за тем, чтобы при реализации масштабных промышленных проектов учитывались тра-

диции, экология и интересы общин коренных народов.

Таким образом, «настроенная на человека» вертикаль власти превращает развитие в основной механизм национального единства. Единство страны в XXI веке — это не отсутствие споров между центром и периферией, а отсутствие разрывов в качестве жизни. Когда житель небольшого посёлка в Сибири имеет доступ к тем же социальным стандартам, что и житель Подмосковья, — именно тогда федерализм превращается из потенциальной угрозы в реальную силу, обеспечивающую устойчивость всей российской цивилизации. Эффективная централизация в этой логике — это способ гарантировать каждому гражданину, независимо от его этнической принадлежности, что его интересы защищены всей мощью государства.

Семья семей

В системе координат современной российской государственности вопросы демографии давно вышли за рамки чисто медицинской или социальной статистики. Сегодня это вопрос национальной безопасности и сохранения суверенитета. Как отметил Президент России на заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, поддержка семьи и создание условий для рождения детей — это «сквозное» направление, которое пронизывает все без исключения национальные проекты и стратегические планы развития страны. В логике единой системы публичной власти демографическое благополучие является высшим критерием успешности работы государства.

Однако решение демографической задачи невозможно исключительно через финансовые вливания или строительство перинатальных центров. Ключ к успеху лежит в плоскости смыслов и ценностей. В частности, А. Д. Харичев обоснованно указывает на то, что депопуляция в современном мире часто становится результатом «красиво сложенной интервенции в сознание». Это своего рода вирус, поражающий мышление и навязывающий человеку установки, в которых рождение детей воспринимается как обуза или препятствие для личного комфорта. Противостоять этому

«вирусу» Россия может только через опору на собственные традиционные духовно-нравственные устои.

Российская цивилизация исторически строилась как «семья семей» — пространство, где разные народы сохраняют свой уклад, но разделяют общие фундаментальные принципы: уважение к родителям, ценность многодетности, ответственность за свой род. Этот традиционный фундамент наглядно демонстрирует свою эффективность в регионах, где верность устоям остается основой повседневной жизни.

Ярким примером здесь выступает Северо-Кавказский федеральный округ. Так, Чеченская Республика в 2024 году стала абсолютным лидером среди регионов по суммарному коэффициенту рождаемости (СКР), который составил 2,71. Это означает, что в среднем на одну женщину в республике приходится более двух детей, что значительно выше среднероссийских показателей. Важно отметить качественную структуру этого показателя: более половины всех рождений в Чечне приходится на третьих и последующих детей. Аналогичные тенденции наблюдаются в Республике Ингушетия, где СКР составляет 1,83, и в Республике Дагестан, где уровень рождаемости почти на 60% выше среднего по стране. Другой пример — Республика Саха (Якутия), которая

в 2023 году перешагнула планку в 1 млн жителей, вернувшись еще к советским показателям численности. Опыт этих регионов доказывает: когда социальная политика государства опирается на живую культурную традицию, это дает мощный синергетический эффект.

Но «семья семей» — это не только про отдельные регионы-лидеры. Это идеал, к которому через единую систему публичной власти должна стремиться вся страна.

На поддержку этого идеала ориентирован самый масштабный в финансовом отношении национальный проект — «Семья». В ближайшие три года на его реализацию будет направлено 9 триллионов рублей, что составляет почти половину всех трат на национальные проекты. Эти средства пойдут на создание системы сопровождения семей на всех этапах — от рождения ребёнка до его обучения и обеспечения жильём.

Единая система публичной власти здесь выступает гарантом того, что ценности многодетности будут поддерживаться не только лозунгами, но и реальными инфраструктурными возможностями в каждом муниципалитете. Задача власти — создать такую среду, где традиционный уклад жизни будет не просто «по-

чтением к старине», а современным, модным и экономически защищённым образом жизни.

В конечном итоге сохранение российской цивилизации напрямую зависит от способности общества преодолеть угрозу депопуляции. Как подчёркивают аналитики, главной опасностью для страны являются внутренние расколы и утрата конкурентоспособности.

Культурный код и глобальный контекст

В современном мире, раздираемом глубокими противоречиями и конфликтами, вопрос сохранения культурной идентичности становится одним из самых острых. Для многих государств многонациональность превращается в источник нестабильности, однако Россия демонстрирует принципиально иной подход. Наша страна сегодня мыслит себя не просто как территорию, а как уникальную страну-цивилизацию. В основе этого самопонимания лежит важнейший принцип: Россия не строится заново. Мы принимаем всю свою тысячелетнюю историю — со всеми её достижениями, победами, уроками и даже ошибками.

Уникальное наследие российской государственности заключается в том, что наша культурная традиция изначально формировалась как встреча и соединение различных культурных оснований. Это породило особый «базовый код», который сопровождает каждого гражданина: понимание того, что каждый народ уникален и важен, но только вместе мы представляем собой несокрушимую силу.

В отличие от многих западных моделей, предлагавших либо полное поглощение малых культур («плавильный котёл»), либо их изолированное существование («мультикультурализм»), Россия выработала принцип добрососедства. Это искусство жить вместе, не навязывая друг другу единообразия, но выстраивая общие правила общежития.

Сегодня этот опыт многокультурности становится тем ресурсом, которым Россия может и должна делиться с миром. Культура в нашем понимании — это не только народные песни и досуговые практики. Это прежде всего отношение к жизни, к смерти, к труду и к будущему. Умение разрешать вековые споры

и достигать договорённостей — это высшее управленческое искусство, которое сегодня жизненно необходимо в глобальном масштабе. Россия превратила федерализм из фактора риска в фактор силы, создав модель, где разнообразие является не препятствием для управления, а топливом для развития.

Важнейшей чертой современной системы является то, что единство власти не означает «уровниловку» решений. Напротив, единая система публичной власти стимулирует творческую активность регионов. Показательным примером здесь служит работа Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), который в рамках проекта «Мониторинг лучших управленческих практик» в 2019–2025 годах выявил около пяти тысяч оригинальных решений, инициированных региональными властями. Эти практики — от цифровых сервисов для граждан до уникальных программ поддержки коренных народов — тиражируются по всей стране. Это доказывает, что российская вертикаль власти работает в обе стороны: центр задаёт стандарты, а регионы предлагают инновационные способы их достижения. В основе этих решений всегда лежит человекоцентричный подход.

Такая внутренняя сплочённость и управленческая гибкость — именно то, во что пытаются целиться наши оппоненты. Внешние попытки расколоть российское общество по национальному или религиозному признаку не прекращаются, однако они разбиваются о крепкий исторический фундамент и осознание общности судьбы. Концепция «семьи семей», где каждый несёт ответственность не только за свой дом, но и за всю страну, оказалась сильнее любых манипуляций.

Сохранение и обогащение культур в России — это не просто дань традиции, а вопрос выживания и лидерства в новом многополярном мире. Россия сегодня — это образец того, как на основе общих ценностей можно построить «общий дом» для сотен народов. Эта модель устойчивого развития, основанная на сложном динамическом балансе между централизацией и региональной спецификой, является главным залогом того, что российская цивилизация не только сохранит свою силу, но и продолжит своё поступательное развитие, оставаясь ориентиром для всех, кто ищет

путь к справедливому и стабильному мироустройству. Наша сила — в единстве, а наше многообразие — это та палитра, из которой складывается наше общее великое будущее.

Единый дом для многих народов

Трансформация российской государственности в единую систему публичной власти сформировала не застывшую бюрократическую схему, а живой, динамичный механизм, обеспечивающий баланс между вековыми традициями и вызовами будущего. Пройдя через драматический опыт дезинтеграции 1990-х и период жёсткой централизации 2000-х, страна вышла на новый уровень управления, где «вертикаль» перестала быть самоцелью, превратившись в инструмент качественного изменения жизни каждого гражданина.

Главный итог этой эволюции заключается в том, что Россия превратила федерализм из потенциальной угрозы в свою главную стратегическую силу. Модель, заложенная конституционными поправками 2020 года и развитая в последующих законах, позволила преодолеть исторический разрыв между «центром» и «периферией». Сегодняшнее единство страны — это не отсутствие разногласий, а наличие общего правового поля и единых социальных стандартов, которые гарантируют: будь то мегаполис или малый опорный населённый пункт из перечня 2160 приоритетных территорий, государство несёт равную ответственность перед человеком.

В основе этой системы лежит глубокая человекоцентричность. Национальные проекты с их беспрецедентным бюджетом в 21 триллион рублей на ближайшее трёхлетие — это не просто статьи расходов. Это инвестиции в сохранение российской цивилизации. Когда мы говорим о девяти триллионах рублей на нацпроект «Семья» или о масштабных программах развития Арктики и Дальнего Востока, мы подразумеваем создание среды, в которой многодетность, верность традициям и профессиональная самореализация становятся естественным и защищённым выбором.

Россия сегодня управленчески и мировоззренчески мыслится как «семья семей». Это уникальное определение подчеркивает, что наше государство — не «плавильный котёл»,

стирающий различия, а пространство сотрудничества, где каждый народ сохраняет свою уникальность, внося свой вклад в общую мощь. Именно в этом единстве многообразия кроется секрет нашей устойчивости перед лицом внешних вызовов. Опыт специальной военной операции, где представители более ста национальностей плечом к плечу защищают общие идеалы, окончательно подтвердил: наше общество объединено не конъюнктурно, а ценностно, на прочном историческом фундаменте.

2026 год, объявленный Годом единства народов России, станет не просто чередой торжественных мероприятий. Он должен зафиксировать новый статус-кво: Россия нашла свою формулу устойчивости в многополярном мире. Мы научились сочетать сильный центр, способный концентрировать ресурсы для прорывов, с инициативой регионов, которые сегодня предлагают тысячи оригинальных управленческих решений. Мы превратили культурное наследие в фундамент для демографического роста и технологического развития.

Российский опыт управления многокультурным обществом сегодня приобретает глобальное значение. В мире, где неугасающие конфликты часто порождены неумением слышать и учитывать интересы разных групп, российская модель «сложного динамического баланса» выглядит как жизнеспособная альтернатива. Мы не навязываем свою культуру, мы создаем условия для сотворчества многих культур в рамках одного сильного государства.

Важно подчеркнуть: Россия не заканчивает своё строительство. Мы находимся в процессе постоянного обогащения нашего «общего дома». Впереди — достижение национальных целей 2030 и 2036 годов, реализация мастер-планов городов и новых стратегий пространственного развития. Но уже сегодня ясно главное: благодаря единой системе публичной власти Россия стала сильнее, сплочённое и увереннее в своём будущем. Мы принимаем свою историю целиком и вместе строим страну, где каждый уникален, но все мы — единый народ, объединённый общей ответственностью за завтрашний день. Наша сила — в единстве, наше богатство — в многообразии, а наша цель — процветающая Россия-цивилизация. ●

Российская нация

В. Л. Шаповалов,
кандидат исторических наук.

*«Помилуй Бог, мы — русские!
Какой восторг!»*

Александр Суворов

Прежде всего отмечу, что российскую нацию мы понимаем как нацию гражданскую, объединяющую совокупность российских граждан вне зависимости от их этнического происхождения, — «сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной национальной, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих общероссийской гражданской идентичностью (гражданским самосознанием)».

В результате длительной истории совместного проживания людей в одном государстве, тесного этнокультурного взаимодействия, совместной производственной деятельности и смешанных браков сформировалась общероссийская гражданская идентичность — осознание своей принадлежности к Российскому государству, российскому народу, обществу, приверженности единым ценностям и традициям. Более 70 % россиян среди форм коллективной идентичности на первое место ставят чувство гражданской принадлежности. Важно, что при этом представители всех народов России сохраняют свой язык, культуру и идентичность, у многих сохраняются исторические территории компактного проживания.

В качестве базового признака российской нации необходимо отметить принадлеж-

ность составляющих её элементов к государству, а не к этнической, языковой, культурной или религиозной группе, а также стержневую роль государственных структур при формировании и развитии русского народа. И если мы называем русских «государствообразующим народом», то точно так же Российское государство логично обозначить в качестве базового нациообразующего института.

Русский — тот, кто служит России. Тот, для кого Россия — Родина и судьба.

Ничего удивительного в базовой роли государства в строительстве российской нации нет. Огромность территорий и масштаб задач, связанных с их освоением, открытость и богатство земель, а следовательно, необходимость в постоянной их защите, критические для ведения хозяйственной деятельности природно-климатические условия — все эти факторы приводили к необходимости объединения племён и народов, населявших Восточно-Европейскую равнину, а затем также территорий Сибири и Дальнего Востока, в единый массив, к сплочению и объединению для реализации целей защиты и развития, которые почти всегда были подвигом, выходом за рамки спокойной и размеренной жизни. Именно государство, причём сильное, обладающее мощными мобилизационными ресурсами и возможностями, могло решить эту непосильную задачу.

По словам Н. А. Бердяева, философа, который, пожалуй, ближе всех подошёл к объяснению уникальной природы русского народа и русского государства: «Отношения между русским народом, который славянофилы прославляли народом безгосударственным, и огромным русским государством до сих пор остаются загадкой философии русской истории. Но не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, её положение на земле, её необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принуждён был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Восточно-Запад, объединённое и организованное государственное целое».

География, открытость и безбрежность великой Русской равнины, множественность на-

родов, проживающих на ней чересполосно, постоянные волны Великого переселения народов, прокатывавшиеся по нашей лесостепной зоне, сформировали два базовых цивилизационных ответа: защиту своей земли от врагов, стремящихся к её захвату, и объединение с друзьями, умение находить общее и выстраивать диалог даже с теми, кто не похож на тебя.

Последнее качество очень верно отметил Л. Н. Гумилёв: «Надо отдать должное уму и такту наших предков. Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов».

С самого первого дня, с момента начала своего существования, Русское государство формировалось как общее для всех народов, проживающих на его земле, дело.

Так описывает момент создания Русского государства «Повесть временных лет»: «В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: „Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону“. Пошли за море к варягам, к руси... Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“».

Таким образом, в основании Русской государственности находится не только и не столько факт призвания правителя, сколько — что, безусловно, является гораздо более значимым фактором — общественный договор, ряд, заключённый разноязычными племенами, населявшими Северную Русь и сформировавшими русский народ: славянами из Новгорода, кривичами из Полоцка, мерей из Ростова, весью из Белоозера, муромой из Муромы.

В последующем, по мере разрастания русских земель, происходило усложнение состава российской нации, включение в него всё новых и новых этнических элементов. В их числе были другие славянские и финно-угорские племена, тюркские и монгольские, кавказские и ираноязычные народы. Общий век-

тор развития — от относительно простого к сложному. К «цветущей сложности», как писал К. Н. Леонтьев.

Важно отметить, что этот процесс расширения в корне отличался от колониальных захватов заморских территорий западноевропейскими народами. Нельзя не согласиться в этом отношении со Львом Гумилёвым: «Наши предки осознавали уникальность образа жизни тех народов, с которыми сталкивались, и потому этническое многообразие России продолжало увеличиваться. Колонизация Сибири русскими не была похожа ни на истребление североамериканских индейцев англосаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами. А ведь в пору этих деяний и англосаксы, и французы, и португальцы, и голландцы уже пережили век Просвещения и гордились своей „цивилизованностью“».

Одной из ключевых характеристик национальной политики России, коренным образом отличающей её от западноевропейских стран, является отсутствие дискриминации по этническому признаку. Убедительным доказательством этого служит состав российских политических, военных, административных, финансово-экономических и культурных элит. Практически на всём протяжении российской истории они были полиэтническими.

Представители всех этнических групп по мере их вхождения в состав Российского государства интегрировались в состав русского правящего класса, занимая позиции в рядах высшей аристократии, состоящей не только из Рюриковичей и московских боярских фамилий. Литовские Гедиминовичи, князя Черкасские, Юсуповы и Урусовы, в дальнейшем — выходцы из польской, немецкой (остзейских немцев), грузинской, крымскотатарской, армянской знати — становились частью российской элиты.

Более того, социальная структура русского общества, в отличие от западноевропейской, имела открытый характер. Это позволяло делать карьеру не только представителям аристократии народов, входивших в состав России, но также и их рядовым представителям. В то время как западноевропейские народы воспринимали жителей захва-

ченных колониальных владений, пользуясь языком британца Редьярда Киплинга, «наполовину бесами, наполовину детьми», в России этническое происхождение никогда не совпадало с социальным размежеванием, а представители других народов интегрировались в состав русского общества, занимая в нём позиции, схожие с позициями великороссов.

В этом отношении советский интернационализм и дружба народов не возникли на пустом месте, но являлись продолжением — разумеется, в новой политико-правовой форме, с учётом новых идеологических воззрений — привычных для нашей страны форматов развития межэтнических отношений.

Россия никогда не была «тюрьмой народов!» Этот миф придуман нашими противниками с целью ослабления Российского государства, разделения и противопоставления народов, её составляющих, друг другу.

Этнический сепаратизм, основанный на идее обособления от России, всегда был политическим проектом наших противников, направленным на борьбу с Российским государством. В своих интересах эксплуатировали этническую тему и большевики, проводя политику так называемой коренизации, сыгравшей значительную негативную роль в дальнейшей истории нашей страны.

Сегодня, в новых политических, социальных и правовых реалиях, в России сохраняются традиции единства её народов, заложенные в предыдущие эпохи развития российской государственности.

Значимую роль в формировании национального единства, консолидации русской нации, особенно на первых этапах российской государственности, сыграло православие, распространившееся среди многих племён и народов первоначальной Руси и объединившее на иной, неэтнической, но мировоззренческой основе народы «Третьего Рима». В отличие от так называемых «национальных религий», православие выходило за этнические рамки («нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа»), соединяя вместе с тем понятия «православный» и «русский». По словам И. В. Киреевского: «Обширная Русская земля, даже во времена разделения своего на мелкие княжества, всегда сознавала себя как одно жи-

вое тело и не столько в единстве языка находила своё притягательное средоточие, сколько в единстве убеждений, происходящих из единства верования в церковные постановления. Ибо её необозримое пространство было всё покрыто как бы одною непрерывною сетью, неисчислимым множеством уединённых монастырей, связанных между собою сочувственными нитями духовного общения. Из них единообразно и единомысленно разливался свет сознания и науки во все отдельные племена и княжества».

В то же время России не была свойственна религиозная нетерпимость, столь распространённая среди народов Западной Европы. Российская власть уважительно относилась к верованиям своих подданных, не препятствуя им и не навязывая свои религиозные предпочтения. В этом отношении показательным примером служат действия Екатерины II. В 1766 году императрица разрешила строить мечети в Казани, в 1782 году — на южных рубежах империи, а в 1773 году издала Указ о терпимости всех вероисповеданий. В «Наказе Комиссии по составлению проекта нового Уложения» Екатерина писала: «Весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок — запрещение или

недозволение их различных вер... Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца, и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине Государства и соединению граждан».

Бережное отношение к религиозным традициям народов России отличает и современный этап развития российской государственности, для которого характерно сочетание принципов светского государства и свободы совести с особым отношением к православию и другим традиционным конфессиям. Диалектическая сложность религиозной ткани нашего общества в полной мере выражена в тексте Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию».

Не менее важную роль в формировании российской нации по сравнению с религиозным фактором, а в определённые временные периоды, пожалуй, наиболее значимую, сыграли русский язык и русская культура.

На протяжении своей тысячелетней истории российская цивилизация создала самобытную культурную традицию, основанную на уникальном сплаве культур народов России, творческом осмыслении великой и драматичной истории нашей страны. Российскую культуру отличает открытый характер, восприимчивость и развитие на русской почве лучших элементов культур многих народов мира.

Получив вместе с актом Крещения Руси значимую культурную традицию от Византийской империи, Россия в последующем органично интегрировала в состав своего культурного кода идеи, символы, ценности, смыслы, достижения многих культур Востока и Запада.

Российскую культуру отличает высокое нравственное начало, гуманистическая традиция, любовь к Родине и её историческому наследию, уважение к труду, поиск справедливости, апелляция к великому прошлому и устремлённость в будущее.

Достижения российской культуры имеют фундаментальное значение для мировой культурной традиции. Основы нашей культуры были сформированы ещё в древнерусский период нашей истории. «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучение детям» Владимира Мономаха, «Слово о погибели земли Русской», достижения архитектуры и градостроения, такие как Десятинная церковь и Софийский собор, традиции летописания, «Повесть временных лет» создали мощный культурный фундамент для дальнейшего созидания. Творения Андрея Рублёва, Дионисия и Симона Ушакова, составляющие уникальную русскую иконописную школу, стали шедеврами русского Средневековья. Вершиной мировой литературы является классическая русская литература. Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Грибоедов, Толстой и Тургенев, Достоевский и Чехов являются достоянием не только российской, но и мировой культуры. Книги русских писателей изучают во всех уни-

верситетах мира, а пьесы русских драматургов — Островского, Чехова, Горького — ставят на подмостках всех театров мира.

Современная российская культура является наследницей великой культурной традиции. В ней — источник нашей силы и вдохновения, ответов на вопросы о прошлом, настоящем и будущем России.

Принадлежность к великой русской культуре и пространству русского языка сформировала отдельную социокультурную составляющую общероссийской идентичности, основу консолидации российской нации. Наши сограждане, даже не идентифицирующие себя в полной мере с Россией, посредством сопричастности русскому языку и культуре, её творцам и создателям, становились частью Русского мира. Так, например, через любовь к наследию Пушкина выражает свою сопричастность России поэт-эмигрант В. Ф. Ходасевич:

*«России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя».*

При этом необходимо обратить внимание на то, что Русское государство и общество всегда бережно относились к культурам и языкам народов, населяющих нашу страну, уделяя в образовательной и просветительской деятельности особое внимание сохранению культурного наследия. Ярким примером подобного рода деятельности могут служить деяния епископа Стефана Пермского, создавшего великопермскую (зырянскую) азбуку и открывшего первые школы в крае, в которых обучение шло на зырянском языке.

В настоящее время Россия сохраняет и развивает заложенные веками традиции бережения культурного и языкового наследия народов, её составляющих. В статье 26 Конституции России закреплено право на пользование родным языком: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».

Реализация конституционного принципа на практике обеспечивает широкое языковое разнообразие. В настоящее время в России существует более 150 языков. 37 из них име-

ют статус государственных языков субъектов Российской Федерации. На 18 языках ведется преподавание в школе. Например, в Республике Крым действуют три государственных языка. Указом Президента России Владимира Путина установлена памятная дата — День языков народов России, приуроченная ко дню рождения поэта Расула Гамзатова. Государственная языковая политика России беспрецедентна в мировых масштабах и в наибольшей степени обеспечивает возможность жителей России выбирать язык общения.

Еще одной значимой особенностью национальной политики России является адаптивность государственного управления и административно-территориальной системы страны к особенностям тех или иных территориальных и этнических общностей, интегрирующихся в состав Российского государства. Практически на всем протяжении своей тысячелетней истории Россия была сложным, с точки зрения политического устройства и административных практик, государством. Обширность территории, множественность хозяйственных укладов, этнокультурное разнообразие диктовали необходимость тонкой настройки системы управления, учитывающей специфику отдельных территорий. Результатом стали уникальные управленческие практики, сформированные и развивающиеся не одно столетие.

Развитие и расширение Российского государства, вхождение в состав России новых племён и народов сопровождалось созданием, в случае необходимости, различных форм управления территориями с сохранением местных политических традиций, постепенной адаптацией и синхронизацией региональных административных институтов с общероссийскими, а зачастую и сохранением отдельных особенностей и высокой степени политической автономии на достаточно длительном временном этапе. Так, например, широкая автономия после вхождения в состав России сохранялась у касимовских татар, башкир и калмыков, народов Северного Кавказа и Закавказья, западных и юго-восточных окраин Российской империи. Польша после её раздела между Австрией и Германией сохранилась благодаря вхождению в состав России её части, а своим существовани-

ем Финляндия, почти поглощённая Швецией, обязана только Александру I.

Современное российское государственное строительство, создание уникального национально-территориального устройства, наличие в составе федерации почти трёх десятков республик и автономий опираются на сложившийся исторический опыт и развивают его в новых условиях.

Фундаментальное отличие российской цивилизации от глобалистского западного проекта, стирающего культурные, языковые, этнические и территориальные особенности и характеристики ради превращения всех в однородную массу «цивилизованных потребителей», состоит в бережном отношении к культурному наследию народов России, к разнообразию этнических и языковых сообществ, а также традиций.

Такая политика является безусловным цивилизационным преимуществом России. Это не слабая и уязвимая черта, а сила, основа её выживания и развития, культурного расцвета и государственной устойчивости.

Единство народов России и дружба народов являются неотъемлемой частью цивилизационного кода России, традиционной ценностью российского общества, сформированной многовековой историей. По инициативе Президента России учреждены две новые памятные даты: День коренных малочисленных народов России и День языков народов России, а 2026 год объявлен Годом единства народов России.

Российская нация — сложный и уникальный организм, не имеющий аналогов в мировой практике, связанный своим происхождением и развитием с возникновением и становлением Русского государства. Основанная на мощном фундаменте русского языка, русской культурной и религиозной традиции, философии и общественно-политической мысли, практики государственного строительства, ключевой роли в нем и культурном развитии государствообразующего народа, она вместе с тем не только органично включает в свой состав разные этнические и субэтнические элементы, но и создает условия для сохранения и развития «всякого сущего в ней языка», обычаев и традиций всех народов, составляющих общность Русского мира. ●

Фактор устойчивости

А. С. Николаев,
Глава Республики Саха (Якутия)

2026 год объявлен Президентом страны Годом единства народов России. Тема сплоченности сегодня, в условиях беспрецедентного военно-политического, экономического, информационного и психологического давления на наше государство, является краеугольной в обеспечении суверенитета страны. Вместе с тем особое значение в контексте противостояния с Западом приобретает осмысление цивилизационных основ государственности. Ведущим трендом внешней политики становится «поворот на Восток». В этом контексте Сибирь и Дальний Восток, объявленные

Президентом приоритетом развития на весь XXI век, укрепляют свое положение не только как источник сырьевой независимости, но и как регион-ретранслятор российских ценностей мультикультурализма на международной арене, в особенности в отношениях со странами Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

В этой связи особенно символичным является подписание В. В. Путиным 1 апреля 2025 года указа о праздновании 400-летия основания Якутска, которое состоится в 2032 году. На заре своего становления и развития город стал стратегическим центром освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Именно отсюда готовилась, снабжалась и стартовала Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, известная так-

же как Великая Северная. Благодаря ей были четко определены рубежи Российского государства, исследована широкая прибрежная зона от Камчатки до Японии и Северо-Запада Америки, окончательно оформлены географические представления об обширных просторах нашей страны. И сегодня мы видим Якутск как форпост России на Дальнем Востоке, экономический тыл страны. Таким он был во время Великой Отечественной войны, таким остается и поныне.

Включение Северо-Востока Сибири и Дальнего Востока в состав Российского государства положило начало культурному и духовному взаимообогащению. В этом году мы будем отмечать 155-летие учреждения Якутской епархии Русской Православной Церкви. Стоит отметить, что, в отличие от некоторых западных стран, Российское государство формировалось как союз многонациональных и многоконфессиональных сообществ, не предполагая насильственного уничтожения или ассимиляции присоединённых народов. Такая модель позволила сохранить и развивать самобытность коренных народов, включая якутов. На территории республики проживают также последователи традиционных верований, ислама, буддизма. Между ними сформировался диалог, построенный не на поиске различий, а на общечеловеческих ценностях мира и добра.

Именно такой подход позволил укрепить наше единство перед лицом опасности. Регулярно навещая бойцов в зоне специальной военной операции, вижу, что они не делают друг друга на тувинцев, татар, чувашей или православных, буддистов и мусульман. Все они сегодня — Защитники Отечества. Основой же единства выступает гражданская идентичность. А любовь к малой родине в этом контексте укрепляет понимание своей уникальности, но не противоположности, которую наивно пытается нам навязать противник в попытках разобщить народы России.

Осознавая это, жители Якутии на фронтах СВО сражаются так, словно враг пришёл к порогу их дома. В республике нет высших военных учебных заведений, а из воинских частей дислоцировано лишь несколько подразделений ПВО и космической связи. Однако, как подчеркнул Президент, Якутия «бойцов нам

на линию боевого соприкосновения даёт таких, которых поискать во всём мире, наверное, нет». Эта оценка отражает глубинные культурные и ценностные основания, на которых формируется гражданская ответственность и готовность служить Родине. За время проведения СВО 12 жителей республики удостоены звания Героя Российской Федерации — это один из самых высоких показателей в стране.

Однако важно не только количественное измерение. Ключевое значение имеет то, что участие в СВО для многих жителей Якутии является осознанным выбором, основанным на понимании ценности внутреннего единства государства. Осознание простой, но фундаментальной истины — без сплоченности внутри страны невозможно сохранить ни суверенитет, ни саму государственность — становится важнейшим элементом современного патриотического мировоззрения.

При этом патриотическое воспитание в Якутии не ограничивается символическим признанием заслуг. В регионе выстроена системная модель поддержки участников СВО и их семей, основанная на принципе персональной вовлеченности власти. Главы муниципальных образований регулярно выезжают в зону боевых действий, доставляют гуманитарную помощь, лично общаются с военнослужащими, узнают об их потребностях и условиях службы.

Принципиальная установка заключается в том, что каждый руководитель территории должен знать своих земляков, находящихся на фронте.

Такая практика имеет двойной социальный эффект. С одной стороны, она напрямую поддерживает боевой дух военнослужащих, формируя ощущение неразрывной связи с родной землей и людьми, за которых они сражаются. С другой — она становится важнейшим фактором поддержки семей участников СВО. Возвращаясь, главы муниципалитетов взаимодействуют с родственниками бойцов, передают личные приветствия, фотографии, уточняют бытовые и социальные вопросы, которые требуют решения на месте. Именно из таких, на первый взгляд, «малых» действий формируется целостная система заботы о тех, кто сегодня отстаивает суверенитет нашего государства.

Логическим продолжением системы гражданской сплочённости и поддержки защитников Отечества является вовлечение детей и молодёжи в повседневные практики патриотического участия. Речь идёт о живом, искреннем и устойчивом процессе, встроенном в образовательную и социальную среду республики. Если мы не будем заниматься воспитанием подрастающего поколения, за нас это сделают (и попытались сделать) наши оппоненты.

В 2019 году моим указом в школах Якутии первыми в стране стали проводить церемонии поднятия флага России и исполнения государственного гимна. Тогда эта практика вызвала широкий общественный резонанс. Однако, как вскоре выяснилось, искусственный. Значительная часть критики поступала из средств массовой информации зарубежных стран, что только убедило нас в правильности выбранного курса.

С 2022 года эта традиция стала федеральной. Сегодня ритуал соблюдают во всех регионах страны. Стоит отметить, что он имеет и воспитательный элемент. Высокое право поднять государственный флаг получают учащиеся, отличившиеся в учёбе, спорте или общественной деятельности.

В целом система воспитания подрастающего поколения требует корректировки. Так, в региональном законе о молодёжной политике долгое время отсутствовало само понятие «патриотическое воспитание». В начале прошлого года мы внесли изменения и включили его наряду с духовно-нравственным воспитанием в сферу государственной политики. Аналогичные меры Якутия предложила закрепить в федеральном законе во время выездного заседания Комитета Государственной Думы РФ по молодёжной политике, прошедшего в марте 2024 года на территории республики. Это поможет создать единую систему координации, закрепить цели и принципы работы, определить ответственность органов власти.

На уровне республики эту координацию под единым началом обеспечивает Министерство по молодёжной политике и социальным коммуникациям. Сегодня оно курирует все военно-патриотические объединения, такие как «Движение Первых», «Юнармия», центры «Авангард» и «ВОИН». Системообразую-

щим элементом всей патриотической инфраструктуры стал созданный в конце прошлого года Центр «Патриот». Такой формат позволяет уйти от фрагментарности и выстроить единую экосистему патриотического воспитания.

Особого внимания заслуживает развитие «Движения Первых» в Якутии. Республика стала одним из первых регионов, где было развернуто полноценное региональное отделение. Сегодня здесь действуют 813 первичных организаций, а численность зарегистрированных участников превышает 138 тысяч человек. Эти показатели свидетельствуют не только о масштабах вовлечённости, но и о доверии со стороны молодёжи к предлагаемым форматам участия и саморазвития.

Значимым направлением остается и система кадетского образования. В прошлом году в Якутии были введены в эксплуатацию новые корпуса кадетской школы, что существенно повысило качество образовательной и воспитательной среды. Показательно, что сегодня поступление в кадетскую школу осуществляется на конкурсной основе, что говорит о растущем общественном запросе на дисциплину, служение и государственную ориентированность.

Отдельной задачей на ближайшую перспективу вижу возрождение потенциала ДОСААФ. Несмотря на то что организация продолжала функционировать и в сложные периоды, сегодня перед ней стоит задача качественного обновления и расширения деятельности. В новых условиях ДОСААФ вновь рассматривается как добровольное общество, формирующее базовые навыки, связанные с армией, авиацией и флотом, и дополняющее систему патриотического воспитания практико-ориентированным содержанием.

Продолжением исторически сложившейся модели интеграции и сохранения идентичности в рамках единого государства стал уникальный опыт Якутии как территории устойчивого многонационального сосуществования. Сегодня республика — один из наиболее многонациональных регионов Дальнего Востока: здесь проживают представители 135 национальностей. Межэтническое согласие обусловлено особенностями северного образа жизни, где взаимовыручка и доверие между людьми являются жизненной необходимостью.

Исторически суровые природно-климатические условия формировали в якутском обществе особую культуру солидарности. Здесь невозможно выживание в логике изоляции или противостояния — только совместное действие, уважение к соседу и ответственность за общее пространство жизни. Сочетание уникальных факторов создало то самое наследие Русского Севера, определившее самобытность и уникальность нашей страны-цивилизации. Сформированные ею ценности стали фундаментом межнационального согласия и органично трансформировались в современные практики гражданской и патриотической идентичности.

Значимую роль в формировании идентичности и ценностного единства играет и культурное пространство региона. Главный национальный праздник Якутии — Ысыах — исторически несет в себе идею единения и согласия. Имея глубокие якутские корни, он со временем приобрел по-настоящему интернациональный характер. Начиная с 2007 года праздник традиционно проводится в Москве, в парке «Коломенское», а в 2025 году впервые пройдет у стен Кремля, в парке «Зарядье». Эти события собирают десятки тысяч людей — выходцев из Якутии, представителей разных

национальностей и конфессий, для которых республика стала частью личной истории.

Ысыах давно не является исключительно этнокультурным событием. Он стал пространством коллективной памяти, символом дружбы народов и примером сохранения традиций в условиях современной городской и многонациональной среды.

Национальный колорит, сакральные элементы обряда, традиции и ритуалы органично сочетаются здесь с общечеловеческими ценностями — уважением, добрососедством, взаимопониманием. В этом смысле праздник выполняет важную воспитательную функцию, формируя у молодёжи опыт позитивного межкультурного взаимодействия и сопричастности к общему историческому и культурному пространству.

В текущем году особый акцент в программе Ысыаха будет сделан на истории многонационального и многоконфессионального народа Якутии, на традициях добрососедства и взаимного уважения, которые на протяжении столетий определяли развитие региона. Следуя принципам опоры на многонациональные традиции, логическим продолжением Года единства народов России стал объявленный

в республике Год культуры. Именно она наделяет нас стойкостью, становится источником силы духа.

Связь Года единства народов России и Года культуры в Якутии не формальная, а фундаментальная. Культура выступает универсальным инструментом формирования гражданского согласия и социальной сплочённости, пространством диалога, передачи ценностей и формирования общей идентичности. Она занимает особое место в системе патриотического воспитания молодёжи: через культурные практики возможно мягко, но эффективно транслировать идеи патриотизма, исторической преемственности и добрососедства народов. Якутия последовательно и осознанно использует этот потенциал, рассматривая культуру как один из стратегических ресурсов общественного развития.

Цель Года культуры в Якутии — не только сохранение культурно-исторического наследия, но и развитие творческого потенциала в духе времени, повышение культурного уровня каждого жителя республики. Особое значение в этом контексте приобретает якутский кинематограф,

который в последние годы стал социальным феноменом. Каждая картина, созданная на территории республики, по-своему обращается к темам человеческого выбора, силы духа, исторической памяти и ответственности перед обществом. Кинематограф в Якутии становится пространством смыслообразования, где национальная идентичность органично сочетается с общероссийскими ценностями.

Развитие киноиндустрии подкрепляется институционально. Уже в этом году за счёт федерального финансирования планируется подготовка проектно-сметной документации для строительства в Якутске кинопавильона полного цикла. Это решение открывает новые возможности для локального производства контента, подготовки кадров и дальнейшего роста креативной экономики региона.

Знаковым является и внимание федерального центра к культурным инициативам республики. В ходе «Прямой линии» Президент Российской Федерации выразил готовность поддержать прокат художественного филь-

ма «Тимир», посвящённого героическому подвигу нашего земляка. Культура и креативные индустрии в Якутии выступают одним из ключевых элементов системы патриотического воспитания молодёжи. Через кино, анимацию, медиа и творческие практики формируется современный, эмоционально насыщенный и доступный язык разговора о Родине, истории и ответственности перед будущим.

Курс Якутии на ближайшие годы заключается в том, чтобы масштабировать и повысить эффективность существующих практик, развивать дома культуры для молодёжи, отечественное кино и креативную экономику. Перед Министерством культуры и духовного развития Республики мной была поставлена задача улучшить формы и содержание культурной жизни во всех муниципалитетах. Для этого у нас есть все возможности. За последние годы в Якутии создана целая сеть современных центров культуры, развивается собственная сеть кинопоказов на основе технологий компании «Экстра Синема». Более того, её продукция выходит на зарубежный уровень: ею оснащают кинозалы в дружественной Индии, также отказывающейся от дорогостоящего западного оборудования.

Речь идет о последовательной работе с образовательными, культурными, общественными и молодежными структурами, которые уже стали точками опоры для формирования ценностей служения, солидарности и ответственности. Якутский опыт воспитания поколений, любящих свою Родину и осознающих свою роль в судьбе страны, сегодня выходит за рамки региональной практики и обладает потенциалом для тиражирования в других субъектах Российской Федерации.

Важным событием Года культуры в Якутии станет завершение строительства нового кампуса Высшей школы музыки. Эта работа проходит по прямому поручению Президента страны В. В. Путина. Посещение культурного учреждения, вобравшего в себя лучшие достижения отечественной и мировой культуры, стало традицией во время визитов главы государства. В этом году завершится строительство Арктического центра эпоса и искусств, который станет пространством, объединяющим под одной крышей культурные коды, традиции и мифы народов Севера. ●

Укрепление межнационального мира и согласия на Северном Кавказе

А. Р. Карпов,
аппарат полномочного представителя
Президента РФ в СКФО

Северный Кавказ — это уникальный макрорегион России с максимально высокой плотностью расселения и пересечения различных этнонациональных и конфессиональных групп. Такое разнообразие является одним из самых дорогих сокровищ российской цивилизации — оно наглядно демонстрирует историческую способность российского государства сохранять и оберегать культурную самобытность народов, населяющих страну.

За многовековую историю совместного существования кавказских народов выработались устойчивые социальные и культурные механизмы уважительного межнационального взаимодействия. Особую роль в этом процессе

исторически сыграл и продолжает играть русский народ как системообразующее ядро многонационального народа России. На протяжении нескольких эпох (Российская империя, Советский Союз и современная Россия) государственной власти последовательно удавалось решать задачу гуманитарного развития и модернизации Северного Кавказа.

Этот процесс был непростым. В совсем недавнем прошлом, в 90-х и в начале 2000-х годов, Кавказ оставался пространством острого конфликта, который на длительное время подорвал безопасность региона. Успешное завершение контртеррористической операции 1999–2009 гг. поставило точку в этих трагических событиях. Сегодня Северный Кавказ постепенно возвращает себе репутацию всероссийской здравницы благодаря своим удивительным туристическим маршрутам, не-

сравненной кухне и рекреационным возможностям.

Разительный контраст по сравнению с ситуацией двадцатилетней давности. Уровень безработицы в Северо-Кавказском федеральном округе в 2025 г., по данным Росстата, составил 7,2% (методология МОТ). Хотя это самый высокий показатель среди федеральных округов, он тем не менее является историческим рекордом для самого Северного Кавказа. Ещё 15 лет назад этот показатель достигал 16,3%. А с учётом того, что СКФО является федеральным округом с самой высокой долей молодого населения, устойчивое снижение уровня безработицы — залог общественно-политической стабильности. Хорошими темпами меняются и другие экономические показатели. Например, за последние три года совокупный валовой региональный продукт субъектов СКФО вырос более чем на 40%. Улучшилась связанность макрорегиона: реконструированы участки федеральной трассы М-29, построен новый терминал аэропорта Минеральные Воды, модернизируется портовая инфраструктура на Каспии.

Важным итогом столь радикальной (в хорошем смысле) трансформации Северного Кавказа стал реальный успех современной модели российской государственности в превращении региона, разрываемого этнонациональными конфликтами, в территорию стабильного развития. Это уникальная ситуация не только для самой России, но и для мировой политики.

Мало кто обращает внимание на то, что разрешить аналогичные конфликты на Ближнем Востоке и на Балканах, по сути, так и не удалось, несмотря на все громкие заявления и неоднократные попытки.

Вместе с тем на Северном Кавказе имеются свои особенности межнациональных отношений. В некоторых республиках СКФО существует неформальная система национального представительства в системе управления, отражающая этнический состав соответствующих регионов. В публичной повестке присутствует повышенное внимание к межнациональным вопросам.

Не секрет также, что на Северном Кавказе сохраняют свою силу многие структуры тра-

диционного общества, тесно связанные с родовыми, общинными, религиозными институтами (тейпы, мыггаги, тарикаты, вирды и др.). Это создает определенный резерв укоренённости традиционных духовно-нравственных ценностей в социальной ткани общества. Речь в первую очередь, конечно, идёт о ценности семьи. Тезис, определяющий нашу страну как «семью семей», на Северном Кавказе находит особый отклик.

Но есть и свои нюансы. Элементы традиционного общества часто оказываются подвержены негативной тенденции архаизации социальной жизни. Это влечёт избыточное внимание к спорам по поводу травматических аспектов исторической памяти. Безусловно, изучение истории и её пестование — дело благородное и заслуживающее всяческого уважения. Но случаи, когда подобные дискуссии ведутся в отрыве от объективного научного знания и основываются на спекулятивных, навязанных извне утверждениях, вызывают озабоченность.

Один из наиболее распространённых тезисов, искусственно навязываемых для обострения общественной дискуссии, — это утверждение об империалистическом характере присоединения Кавказа к России. К нему часто также добавляются заявления о колониальной политике Российской империи в этом регионе. Несмотря на очевидную несостоятельность большинства утверждений, требуется (и постоянно проводится) систематическая работа для разъяснения реальных исторических обстоятельств интеграции Кавказа в состав Российского государства. Ключевое значение здесь имеют исторические факты, и в первую очередь — многочисленные обращения (соглашения) кавказских народов о добровольном вхождении в состав России. Причём это не только Георгиевский трактат, положивший начало присоединению грузинских земель к Российской империи. Уже начиная с XVI века некоторые горские общества Дагестана обращаются и получают российское подданство, а в XVIII–XIX веках добровольно в состав Российского государства входят осетины, ингуши, карачаевцы, балкарцы и другие народы Кавказа. Все они искали у России защиты, видели в союзе с ней благоприятную историческую перспективу и делали осознанный выбор, ис-

А.С. Пушкин

К.Л. Хетагуров

ходя из своих коренных интересов. И в результате сохранились! Совершенно особое место в этом ряду занимает история заключения брака между русским царём Иваном IV Грозным и кабардинской княжной Марией Темрюковной в 1561 г. Этот брачный союз не только сделал Кабарду надёжным союзником Москвы, но и во многих отношениях стал образцом для формирования многонациональной российской государственности. Кабардинская знать начала поступать на русскую службу и была принята при Московском дворе со всеми почестями как абсолютно равноправная часть общегосударственной элиты. Этот подход сохранялся и в дальнейшем, применяясь к старейшинам и аристократии других кавказских народов. Многие из них получали титулы, высшие воинские звания, добивались успеха в науке и культуре.

В отличие от колониальных империй Запада, которые, осуществляя захват новых земель, проводили политику жёсткой экономической эксплуатации коренного населения и вывоза ресурсов, Россия, напротив, всегда давала импульс экономическому и политическому развитию вновь присоединяемых территорий. Естественно, это относится и к Северному Кавказу. Обеспечение военной

защиты, ликвидация работорговли, разрешение внутренних конфликтов, экономические субсидии, создание современной инфраструктуры, гуманитарное развитие — всё это российский вклад в дело защиты интересов народов Кавказа на протяжении всей общей истории. Причём сделанный с особым уважением к местным традициям, обычаям и религиозным нормам.

Ещё один сложный вопрос общей исторической памяти — это Кавказская война. Здесь уровень спекуляций традиционно зашкаливает и требует особого внимания. Антироссийская пропаганда рисует этот конфликт как противостояние России и народов Кавказа, возникают попытки подмены понятий и вбрасывания псевдонаучной терминологии по типу «русско-кавказской войны».

На самом деле исторической науке хорошо известно, что в этот период Кавказ являлся ареной острого геополитического противостояния между Россией, Великобританией и Турцией (интересы двух последних часто совпадали). Именно турецко-британское влияние давало основной толчок антироссийским выступлениям, особенно в западной части Кавказа и Причерноморье. Без этого вмешательства события развивались бы по более

К.Ш. Кулиев

сглаженной траектории. Тем более что Российская империя ставила задачей стабилизацию и обеспечение долгосрочной безопасности кавказского региона, находя в этом поддержку многих населявших его народов.

Интересно, что даже вопросы древней истории и этногенеза в некоторых случаях способны порождать нешуточные споры. С повышением доступности ДНК-тестирования стали возникать различные спекулятивные концепции по поводу взаимосвязей между древними и современными народами, отдельными родовыми группами. Например, в информационном пространстве развернулось бурное обсуждение темы «аланского наследия». Разъяснительная работа по данной теме строится с опорой на научное сообщество федерального и регионального уровней. В частности, экспертами подчеркивается комплексный характер научного знания в этой области. Достижения популяционной генетики сегодня впечатляют, но их необходимо грамотно интерпретировать. Кроме того, объективную картину можно получить лишь с учетом общих позиций, выработанных в этнографии, археологии, лингвистике и т. д.

Кавказ всегда был частью большой геополитической игры и сегодня находится на пересечении цивилизаций. В этой ситуации российский цивилизационный код в СКФО сталкивается с растущей конкуренцией внешних религиозных и этнокультурных мегапроектов, идущих как с Запада, так и с Востока.

Возникают новые вызовы, окрашенные в непривычные смысловые обертоны. Но их общий лейтмотив один — проблематизация гармонии межнациональных и межконфессиональных отношений, сложившейся на российском Кавказе.

На этом фоне геополитические противники России используют любые возможности для нарушения гражданского единства и межнационального согласия. Ими эксплуатируются различные инструменты когнитивного манипулирования. При этом отмечаемый экспертами рост потребления зарубежного информационного контента, созданного в иной социокультурной среде и апеллирующего к альтернативным ценностным установкам, создает новую зону риска.

В частности, серьёзной проблемой для регионов СКФО в последние годы стало проникновение радикальных религиозных течений. Особую угрозу представляет подверженность молодёжи деструктивным идеологиям, транслируемым в информационном пространстве. Данная проблема усиливается в случаях, когда отдельные группы молодых граждан «инкапсулируются» по этнорелигиозному принципу, переставая воспринимать сигналы, идущие по выстроенным каналам гуманитарного развития, образования и реализации государственной молодёжной политики. В этих случаях формируются риски замещения общероссийской гражданской идентичности различными фундаменталистскими суррогатами.

В последнее время активно подключается ресурс локальных институтов традиционного российского ислама для противодействия радикальным течениям. В регионах СКФО укрепилась субъектность духовных управлений мусульман, выступающих в роли проводников государственной конфессиональной политики. Они сыграли важную роль в привлечении местных сообществ к содействию специальной военной операции, включая сбор гуманитарной помощи и поддержку беженцев из Донбасса, Запорожской и Херсонской областей.

Многие представители северокавказских республик отправились в зону проведения СВО в качестве добровольцев. Были созданы

казачья разведывательная бригада «Терек» с опорой на боевой актив терского казачества, батальоны «Ахмат», «Алания» и «Каспий». Сейчас идёт создание подразделения «Эрзи».

В марте 2022 года во Владикавказе в ходе Всероссийской научно-практической конференции «Духовное служение и социальная миссия религиозных организаций в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности», организатором которой выступил Координационный центр мусульман Северного Кавказа, было принято заявление лидеров мусульманских религиозных организаций по ситуации на Украине, в котором они выразили полную поддержку руководству России в вопросе проведения СВО.

Общегосударственные ценности стали актуальными для объединительных процессов. В них вовлечена система высшего образования. В Пятигорском государственном университете создан Институт государственно-конфессиональных отношений, который готовит специалистов с глубоким знанием ислама для осуществления организационно-управленческой, экспертной и научной деятельности. Важно, что во время встреч и диалога с ответственностью ими особо подчеркивается экзистенциальная угроза радикальных религиозных течений для традиционных мазхабов Северного Кавказа, равно как и для суфийской ветви ислама, распространенной в Республике Ингушетия, Чеченской Республике и Республике Дагестан. Также акцентируется внимание на мирном, взаимоуважительном характере отношений между православием и исламом, другими традиционными конфессиями.

Интересный опыт имеется в Кабардино-Балкарии, где при поддержке Министерства по делам молодежи региона в течение двух лет проводится викторина «Знай свою религию». Целью мероприятия являются знакомство молодых людей с основами традиционных религий России, этикой различных конфессий, а также изучение истории религии и её взаимосвязи с государством. Викторина проходит в формате интерактивной игры, которая включает в себя мультимедийный контент, а также вопросы с вариантами ответов. Участники вовлекаются в коммуникацию с представителями органов власти и повышают свой уровень знаний.

Р.Г. Гамзатов

В Дагестане Министерством по делам молодежи республики проводятся регулярные встречи с молодежью, посещающей образовательные курсы религиозных организаций. В 2023 г. состоялось около сотни таких встреч в мечетях и медресе республики с общим охватом более 10 000 человек. Более тысячи участников по итогам общения зарегистрировались на платформе АИС «Молодежь России» и на портале «Добро.РФ».

В Пятигорске функционирует Центр знаний «Машук», в деятельности которого, наряду с основной программой федеральных мероприятий, представлены также окружной и региональный компоненты. Вот уже несколько лет на базе этого центра проводится ежегодный форум кавказоведов, объединяющий специалистов и способствующий формированию горизонтальных связей внутри научного сообщества. На форуме обсуждаются единые подходы к научному анализу истории Кавказа.

Стоит отметить, что Центр знаний «Машук» стал важной площадкой для переподготовки управленческих и образовательных кадров СКФО. Специализация центра на педагогических программах способствует повышению квалификации учителей Северного Кавказа с акцентом на вопросы межнациональных отношений. В прошедшем году «Машук» провел серию образовательных программ для управленческих команд Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. В Ингушетии был организован выездной семинар для местных блогеров, экспертами которого стали российские пранкеры Вован и Лексус.

За последние пять лет в СКФО произошёл подъём волонтерского движения. Во всех регионах начали работать ресурсные центры поддержки и развития добровольчества. По сводным оценкам, за период с 2020 г. в волонтерскую деятельность на Северном Кавказе было вовлечено более 1 миллиона человек. Эта цифра включает в себя работу волонтеров в период коронавирусной инфекции, а также сбор гуманитарной помощи для Донбасса и других исторических территорий России. Очень хороший результат для округа — фактически каждый десятый житель принял участие в добровольческих проектах. Такого эффекта в значительной степени удалось достичь благодаря постоянной информационной поддержке через территориальную сеть центров управления регионами АНО «Диалог Регионы», сумевших максимизировать привлечение аудитории к волонтерским инициативам через госпаблики и ведущих блогеров Северного Кавказа. Сейчас эта работа выводится на новый уровень за счёт обучения специалистов информационной сферы инструментам использования искусственного интеллекта для создания и продвижения позитивного контента.

Серьёзный прорыв в вопросе финансирования инфраструктуры для реализации государственной молодёжной политики на Северном Кавказе был достигнут в 2025 г. Четыре региона СКФО — Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан и Республика Ингушетия — получили субсидии Росмолодёжи в рамках конкурса «Регион для молодых» общим объёмом порядка 560 млн руб. Большая часть этих средств будет использована для реконструкции и строительства молодёжных центров, в том числе расположенных в отдалённых муниципальных районах.

А в 2023 г. в Нальчике был открыт крупнейший на Северном Кавказе Дом молодёжи — комплекс площадью 6,5 тыс. м², оборудованный на самом современном уровне.

Создаваемая инфраструктура должна получать содержательное наполнение. Поэтому под патронажем аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО и при поддержке Фонда президентских грантов за-

пущен проект «Смыслы российского Кавказа». Его целью является выработка объединяющих смысловых конструкций, направленных на защиту российского цивилизационного кода и на их использование в мероприятиях по сохранению исторической памяти на Северном Кавказе.

В рамках этого проекта прошла серия экспертных семинаров с участием молодых специалистов гуманитарного профиля (более ста экспертов). Участники провели анализ исторических событий, фактов и личностей, символизирующих единство народов российского Кавказа и неразрывную связь этого региона с Российским государством.

Наиболее яркими примерами исторических событий, соответствующих заданным параметрам, по мнению участников экспертных семинаров, стали крупные исторические и современные военные конфликты: Первая мировая война и участие в ней сформированной на Кавказе «Дикой дивизии», Великая Отечественная война и Битва за Кавказ, Специальная военная операция. В них представители северокавказских республик вместе с другими народами России защищали общую Родину от внешнего врага.

Кроме того, были выделены исторические личности, сыгравшие наиболее значимую роль в консолидации российского Кавказа: Иван IV Грозный (правитель), А. Бекович-Черкасский (военный деятель), Г. А. Эмманюэль (военный деятель, исследователь), Имам Шамиль (религиозный, политический деятель), Хаджи-Мурат (военный деятель), А. С. Пушкин (поэт, писатель), М. Ю. Лермонтов (поэт, писатель), Б. Ф. Базоркин (военный деятель), К. Л. Хетагуров (поэт, писатель), У. Д. Алиев (общественный деятель, просветитель), Е. В. Вахтангов (режиссёр, педагог), И. А. Плиев (военный деятель), Х.-У. Д. Мамсуров (военный деятель), К. Ш. Кулиев (поэт, писатель), Р. Г. Гамзатов (поэт, писатель), М. Д. Миллионщиков (учёный), М. А. Эсамбаев (артист балета), Т. К. Мальбахов (государственный деятель), А.-Х. А. Кадыров (государственный деятель), М. Х. Манаров (космонавт).

Интересно, что проведённые в рамках проекта фокус-группы показали полное соответствие ценностных установок жителей Северо-Кавказского макрорегиона основам рос-

М.А. Эсамбаев

сийского цивилизационного кода и его ключевым векторам: Вера, Семья, Правда, Родина, Воля.

Результаты проекта «Смыслы российского Кавказа» стали базой для создания цифрового контента, ориентированного на укрепление общероссийской гражданской идентичности и защиту исторической памяти.

Сюда относится целый ряд медиапроектов, получивших поддержку Президентского фонда культурных инициатив и АНО «Институт развития интернета». Так, в 2023 г. выпущен многосерийный фильм «Битва за Кавказ: несломленный хребет», рассказывающий об одном из наиболее драматичных этапов Великой Отечественной войны — Битве за Кавказ.

На протяжении 2024–2025 гг. был создан цикл документальных фильмов «Большой Кавказ», посвящённый основным историческим событиям, определившим судьбу Северного Кавказа. В него вошли такие фильмы, как «Свадьба Ивана Грозного и Марии Темрюковны», «Персидский поход Петра I», «Георгиевский трактат», «Гюлистанский мирный договор», «Азово-Моздокская укрепленная линия», «Кавказский театр Крымской войны», «Русская литература на Кавказе», «Кавказская туземная конная дивизия» и др.

В рамках работы с конкретными целевыми группами увидели свет документальные фильмы, посвящённые народам Северного Кавказа: ногайцам, абазинам, табасаранцам, лакцам и др. В 2024 г. появилась панорамная трёхсерийная картина «Российский Кавказ: три века созидания», рассказывающая о вкладе российского государства в развитие Кавказа и защиту интересов народов этого региона в XIX, XX и XXI веках.

Для продвижения этих медиапродуктов используется практика проведения выездных показов на местных площадках с последующим обсуждением. Очень хорошо эта практика зарекомендовала себя для фильмов, посвящённых конкретным народам, проживающим в регионе. Показы, которые проводятся в местах компактного проживания соответствующих национальных групп (ногайцев,

абазин, табасаранцев и др.), всегда вызывают интерес активных граждан, хранителей национальных традиций и лидеров общественного мнения. Тем более что такие фильмы позволяют актуализировать современные достижения представителей этих народов в российском цивилизационном пространстве и по-новому взглянуть на наше общее культурное наследие.

Эффективность реализации информационных проектов всегда повышается за счет инструментов непосредственного, «живого» взаимодействия с аудиторией. Эту функцию на сегодняшний день успешно выполняет лекторская сеть Российского общества «Знание» в регионах СКФО. Начиная с 2023 г. лекторами РОЗ проводится систематическая просветительская работа, охватывающая в том числе наиболее закрытые социальные группы и труднодоступные горные районы. При этом динамика охвата аудитории в течение последних нескольких лет стабильно повышается. Если в 2023 г. просветительскими мероприятиями РОЗ в округе было охвачено 14,3 тыс. человек, то в 2025 г. этот показатель составил 140,1 тыс. человек. Рост почти в десять раз. Сейчас Российским обществом «Знание» совместно с Центром знаний «Машук» ведется разработка курса лекций по истории российского Кавказа, который будет включен в работу лекторской сети РОЗ на Северном Кавказе в 2026 г. ●

Сохранение единства народов России

Е. В. Бродовская,
доктор политических наук, профессор

Особенности российского государства-цивилизации образуют паттерн нашей общественной жизни, иными словами, одно из устоявшихся правил нашего общежития, не только глубоко непонятны представителям иных цивилизаций, особенно западного типа, но также нередко не объяснены, не подкреплены и не осмыслены элитными и массовыми группами внутри страны. Очень много вопросов в этой сфере до сих пор не получили достаточных ответов, интериоризированных, усвоенных, осмысленных и прочувствованных прежде всего молодыми поколениями россиян.

Каким образом возникло единство народов России?

Как многообразие национальностей, религий, укладов стало одним из условий обеспечения жизнестойкости российской цивилизации?

Почему единство народов — это безусловная и абсолютная ценность для каждого россиянина?

Сохраним ли мы единство народов России в условиях нарастающих вызовов и угроз?

Что мы должны сделать для сохранения нашего единства, а по большому счёту — нашей цивилизации?

С одной стороны, многие ответы содержатся в недрах русской философской мысли, яркие представители которой связывали уникальность нашего цивилизационного кода

с изначальным этническим многообразием, сформировавшимся еще на этапе союза племён и создания протогосударства. И. А. Ильин писал в своей работе «Наши задачи»:

«Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им».

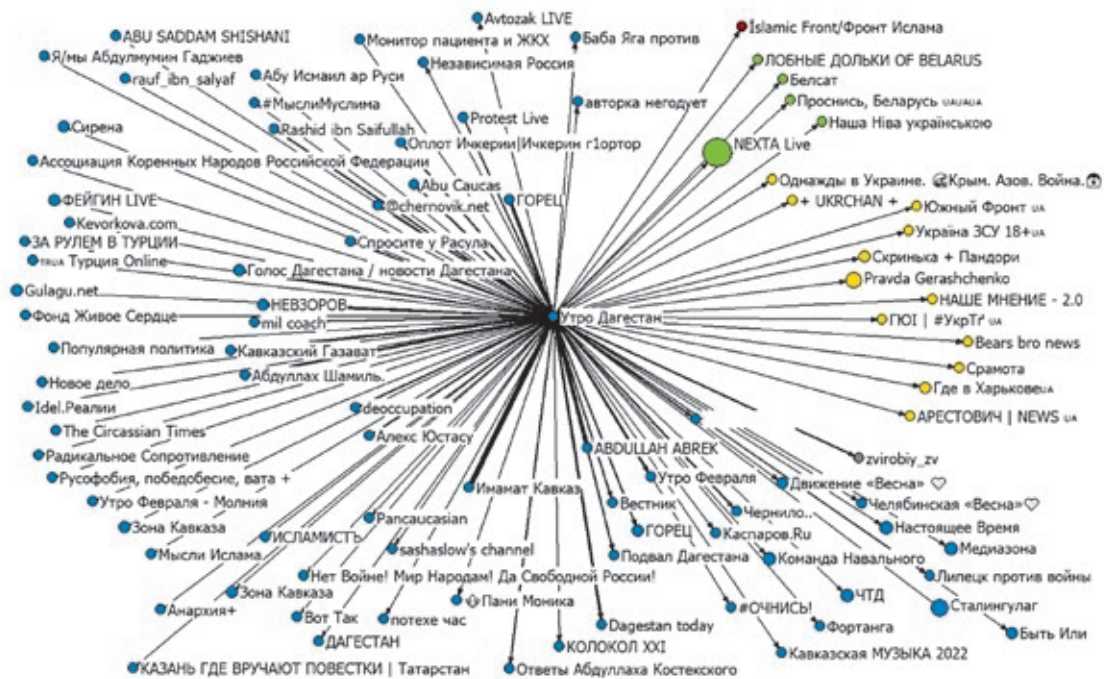
Такую особенность русских — государствообразующего этноса, — как умение понимать и принимать все другие народы в качестве фактора сохранения и расширения этнического многообразия России, в своем исследовании «От Руси к России» отмечал также Л. Н. Гумилёв:

«...и действительно, русские понимают, к примеру, европейцев гораздо лучше, чем те понимают россиян. Наши предки великолепно осознавали уникальность образа жизни тех народов, с которыми сталкивались, и потому этническое многообразие России продолжало увеличиваться».

Принципиально антиколониальный характер строительства нашего государства-цивилизации как значимого условия его жизнестойкости подчеркивал в своем фундаментальном труде «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский:

«Удел России — удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле: Македонии, Риму, арабам, монголам, государствам германо-романского мира, — а освобождать и восстанавливать...».

Наш выдающийся цивилизационист называет путь (выбор) мироустройства России

Архитектура информационного потока мобилизации политического протеста в Республике Дагестан в 2022 году («Телеграфика»)

счастливым именно потому, что отношения с различными народами, включающимися в общее пространство государственности, строились преимущественно как отношения освобождения, защиты, сохранения и развития.

В свою очередь, известнейший российский философ, социолог, писатель, фронтовик А. А. Зиновьев в исследовании «Запад. Феномен западнизма» обозначал ограбление народов как своего рода цель западной цивилизации:

«Западная цивилизация сложилась фактически как «надстройка» над прочим человечеством, эксплуатирующая последнее как зону (среду) своего существования».

Именно здесь кроется фундаментальная противопоставленность систем жизненных координат двух типов цивилизаций — западной и русской: ограбление и эксплуатация vs освобождение, защита и развитие.

Углубление этого противоречия и обострение противоборства этих противопоставленных систем А. С. Панарин в своей работе «Стратегия России» объяснил следующим образом:

«Случилось так, что Россия стала единственным исключением из этого «правила». Это единственная «незападная» страна, которая так и не стала колонией Запада. И это

исторический факт, который не вписывается в программу Запада. Когда обрушился коммунизм, мы ожидали, что Россия будет принята с распростёртыми объятиями. Но сегодня мы видим, что Россия вновь стала главным объектом западной агрессии».

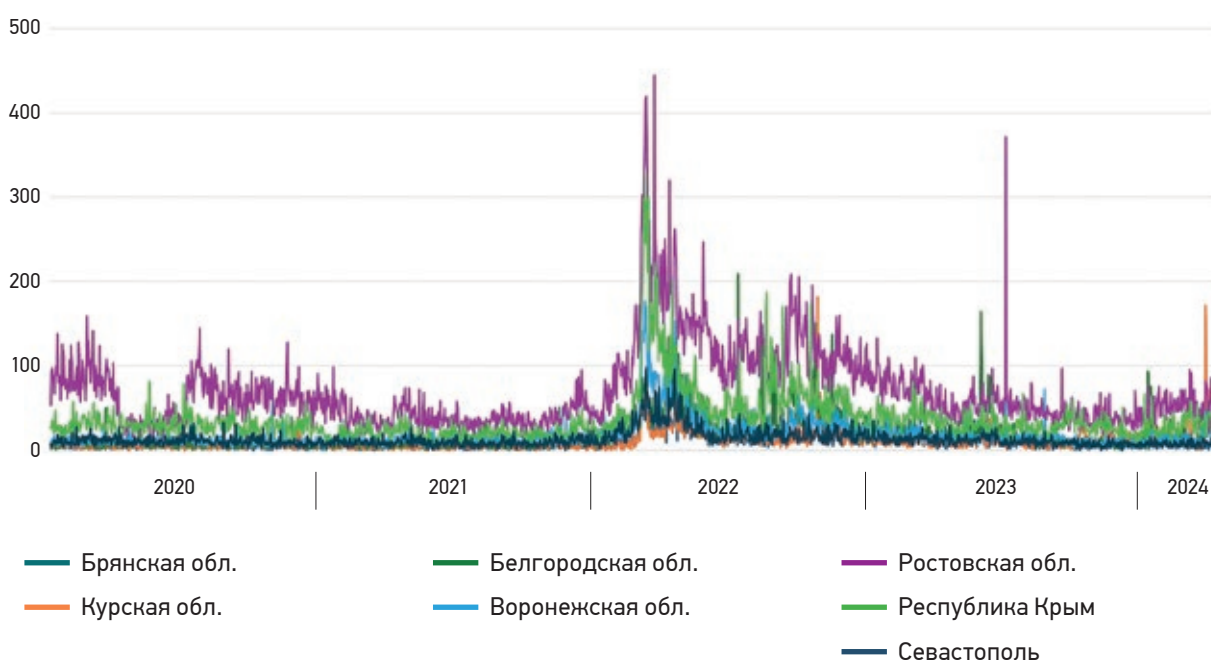
С другой стороны, признавая фундаментальный характер противопоставленности колониализма и антиколониализма, трудно не заметить, что обострение данных противоречий особенно усилилось на современном этапе, связанном, по сути, с крушением устоявшегося мирового порядка, хаотизацией международных отношений и отставанием институциональных изменений от различных вызовов. В дополнение к этому цифровая эпоха, словно увеличительное стекло, позволяет фиксировать все особенности информационных операций, атак и фонового внешнего давления на суверенные государства и их национальные интернет-аудитории.

Очевидно, что сегодня усилия западных информационных машин направлены на регулярное торпедирование темы единства народов России.

Действительно, российские специалисты в сфере предиктивной социально-медийной

Регионы-мишени внешнего информационного давления на российскую молодёжь в 2023 году

Информационные волны внешнего давления на жителей приграничных регионов до и после начала специальной военной операции (2020–2024 гг.)

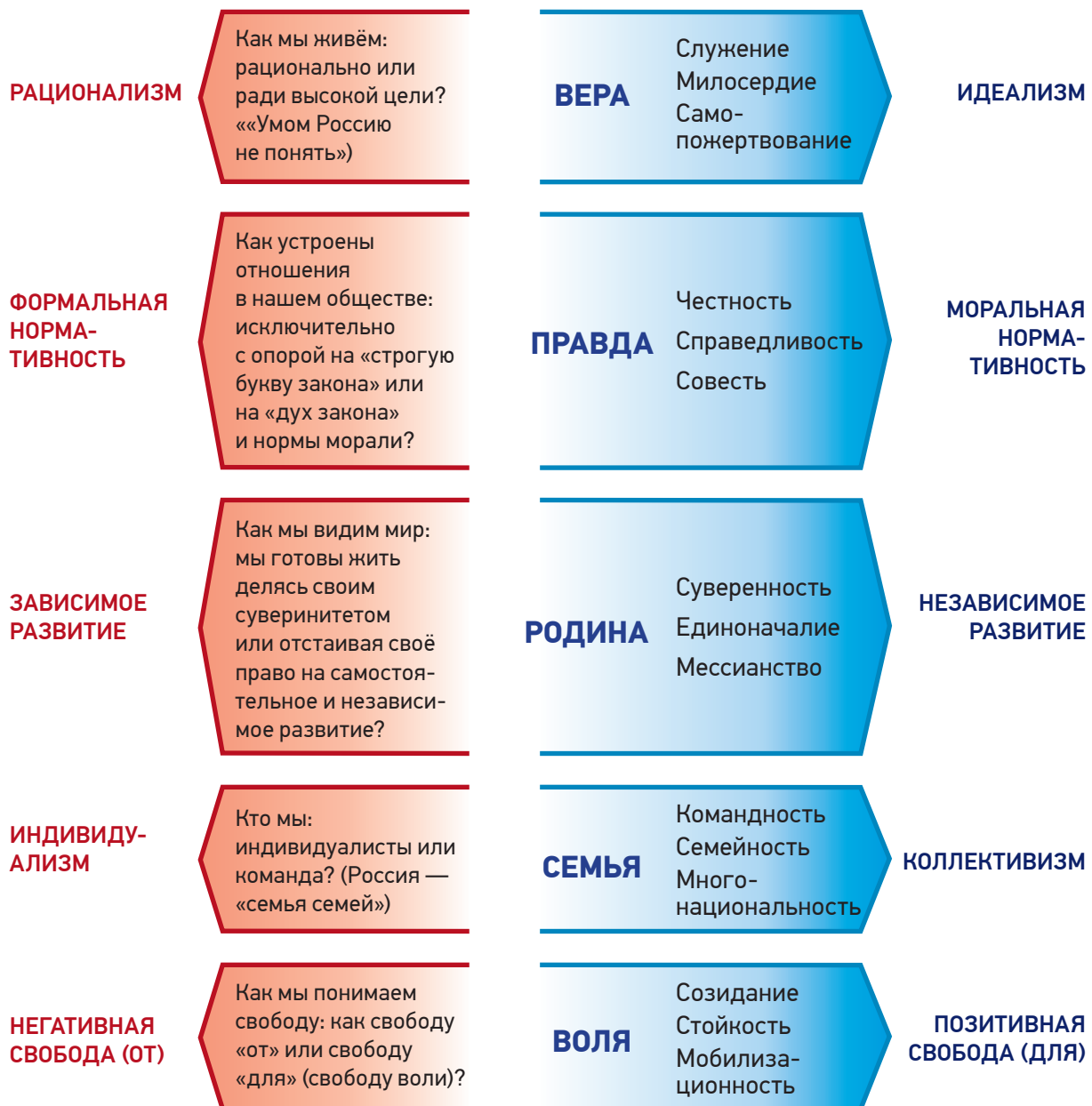
аналитики, работающие с цифровыми следами, информационными потоками и сетевыми инфраструктурами в интернет-пространстве, неоднократно фиксировали деструктивные попытки внешних акторов «взломать» межнациональный и межрелигиозный мир в России.

Одним из ярких кейсов указанных процессов являются события в Республике Дагестан в сентябре 2022 года: шесть месяцев деструк-

тивной целенаправленной работы внешних акторов, 5 млрд рублей (оценочное суждение) и цифровая инфраструктура, управляемая одним из каналов в мессенджере Telegram, стали решающими инструментами конвертации негативных настроений в неконвенционный протест в этот период.

Необходимо отметить, что тема межнационального мира и согласия находится на острие

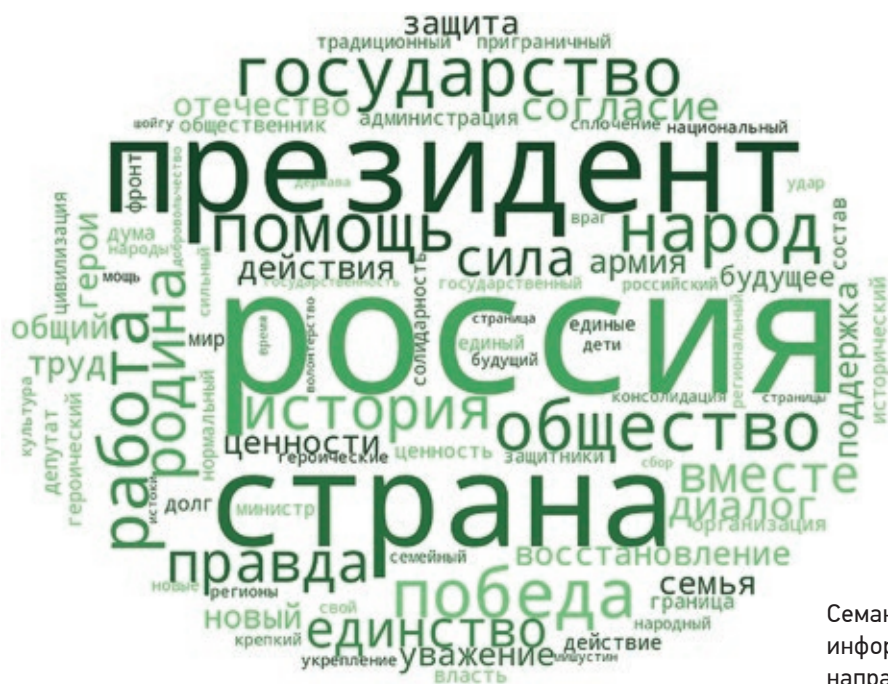
Когнитивные различия Россия – Запад

атаки масштабных, технологичных, таргетированных, то есть адресно направленных конкретным аудиториям и социальным группам в Интернете, информационных потоков, устремлённых прежде всего на крупные городские агломерации и национальные республики, в первую очередь сложные и многосоставные по этническому составу, например, такие как Дагестан. Более того, в 2023 году исследователями был зафиксирован рост числа субъектов Федерации, испытывающих на себе ин-

тенсивное влияние информационных потоков внешнего давления, зачастую выбирающих в качестве своего рода мишени прежде всего российскую молодёжь.

Безусловно, ещё одним заметным направлением внешнего информационного давления, построенного вокруг темы межнациональных отношений в последние годы в условиях проведения специальной военной операции, является приграничье с Украиной. Приграничные регионы испытывают нара-

Семантическое ядро информационного потока, направленного на солидаризацию русского общества (2024 г.)

тающее информационное давление волнами. Число таких масштабных волнообразных психологических атак может достигать десятка за один месяц. Жители приграничья, и в особенности воссоединившихся с Россией регионов, не понаслышке знают о фейковой информации, агрессивных и эмоциональных материалах и откровенных информационных вбросах в социальных сетях и мессенджерах, часто нацеленных на разжигание межнациональной и межрелигиозной розни.

Вместе с тем возникает резонный вопрос о том, что позволяет России в условиях сложных вызовов и угроз сохранять единство народов, а значит, обеспечивать воспроизводство государства-цивилизации?

Во-первых, российский цивилизационный код, детально описанный в работах и выступлениях А. Д. Харичева, воплощен в известной формуле: Россия — это «семья семей». По его мнению, в центре российской системы ценностей стоит семья; коллективные интересы превалируют над индивидуальными, а основными характеристиками выступают командность, семейность и многонациональность.

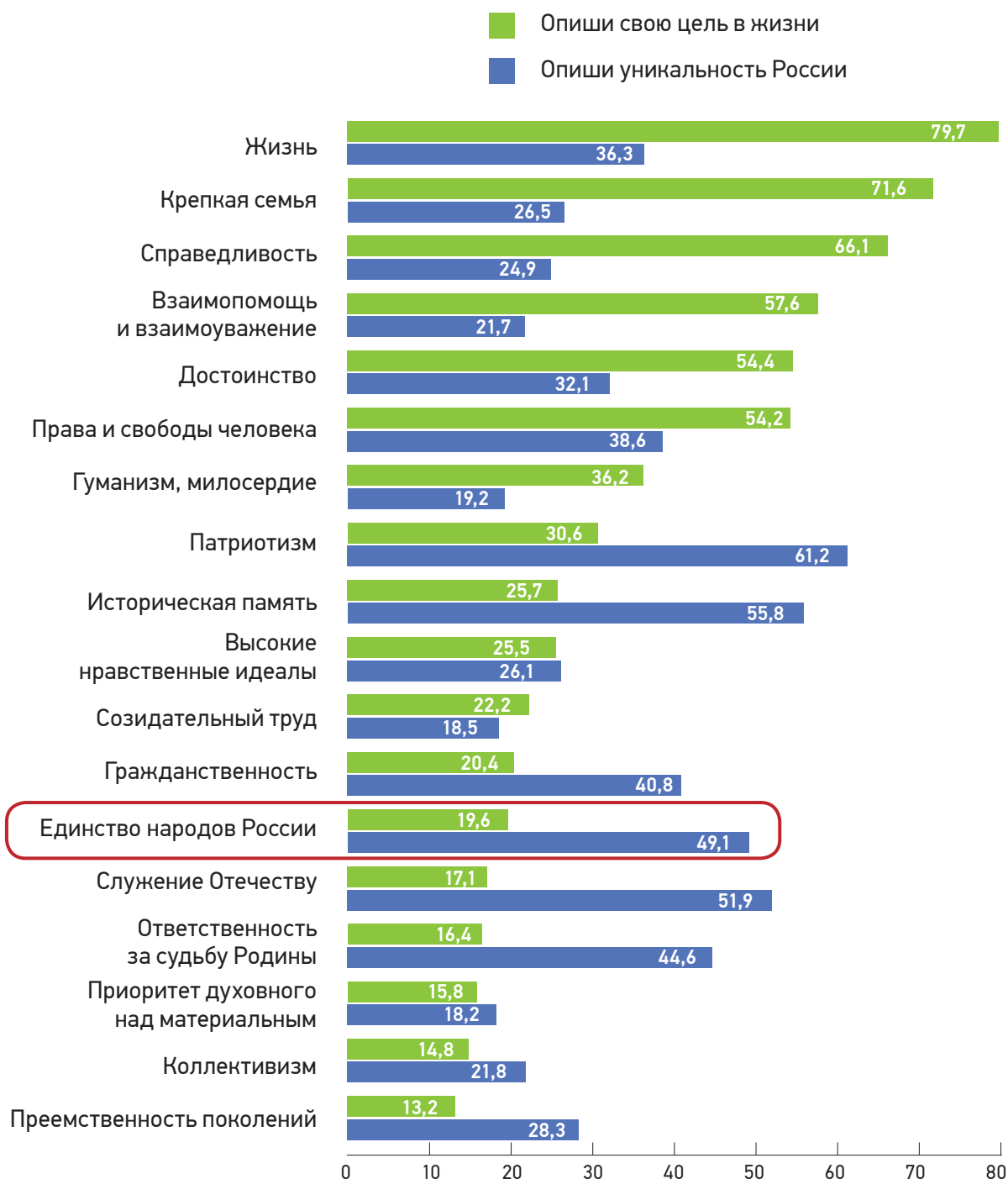
Во-вторых, особенности солидаризации русского общества наиболее прочно скрепляют социальную ткань именно в условиях нарастающих угроз. Наши оппоненты назы-

вают эту российскую специфику «сознанием осажденной крепости», мы же называем ее особым «геном солидаризации», природа которого глубоко описана классиками русской философской мысли.

В-третьих, социологи и политологи фиксируют все большую проявленность ценностей межнационального и межрелигиозного мира и согласия в системе ценностных приоритетов различных поколений и, что крайне важно, в системе жизненных координат молодежи. Половина представителей молодежи оценивает уникальность России именно через призму единства народов — гармоничных межнациональных и межрелигиозных отношений внутри страны. Важно и то, что пятая часть молодежи видит цель собственной жизни в обеспечении такого согласия. Следовательно, единство народов как составная часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей воспринимается значительной частью молодежи как личный ориентир развития, на который нужно опираться и которому нужно следовать.

В-четвертых, существенную роль в укреплении гражданской идентичности, передаче цивилизационного кода будущим поколениям играет государственная ценностная политика, ключевым инструментом которой в системе высшего образования является ми-

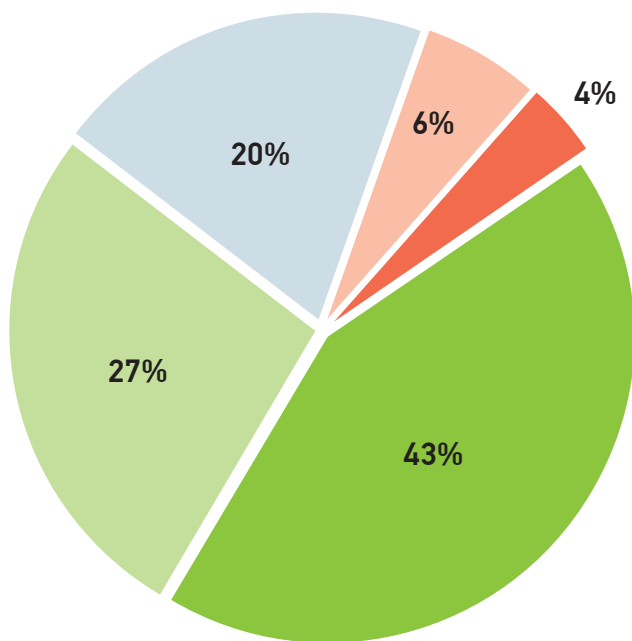
Цель жизни и уникальность России

Единство народов России в системе ценностных приоритетов молодежи (2025 г.)

ровоззренческий курс «Основы российской государственности». Тема единства народов России является приоритетным элементом данного учебного курса. Спустя два года после его запуска во всех отечественных университетах можно с уверенностью утверждать, что он стал полноценной частью на-

циональной системы высшего образования, важной составляющей мировоззренческого просвещения и политической социализации студентов. По результатам последних опросов, проводимых среди студенческой молодежи различных направлений подготовки, более 70 % студентов поддерживают введе-

«Как Вы считаете, решение о введении учебного курса «Основы российской государственности» в вузах является правильным?», в % (2024/25 уч. год)

- Абсолютно правильное
- Скорее правильное
- Трудно сказать, в чем-то правильное, в чем-то нет
- Скорее неправильное
- Абсолютно неправильное

ние курса и считают данное решение правильным в той или иной степени. Исследователи фиксируют постепенное разрушение стереотипов и предрассудков о курсе, закладываемых внешними акторами среди молодежи еще до начала обучения в вузе, а также отсутствие радикальных отклонений в оценках между студентами различных направлений подготовки.

В-пятых, важны усилия педагогического сообщества по формированию культуры межнационального и межрелигиозного согласия у будущих учителей. Решение этой задачи требует совершенствования практик развития образовательных, воспитательных и информационных сред, и в этом направлении также можно отметить позитивные шаги. Согласно исследованию 2025 года, в абсолютном большинстве педагогических вузов и ссузов проводятся образовательные, культурные, спортивные и иные мероприятия, направленные на формирование культуры межнационального и межрелигиозного мира и согласия у обучающихся. Значительная часть таких мероприятий проводится на регулярной основе. В вопросе подготовки будущих педагогов важно применять существующие наработки и переходить от тематических мероприятий к долгосрочным проектам и программам, конечной целью которых является укрепление среди будущих учителя-

лей общероссийской гражданской идентичности, укоренение у них ценности единства народов России и развитие навыков формирования межнационального и межрелигиозного согласия в образовательной среде. Важным инструментом работы с подобными мероприятиями и проектами являются интерактивные карты — базы данных, которые совмещают в себе средства мониторинга, контроля и обмена опытом между образовательными организациями.

Вопрос о сохранении и укреплении единства народов России вечен и фундаментален. Он всегда будет в центре мировоззренческого противоборства между Россией и её геополитическими оппонентами. Этот вопрос является своеобразным маркером, позволяющим максимально оперативно определить состояние гражданской идентичности, укоренённость цивилизационного кода, уверенность в будущем страны.

2026 год для нас — это время уточнения управленческой оптики, фокусирования усилий социальных архитекторов, консолидации всего общества, усиленного интеллектуального поиска учёных и педагогов, реализации больших общенациональных проектов и малых инициативных дел, наполняющих идею единства народов конкретным содержанием, энергией созидания, атмосферой взаимного уважения и братства. ●

Два полюса цивилизационной устойчивости

Г. Ю. Дашинимаев,
аспирант кафедры философии
Бурятского государственного университета
им. Д. Банзарова

А. Г. Минигулов,
философ-исследователь

На протяжении евразийской истории развитие крупных цивилизаций определялось не столько противостоянием, сколько взаимодействием двух фундаментальных моделей организации общества — оседлой и кочевой. Эти модели выражают разные стратегии отношения к пространству и времени, к власти и памяти, к стабильности и переменам.

Оседлые общества — земледельческие, городские, институционально устойчивые — стремятся к фиксации: закреплению границ, накоплению знаний, сохранению традиций. Их сила — в устойчивости, предсказуемости, способности передавать опыт через письменность, законы и архитектуру. Город в этом смысле — не просто поселение, а инструмент борьбы со временем: попытка остановить его течение в стенах, архивах и ритуалах (Бродель Ф. «Материальная цивилизация, экономика и капитализм»).

Кочевые общества, напротив, ориентированы на подвижность и адаптацию. Их сила — в скорости, гибкости, способности к мобилизации без жёсткой инфраструктуры. Они не строят городов, но осваивают пространства; не накапливают имущество, но сохраняют свободу манёвра. Однако без устойчивых структур кочевое начало рискует выродиться в хаос, фрагментацию и неспособность к долгосрочному управлению (Ибн Хальдун. «Мукаддима»).

Оседлость и кочевничество воплощают два метафизических принципа — сжатие и расширение, вдох и выдох Брахмы, центростремительную и центробежную силы, стабильность и изменение. Они не исключают друг друга. Напротив, исторически устойчивые цивилизации возникали именно там, где удавалось синтезировать оба начала.

Самый ранний мифологический образ этого синтеза — и его трагического разрыва — содержится в библейской истории о Каине и Авеле. Каин, земледелец, строит город и остаётся на земле; Авель, пастух, живёт в движении. Убийство Авеля — не просто моральная притча, а символ подавления кочевого начала оседлым, что впоследствии неоднократно повторялось в истории. Однако ни один из этих принципов в чистом виде не обеспечивает долгосрочной жизнеспособности. Устойчивость рождается в балансе.

Лес и поле — метафора синтеза двух противоположных, но взаимодополняющих принципов. Их встреча, столкновение и борьба порождают обмен дарами, символами и смыслами, лежащими в самой основе цивилизации (Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь). Именно такой синтез создаёт троичную структуру — не просто бинарное противостояние «одно против другого», а возникновение третьего, более высокого уровня бытия, в котором противоположности не уничтожают, а взаимно обогащают друг друга.

Одним из наиболее ярких исторических воплощений этой недвойственности стала Россия. Её исторический путь — не просто череда завоеваний или «расширение ради расширения». Это изначально осознанная, а позже инстинктивно унаследованная стратегия сочетания кочевого импульса с оседлой структурой.

В XIII–XV веках русские земли находились под властью Улуса Джучи — одной из кочевых империй своего времени. От неё русские князья переняли не только систему налогообложения и военную тактику, но и идею единой власти и вертикали подчинения. Уже на этом этапе оформился дуализм: кочевая политическая логика и оседлая религиозно-культурная идентичность.

В XVI веке, после падения Казанского и Астраханского ханств, а затем присоединения Сибири, Россия начала масштабную экспансию на Восток. Эта экспансия принципиально отличалась от европейской колонизации. Не было крупных армий, не возводились форты в европейском стиле. Вместо этого огромные пространства осваивали небольшие, высокоподвижные и самоорганизованные группы — казаки, промышленники, служилые люди, напоминавшие кочевые формирования.

Они не стремились сразу «государственничать» — они осваивали пространство, заключали договоры с местными народами, ставили остроги и собирали ясак. Это был кочевой способ освоения — лёгкий, гибкий, адаптивный.

Но в отличие от чистых кочевников, Россия сразу же фиксировала достигнутое. За авангардом следовали воеводы, писцы, священники, переселенцы. Остроги превращались в города, ясак — в налоговую систему, устные договоры — в письменные указы. К XVII–XVIII векам в Сибири уже существовала развитая административная сеть, картография, церковная иерархия. Таким образом, расширение происходило по кочевой логике, а консолидация — по оседлой (Трубецкой Н. С. «Наследие Чингисхана»).

Культурно Россия также отражает эту двойственность. С одной стороны — православие, патриархальность, общинность, земля как святыня; с другой — казачество, странничество, бегство в «иную землю», культ свободы и горизонта. Эти полюсы не отменяют друг друга, а сосуществуют в напряжённом, но продуктивном балансе.

Особое место в этом синтезе занимает казачество — не просто военное сословие, а цивилизационный феномен, возникший именно на стыке оседлого и кочевого миров. Каза-

ки вели оседлый быт: пахали землю, строили станицы и курени, соблюдали православные обряды. Но одновременно они жили по законам степи — с высокой мобильностью, выборностью власти, воинским братством, культом личной свободы и традицией постоянных походов. Казачество стало живой плотью того самого «края», где лес встречается с полем: оно не было ни чисто оседлым, ни чисто кочевым, но именно в этом «третьем состоянии» обрело свою историческую силу и миссию — быть авангардом цивилизации на границе хаоса и порядка.

Именно эта способность к внутреннему синтезу позволила России сохранить целостность как цивилизации в условиях колоссального географического размаха, этнического многообразия и постоянных внешних угроз. Российская империя сумела интегрировать кочевые народы, предоставив им автономию в рамках единой политической системы — без полного стирания их идентичности. Татары, башкиры, калмыки, буряты, якуты — все они стали частью единой структуры, сохранив при этом языки, обычаи и верования. Это была не толерантность в современном смысле, а признание единого источника власти при множественности форм.

Стоит также сказать о русском языке как о языке евразийского синтеза. Русский язык неизбежно является онтологическим пространством, в котором встречаются и соотносятся разные формы бытия. В логике евразийского синтеза русский язык выступает не только как язык одной культуры, но и как форма фиксации и артикуляции смысла, как оседлый принцип, придающий устойчивость потоку кочевого опыта. Он способен связывать разрозненные миры, превращать движение в структуру, а импульс — в форму.

Подлинный симбиоз языков возникает не там, где один язык поглощает другие, и не там, где они изолируются друг от друга, а там, где между ними возникает поле напряжения — своего рода «край», в котором оседлое и кочевое, фиксированное и подвижное, письменное и устное вступают в непрерывный обмен. Русский язык в такой системе может быть не центром и не вершиной, а осью — не властью над смыслом, а его проводником.

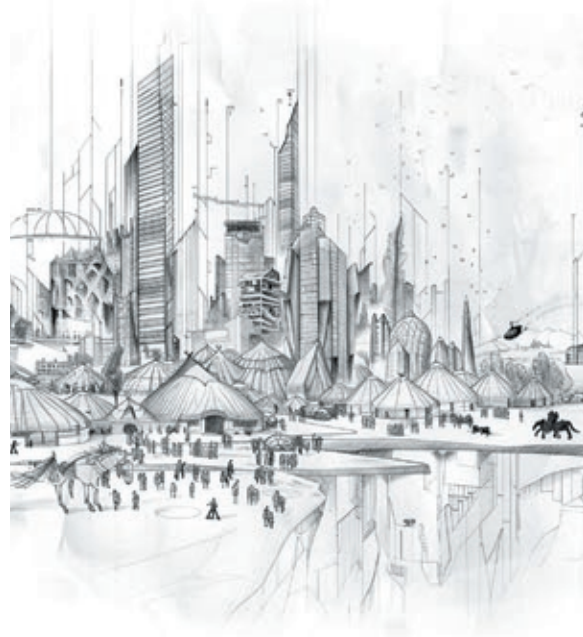
Подобный паттерн встречается и в других цивилизациях. Арабский халифат возник на энергии кочевых бедуинов, но устойчивость ему обеспечила оседлая бюрократия Византии и Сасанидов, а также городская культура Дамаска и Багдада. Османская империя выросла из племён огузов, но её мощь опиралась на византийское наследие, исламское право и сложную систему управления многоэтнической территорией. В Китае династии, пришедшие с севера, сохраняли военную мобильность, но легитимизировали власть через конфуцианскую идеологию и имперскую бюрократию. В Индии дуализм Вишну (сохранение) и Шивы (трансформация) создал культурный механизм, позволявший впитывать внешние влияния без распада (Данилевский Н. Я. «Россия и Европа»).

Во всех этих случаях успех определялся не «победой» одной модели над другой, а способностью интегрировать оба принципа.

Цивилизационная жизнеспособность — это не результат монолитного порядка и не плод хаотической свободы. Она возникает там, где удаётся удержать напряжённое, но плодотворное равновесие между двумя первоначалами: оседлостью и кочевничеством, формой и движением, стабильностью и трансформацией. Однако подлинная устойчивость достигается не в балансе двух полюсов, а в рождении третьего — пространства синтеза, где противоположности не уничтожают друг друга, а порождают новое качество бытия. Этот третий принцип — не компромисс и не среднее арифметическое, а диалектическое преодоление бинарности, рождение «и-и» вместо «или-или».

Именно такая троичная структура лежит в основе самых долгоживущих цивилизаций. В ней оседлый город не противостоит степи — он вступает с ней в диалог. Письменность не вытесняет устную традицию — она её архивирует. Закон не подавляет правду — он её формализует. Так возникает система, способная одновременно сохранять и обновлять, фиксировать и трансформировать, защищать и расширять.

Сегодняшний глобальный кризис — в значительной мере кризис бинарного мышления. Запад, доведший до абсолюта логику формализации, стандартизации и институцио-

нальной закрытости, оказался уязвим перед вызовами, требующими не контроля, а адаптации. Цифровая «оседлость», основанная на алгоритмах, данных и правовых конструкциях, сталкивается с реальностью, в которой доминируют миграционные потоки, технологические разломы и культурная дезориентация — явления, по своей природе «кочевые», неуловимые, не поддающиеся жёсткой регламентации.

Напротив, цивилизации, сохранившие память о своём внутреннем дуализме — Россия, Китай, Индия, — продолжают опираться на не двойственную онтологию: они умеют одновременно строить города и покорять пространства, хранить каноны и осваивать новое, уважать иерархию и допускать внутреннюю множественность.

Таким образом, будущее принадлежит не тем, кто сумеет «окончательно победить» хаос, а тем, кто научится в нём жить — не растворяясь в нём и не подавляя его, а превращая его в ресурс обновления. Цивилизационная гибкость, способность к диалогу между лесом и полем, между Каином и Авелем, между формой и движением — вот истинный источник долгосрочной устойчивости в мире, который больше не подчиняется старым логикам. И в этом смысле урок евразийской истории оказывается не просто историческим, но пророческим. ●

Школы национализма

И. Ю. Демин,
кандидат политических наук

Часть 1. Предпосылки

«Все будут личиками приятно-смуглявые и все одинаковые. Я и об этом иной раз ночами думаю...»

(М. А. Шолохов, «Поднятая целина»).

Распад многонационального государства начинается с распространения идей национализма титульного этноса. Оскар Яси, венгр по происхождению, убедительно показал этот путь в своем труде «Распад Габсбургской монархии». Он оттолкнулся от теории «служилого народа» — тогдашних австрийцев, занимавших чиновничьи и военные должности и вдруг пропитавшихся иде-

ей своего этнического превосходства на фоне омадьяривания городов на территории Венгерского королевства (до этого преимущественно немецких) и в ответ на периферийный национализм входивших в империю славянских народов (от чехов и поляков до сербов и хорватов). Как результат — крушение Остеррайха в 1918 году с дальнейшим порождением Гитлера. Последний преуспел в Германии, которая, несмотря на поражение в Первой мировой войне, не дезинтегрировалась, так как была к тому времени настолько мононациональной, что даже развязала через некоторое время охоту на этнические меньшинства.

А вот распаду Османской империи также способствовал турецкий национализм, возникший, как и в Австро-Венгрии, еще до начала Первой мировой войны. И появившееся в 1923 году государство младотурок начало с глобального этнического переселения греков

и армян со своих территорий в ответ на приём беженцев из числа представителей бывшей правящей нации. А еще были албанцы, курды, арабы...

Деление же Российской империи не состоялось. После получения независимости Финляндией и Польшей, которые до войны и революции существовали уже как отдельные административные единицы, и обретения суверенитета прибалтийскими территориями (в основном благодаря походу Н. Н. Юденича на Петроград), В. И. Ленин и И. В. Сталин приступили к созданию СССР. В глазах вождей пролетарский интернационализм не выдержал испытания «петлюровщиной» и был заменён насаждаемым из Москвы национал-коммунизмом или, как тогда говорили, политикой коренизации.

Дезинтеграция бывшей империи была остановлена за счёт форсированного создания новых наций и дискриминации русскоязычных граждан страны. Русским пролетариям, принёсшим «национальное освобождение» на эти территории и высказывавшим своё недовольство, силами ВЧК–ОГПУ была объявлена нетерпимость как «великодержавным шовинистам» (по определению Ленина). Кстати, наиболее преуспели в этом на Украине, в Казахстане и на Северном Кавказе. На занятие любой должности (в том числе в мастерских, не говоря уже об административном аппарате) могли претендовать только «этнически проверенные» кадры. В городах сокращения подлежали преимущественно русскоязычные специалисты. В сельской местности на Украине русские деревни переписывали как украинские с требованием изучения «родного языка» в школах, а в Казахстане практиковали отселение целых русских сёл за административную границу, в РСФСР. Это продолжалось около десяти лет и закончилось для этих территорий катастрофой — страшным голодом, который фактически и организовали выдвинутые из низов и по большей части малограмотные, зато с готовностью выполнявшие и перевыполнявшие директивы по хлебозаготовкам «национальные кадры». Послабление началось только с развёртыванием индустриализации: техника требовала глубокого знания русского языка. Впрочем, как и армия, в которой были ликвидированы национальные части.

Существование империи под вывеской СССР пережило не только внешнюю интервенцию, но и националистическую борьбу с оружием в руках — от басмачей до «лесных братьев» — и начало давать трещины лишь спустя десятилетия, с появлением в конце 1980-х годов русского националистического движения.

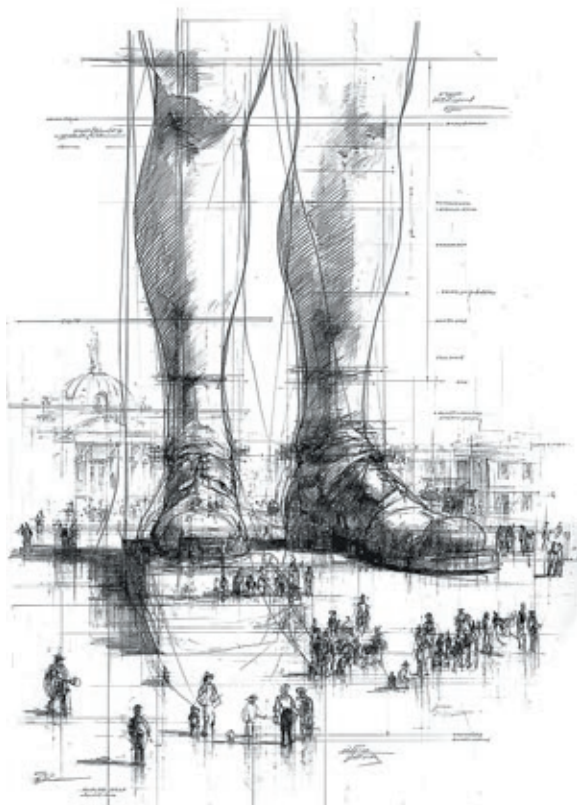
В качестве начала: под эгидой борьбы с пьянством академик АМН Ф. Г. Углов стал выступать с публичными лекциями о «спаивании русского народа».

В намеренном геноциде советских граждан (водку прозвали «геноцидовкой») Углов обвинял ЦРУ США, сионистов и империалистическую агентуру. Провал антиалкогольной кампании 1986 года он объяснял сговором бюрократии и «этнических нерусских» (евреев) в СМИ, противостоящих идее трезвости русского народа (этот тренд будет долго сохраняться в русском национализме как универсальное объяснение).

Для Углова и его последователей антиалкоголизм*, по выражению американского политолога Вальтера Лакера, — это «новая религия со значительной примесью крайне правых элементов». Тогда были созданы общественные объединения соответствующего характера (от «Союза борьбы за народную трезвость» до «Памяти»), но массового распространения они не получили и были сметены В. В. Жириновским. Его театральная национализм спустя три года позволил ЛДПР занять первое место по партийным спискам при голосовании в Государственную думу в 1993 году.

Проявились среди националистов и язычники во главе с В. Н. Емельяновым, по мнению которых православие навязали русским «сионисты из Византии», чтобы было проще держать народ в повиновении.

* *Примечание: стоит заметить, что мне, тогда еще студенту, проходившему трудовую практику, удалось с несколькими коллегами с завода им. Хруничева посетить такую лекцию. Впечатление от услышанного — о геноциде русских, начиная с нефира для грудничков и заканчивая настойкой календулы для бездомных, — было очень сильным. Выйдя группой из ДК Горбунова, мы тут же решили пойти обсудить это и, конечно, выпить, хотя до лекции таких намерений не было.*

Тогда же началось создание Компартии РСФСР. Фактически всё руководство этой партии состояло из «паркетных националистов». Вспомним, что за аналогичные инициативы в конце 1940-х годов были расстреляны видные партийные деятели по так называемому «Ленинградскому делу». По мнению И. В. Сталина, руководившего СССР, в 1949 году создание такой компартии грозило обострением борьбы за власть и развалом страны.

Но 19 июня 1990 года такая партия была создана. Съезд народных депутатов РСФСР, состоявший большей частью из членов КПСС, проживавших в РСФСР, за неделю до этого 907 голосами «за» при 13 «против» и 9 воздержавшихся проголосовал за суверенитет России. На следующий год, как и предупреждал Сталин, Советский Союз перестал существовать.

В эти годы западная пропаганда в основном работала на дезинтеграцию всего построенного под эгидой СССР. В каждой стране, отколовшейся от Варшавского договора, создавались музеи тоталитаризма с филиалами по всей их территории и многочисленными исследовательскими грантами на эту тему. В республиках, входивших в состав СССР, аналогичным образом создавались музеи оккупации. Во всём оказались виноваты русские,

права которых и собиралась защищать КПРФ, но в результате действий своих руководителей она сдала Россию.

Для превращения страны «победившего социализма» в колонию использовались старые английские рецепты, выработанные для управления Индией, которая к началу британской оккупации состояла из нескольких сотен самостоятельных княжеств. Макс Бут в работе «Борьба за трансформацию военной сферы» утверждает, что до 1931 года империя удерживала под своим контролем более чем 300-миллионное население Индии силами присланного из Британии 60-тысячного полицейского и воинского контингента. Также применялся столетний опыт опиумной оккупации и унижения Китая, с которыми покончил лишь Мао Цзэдун. Русский национализм как метод дезинтеграции оказался на периферии политики англосаксов, убеждённых в эффективности своего метода «разделяй и властвуй».

Видя, что происходит с СССР, и, вероятно, вспомнив лекции в Высшей партийной школе и проводя аналогию с ленинской национальной политикой, 6 августа 1990 года Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин, выступая в Казани, произнес хрестоматийную фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», добавив: «Но вы находитесь в центре России — и об этом нужно подумать». На самом деле региональные политики и в Казани, и в Уфе, и в Элисте, и в других субъектах понимали опасность дезинтеграции.

Ответный русский национализм оказался представлен, по выражению С. А. Жарикова (бывшего министра культуры в «теневом кабинете» В. В. Жириновского), весьма «угрюмыми ребятами». Они распространяли литературу конспирологического толка; наиболее популярными были сочинения Григория Климова и Генри Форда. Они навязали русскому национализму сегрегационный дискурс, занимаясь педантичным определением того, кто русский, а кто — нет, кому давать полные гражданские права в «будущем русском национальном государстве», а кому — не давать. Появившаяся газета «Завтра» пыталась облечь это в позитивные образы, но не слишком удачно. До сих пор встречаются подобные маргиналы, вычисляющие, какие генетические гаплогруппы

в составе русского народа являются «истинно русскими», а какие — нет и т. д. Во внутренней публицистике эти деятели служили удобными мишенями; англосаксы не воспринимали их всерьез, делая ставку на региональный сепаратизм. И надо заметить, что «англичанке нагадить» проверенным способом удалось на Северном Кавказе. Однако замирение в Чечне в середине 2000-х годов, а также провал попыток раскачать ситуацию в национальных республиках через религиозный или экологический факторы привели к смене русофобской доктрины.

Часть 2. Расцвет

«— Раньше!.. Раньше-то за одно погляденье на русского человека там трёшницу платили. Я вот годов десять тому назад этим самым и промышлял. Придёшь в станицу — русский, мол, я! Сейчас тебя поглядят, пощупают, подивуются и — получи три рубля! Да напоят, накормят. И живи сколько хочешь!»

Максим Горький, «Челкаш»

В середине 2000-х годов неожиданно появилось множество качественных переводных изданий, не только продвигавших националистическую повестку, очищенную от расизма и ксенофобии, но и убедительно показывавших, что весь перешедший в НАТО соцлагерь жил на дотации из СССР, а в самом Союзе на финансирование союзных республик уходило около трети доходов РСФСР.

Если в ходе борьбы с СССР использовались труды эмигрантов, для которых их родина в соответствии с требованиями нанимателей была «империей зла», то теперь гранты получали выросшие и сформировавшиеся на Западе исследователи. Их книги, предназначенные будущим русским читателям, фактически утверждали, что страна со времён Ленина — Сталина была колонией для русских.

Наибольшую популярность в националистических кругах получили работы Терри Мартина. В своей книге он сразу начинает с утверждения: «Советский Союз был первой в мире империей „положительной деятельности“. Новая революционная Россия первой из традиционных европейских многонацио-

нальных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства».

Для обеспечения максимального охвата заочную дискуссию с Терри Мартином начала Фрэнсис Хирш, утверждавшая, что сталинская политика коренизации являлась «поддерживаемым государством эволюционизмом». В этом, по её мнению, заключалось стремление поддержать и ускорить эволюцию национальных меньшинств по марксистской шкале исторического развития, трансформируя кланы и племена в национальности, а национальности — в нации.

Причём эту политику проводило ещё царское правительство! Внешне такая полемика иностранных исследователей в России выглядела как противоборство двух историографических школ: Терри Мартин защитил диссертацию в Чикагском университете под руководством одного из ведущих ревизионистов в советологии — Шейлы Фитцпатрик. В свою очередь, Хирш защитила диссертацию в Принстоне, где её руководителем был Стивен Коткин, создатель обновлённой школы советологии. Позицию Хирш подкрепляли исследования немецкого историка Йорга Баберовски, который охарактеризовал советскую национальную политику как «варварскую» версию цивилизаторской миссии империи Романовых. Со своей стороны, американец Дэвид Бранденбергер интерпретировал советскую национальную политику 1930-х годов образом, схожим с позицией Терри Мартина, утверждая, что возвращение к русским традиционным ценностям и культуре в эти годы было связано с индустриализацией: выпускать и переводить техническую документацию на десятки национальных языков было невозможно. В целом появилось несколько десятков исследований и переводов, но, что удивительно, — ни одного оригинального отечественного...

Таким образом, происходила мобилизация националистического электората — носителей как консервативных, так и социалистических и даже либеральных взглядов.

Это привело в единый оргкомитет по созданию движения националистов в 2007 году поклонника Николая II, исповедующего зороастризм, К. А. Крылова, православного «левака» Е. Н. Прилепина (псевдоним — Захар Прилепин), протеже западных элит А. А. Навального (включён в перечень террористов и экстремистов) и других. Правда, союз этот так и не состоялся.

В эти же годы был пересмотрен взгляд и на так называемый «еврейский вопрос» сквозь призму рассуждений одного из ставших популярными в России теоретиков социобиологии — бельгийца Пьера ван ден Берге, родившегося в Конго. В своих трудах он отдавал безусловный приоритет «коллективам по защите общих интересов, а не приписывающим себе общее происхождение, передаваемое по наследству». В качестве иллюстрации приводился исторический пример из Европы — резня французов фламандцами в Брюгге (1302 г.). «Фламандские повстанцы резали врагов ночью в их постелях. Чтобы случайно не убить фламандца, людей заставляли повторить слова „Schild en Vriend“ („щит и друг“), содержащие звуки, практически произносимые для франкофона. Этот тест на родственник отбор имел эффективность более 99%, и никакой тест на физические черты не сравнился бы с этим тестом в надёжности».

Несколько позже внимание аудитории завладели труды Йорама Хазони, теоретика сионизма и уроженца Израиля, издавшего несколько книг, посвящённых популяризации национализма.

Кроме того, через СМИ, освещающие события на Ближнем Востоке, и Голливуд произошла трансформация образа народа ростовщиков и торгашей, учёных и музыкантов, ставших жертвами Холокоста, в образ агрессивных и успешных бойцов за независимость Израиля в многомиллионном арабском окружении.

Подоспела и переводная литература (например, работы американского историка Ю. Слёзкина), объяснившая феномен советского антисемитизма. Как оказалось, исход евреев из Европы после Первой мировой войны и революций шёл в трёх направлениях: в Америку — из соображений личного благополучия, в Палестину — по сионистским убеждениям и в СССР — для строительства «страны счастья для всех». В последнем образованные и плохо владевшие русским языком поклонники социализма легко занимали места в бюрократическом аппарате вместо белоэмигрантов и прочих «контрреволюционеров». При строительстве аппаратов союзных республик их не рассматривали как русских, поэтому они укрепились и там. А в конце

1930-х эти люди попали под каток репрессий по логике борьбы за власть, составив большой процент среди пострадавших из-за занимаемых должностей. В позднем же СССР антисемитизм стал реакцией на возможность отъезда из «лагеря социализма» через родственные связи.

Также «выяснилось», что основные еврейские погромы в имперский период случались вне территории современной России, а выкресты пользовались уважением в «Чёрной сотне» и «Союзе русского народа». Оказалось, что сам Христос был наполовину иудеем, а главными центрами антисемитизма в империи были Польша, Украина и Финляндия, запрещавшая въезд евреям под любым предлогом. Как следствие, в новую волну русского националистического движения вошли интеллектуалы еврейского происхождения.

Главными врагами появившихся «национал-младомодернистов» становятся государство и его бюрократия, начиная с Петра I и до сегодняшнего дня. По их мнению, почерпнутому из тех же западных источников, окраины всегда существовали за счет сил русского народа (византийская модель), а в современной России в отношении русских выстроен внутренний колониализм, продолжающий вывозить получаемые капиталы на Запад. Русский национализм, как следовало из их выводов, — это национализм национально-освободительный. А главная идея нового русского национализма — отступление от имперских канонов и строительство «национального» государства на месте многовековой Российской империи. Они критикуют нынешнюю Российскую Федерацию за её идеологию «многонациональности» (на их жаргоне — «нам опять многонационалку впаривают») и отказ от признания России национальным государством и родиной русского народа.

Конечно, случаи «крышевания» правоохранительными органами криминальных этнических группировок, приведшие к беспорядкам в Кондопоге, на Манежной площади и под Екатеринбургом, провоцировали активность националистов. Все случаи преступлений мигрантов активно освещались в соответствующих СМИ. Шла консолидация и во круг оргкомитетов «Русских маршей».

Часть 3. Закат

«...не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»

Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя»

Всё это время возникший модернизированный русский национализм подпитывался «украинством». Наиболее благодатной почвой стали украинские исторические фейки. С момента обретения независимости «украинство» определяет себя как «антирусность», фактически конкурируя за один и тот же человеческий ресурс. По мнению новых националистов, «украинство» — это русофобская политическая доктрина, а не этничность, придуманная в XIX веке в Вене и созданная в XX веке Лениным и Сталиным. Отсюда националисты делают вывод: нет никаких братских народов, а есть две идеологии в одном этнокультурном пространстве, и поэтому любые государственные договоры между Москвой и Киевом невозможны — необходимо вести борьбу до полного уничтожения Украины.

Но среди этих «младорусских» (само наименование — по типу младотурок) было немало тех, кого восхищала сама политика украинизации и запрета русского языка. Они считали, что в Киеве на практике реализуется модель русского национального государства, которой так боятся власти в Москве. Превратившись в «укроплагиаторов», они неожиданно для многих через несколько лет оказались в рядах вооружённых сторонников киевского режима.

Не остались в стороне и старопатриоты (имперцы-евразийцы), вступив в причудливый союз против «укроплагиаторов» с либералами-западниками. В качестве одного из организаторов в 2011 году отметился С. А. Белковский (включён в реестр иностранных агентов), строивший концепцию на том, что русским мешают стать частью Запада бюрократический аппарат и национал-коррупционеры. При этом руководство страны, начиная с Петра I, было главным революционером и европейцем, а вот народ вороват и недисци-

плинирован. И его надо воспитывать жёстким исполнением законов (говоря по-простому: «бить надо эту ленивую азиатскую скотину»).

Мог ли этот политический бульон развалить Россию? В реальности националистические организации продолжали оставаться немногочисленными клубами единомышленников без серьёзных социальных связей. Как написал один из членов оргкомитета так и не созданной национал-демократической партии: «...в сознании националистических вождей воля к власти полностью затмила волю к истине. Они не хотели думать о социально-политических механизмах реализации своих программ, о том, на какую социальную базу будут опираться (туманно предполагалось, что это „средний класс“), надеясь, что волна народного возмущения поднимет их на свой гребень и внесёт если не в Кремль, то уж по крайней мере в Думу».

Однако если судить по активности получения финансирования Навальным (включён в перечень террористов и экстремистов), сосредоточившимся из всей программы националистов в публичном поле на борьбе с государством, западные стратеги видели перспективы. Во всяком случае, судя по количеству молодёжи и подростков, ходивших на митинги, потенциал для того, чтобы пустить большую кровь, как в 1918 году, и грозить дезинтеграцией страны, был. Вот как сам Навальный (включён в перечень террористов и экстремистов) говорил об этом в 2010 году в интервью журналу «Вопросы национализма»: «Националисты могут и должны стать одними из главных получателей „политической выгоды“. Они не представлены в Госдуме (и в целом во власти) вообще и имеют отличные шансы получить большое представительство. Это обязательно случится, если русское националистическое движение обретёт адекватное, легальное и разумное „политическое обличье“: ответственные граждане с ясной системой ценностей, готовые к диалогу с другими частями политического спектра во благо страны».

Но тут случился вооружённый переворот 2014 года на Украине. Первым решением, провозглашённым Верховной радой после свержения президента В. Ф. Януковича, стала отмена регионального статуса русского языка. Узурпации власти не подчинился восток

Украины. Крым после референдума вошёл в состав России. Восстал Донбасс.

И среди националистов появилась была надежда на народные республики как на русские национальные образования. По мысли московских национал-идеологов, ДНР и ЛНР могли на практике опробовать модель русского национального государства, которую «так бояться власти большой России». Другой надеждой стало вхождение в состав России Крыма — первой республики — субъекта Федерации, населённой преимущественно русскими. Однако новые образования насмотрелись на украинизацию и не хотели её копировать даже под противоположными лозунгами. Окончательно стало ясно, откуда дует ветер, когда продвигавший идею русификации «Клуб рассерженных патриотов» был внесён в реестр организаций — иностранных агентов вместе с его учредителями.

Эти события в целом вызвали общую растерянность среди русских националистов. Вот как описал ситуацию один из «теоретиков движения»: «Никакого кризиса русского национализма нет, ибо нет самого русского национализма. Есть некая совокупность людей, называющих себя русскими националистами. Есть также некая совокупность людей, которых другие называют русскими националистами. Причём эта вторая совокупность не полностью совпадает с первой. А русского национализма как общественно-политического явления нет».

Прямая угроза национализма как фактора дезинтеграции страны исчезла в результате последовательных действий государства. В ходе общероссийского голосования по одобрению поправок к Конституции в 2020 году изменения в части 1 статьи 68 закрепили за русским народом статус государствообразующего по признаку использования русского языка. Начавшаяся в 2022 году специальная военная операция (СВО) окончательно выявила русофобию любого национализма. Ощущение безнаказанного унижения и предательства России развеялось, а вместе с ним и защитная реакция — национализм. Последней отдушиной остается вопрос трудовой миграции в Россию. Создание же инициативных групп по мониторингу правопорядка совместно с полицией все больше уходит от скандальности в сторону конструктивной работы. ●

Китайское отражение единства многообразия

Н. П. Мартыненко,
доктор философских наук

Китай официально выделяет 56 этнических групп. На долю ханьцев приходится подавляющее большинство населения. По итогам переписи 2020 года это около 91–91,5%, то есть ориентировочно 1,28–1,3 млрд из 1,411 млрд жителей страны. Все остальные 55 групп, объединённые в категорию национальных меньшинств, суммарно составляют примерно 8,5% населения. Это порядка 120–130 млн человек. Значительная часть этих сообществ проживает не в крупных прибрежных агломерациях, а в приграничных и внутренних районах с невысокой плотностью населения. Здесь особенно заметна роль пяти

автономных районов, которые одновременно выступают национальными территориями и ключевыми приграничными пространствами.

В Гуанси-Чжуанском автономном районе проживает около 50 млн человек. Доля чжуанского населения там близка к 38%. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе население оценивается примерно в 26 млн человек, при этом около 45% жителей относят к уйгурам. В Тибетском автономном районе живут около 3–3,5 млн человек, при этом ориентировочно 86% из них составляют тибетцы. В Нинся-Хуэйском автономном районе население насчитывает около 7,2–7,3 млн человек, доля хуэйцев — примерно 34–35%. Во Внутренней Монголии проживает примерно 24 млн человек, из них около 18% относят к монголам.

Эта архитектура дополняется разветвлённой системой низовых автономных единиц. В неё входят 30 автономных округов (автономных префектур), 120 автономных уездов и 5 автономных хошунов, то есть «знамён» во Внутренней Монголии. Вся конструкция опирается на статью 4 Конституции КНР и Закон о региональной национальной автономии 1984 года с поправками 2001 года. Её поддерживают несколько десятков ведомственных и региональных нормативных актов, которые детализируют режим автономии на местах и задают рамки для языковой, образовательной и кадровой политики в отношении национальных меньшинств. При этом КНР — унитарное государство.

Российская география и этнокультурная карта не менее сложны. В Конституции России народ определяется как многонациональный, без выделения какой-либо одной этнической группы, а русскому языку придаётся статус государственного и основного средства межнационального общения. Все народы и их культуры признаются ценностью и частью общей исторической судьбы. Эти принципы раскрываются в «Стратегии государственной

национальной политики до 2025 года» и других программных документах. В них закрепляются задачи укрепления общероссийской гражданской идентичности и сохранения этнокультурного многообразия.

Федеративное устройство обеспечивает республикам собственные конституции, государственные языки и парламенты. Это создаёт формальные основания для автономии в культурной и частично нормативной сферах. В 1990-е годы эта архитектура дополнялась договорным и асимметричным федерализмом. Центр заключал с отдельными регионами специальные соглашения о разграничении полномочий и ресурсов.

В 2000-е годы происходило последовательное усиление централизованной вертикали. Оно позволило стабилизировать систему после кризисов 1990-х годов, снизить риск открытых сепаратистских сценариев и выровнять базовые стандарты государственного управления.

Идея единства в многообразии, лежащая в основе современной китайской национальной политики, соединяет философские традиции и политическую практику. Даосские представления о единстве как источнике множества и конфуцианский принцип гармонии при различии формируют культурную рамку, в которой разнообразие не отвергается, но подчиняется задаче поддержания общего порядка. На этой основе переосмысливается древняя концепция Мандата Неба, связывающая право на власть с благополучием народа. В современном светском варианте её место занимает Коммунистическая партия Китая, выступающая носителем исторической миссии и гарантом целостности государства.

Партия обосновывает свою легитимность способностью обеспечивать модернизацию, рост благосостояния и «великое возрождение китайской нации». В 1989 году китайский антрополог и социолог Фэй Сяотун, один из основателей современной китайской социологии, предложил концептуальную рамку, которую он описал формулой 多元一体 (duōyuán yītǐ, доуюань ити). В прямом переводе это «многообразие, составляющее одно целое», но в классической оптике важнее не столько сам перевод, сколько соотношение иерог-

лифов 多 и 一. Иероглиф 多 («много») задаёт поле множества, разветвлённости и разброса, тогда как 一 одновременно обозначает единицу, «единое» и горизонтальную черту, собирающую элементы в одну фигуру. В сочетании 一体 речь идёт уже не просто о счётной единице, а о «едином теле», о целостности, в которой множественные части не исчезают, а встраиваются в общий контур. Если смотреть на 多元一体 не только как на современный политический лозунг, но и через оптику традиционной китайской письменности, это уже аккуратно свёрнутая философская позиция. В её пределах множественность допустима и даже желательна, пока она не разрывает границы того самого 一体, которому отводится роль носителя суверенитета и исторической миссии.

Для политического языка КНР такая формула оказывается особенно удобной. Она позволяет превратить признание регионального и этнокультурного многообразия в аргумент в пользу единого политического тела, а не в источник постоянного риска. В этом смысле Фэй Сяотун не просто даёт новую метафору, а переводит старую для китайской мысли диалектику единого и множественного в язык современной национальной политики.

Вокруг понятия «китайская нация» аналогичным образом работает и сочетание 中华民族 (Zhōnghuá mínzú, чжунхуа миньцзу). Иероглиф 中 задаёт образ центра, оси, «середины», к которой тяготеют периферии. 华 отсылает к историческому комплексу представлений Хуася, обозначающему «культурный» центр и население Центральных равнин. Именно с этими, ставшими предками преимущественно ханьского большинства, сообществами в китайской традиции связывают становление китайской цивилизации.

В современном китайском контексте 民族 чаще всего обозначает нацию как сообщество людей, осознающих общую судьбу и культурно-историческое единство, хотя нередко употребляется и в значении «этническая группа». В итоге 中华民族 — это не только географический намёк на «срединную страну», но и политико-символическая конструкция, в которой прошлое и настоящее, этническое и цивилизационное сплетены в одну связку. Через такие формулы подчёр-

живается представление о разных группах и территориях как о частях единого политического и культурного целого, несмотря на различия их исторического опыта.

На этом фоне российские дискуссии об «общегосударственном начале» и «исторической целостности» выглядят менее образно, но структурно решают близкую задачу. В России ставка делается не на образ единого цивилизационного тела, зафиксированный несколькими знаками, а на конституционную формулу многонационального народа и правовой язык, описывающий равенство прав и ценность культур. Тем интереснее сопоставлять эти два подхода. В одном случае идея единства буквально вписана в ключевые знаки политического языка, в другом — закреплена в юридическом тексте и историческом нарративе.

В российской традиции разговор о единстве и многообразии складывался иначе, но был не менее значимым. Имперское государство опиралось на связку православия и самодержавия, а многообразие окраин регулировалось сочетанием жёсткого контроля, выборочных привилегий и практики локальных компромиссов. Советский проект строился вокруг образа многонационального советского народа, объединённого социалистической идеологией. Национальные республики имели собственные элиты и культурные институты, но ключевые политические и экономические решения оставались прерогативой центра.

Постсоветская Россия исходит из конституционной формулы многонационального народа и опирается на ценностный блок, включающий представления об общинности, коллективных формах солидарности и исторической преемственности. Функционально китайская концепция «единства в многообразии» близка российским дискуссиям об общегосударственном начале и исторической целостности.

Но в китайском случае эта идея жёстко привязана к централизованной партийной вертикали и представлению об особой цивилизационной модели. В России большее значение сохраняют правовые конструкции и исторические аргументы, которые не сво-

дятся к монополии одной партии и допускают большую вариативность интерпретаций.

На этом фоне особенно важным становится практический вопрос о том, кто и как превращает идею «мы» в конкретные решения о распределении власти и ресурсов. В унитарном государстве с партийной монополией ответ опирается на внутренние процедуры партии и вертикаль власти. В федерации с разнообразием элит и сложной историей отношений центра и регионов неизбежно возрастает роль правовых механизмов, процедур согласования и символического признания региональных акторов. В одном случае контуры допустимого задаются партийной дисциплиной, в другом — балансом правовых механизмов, политических договорённостей и исторической памяти о прежних конфликтах между центром и регионами.

Идеологический нарратив в Китае постоянно воспроизводится через образовательные, медийные и управленческие институты. В школьных учебниках истории национальные регионы вписываются в логику исторического «собиранья земель» и вхождения в состав единого государства, а роль партии как гаранта преемственности и единства подчёркивается на всех уровнях образования.

Для нового поколения этнокультурное разнообразие с детства оформляется как часть единого цивилизационного проекта, а не как набор конкурирующих идентичностей, требующих постоянного балансирования.

Автономия в этой модели понимается как управляемая вариативность. Автономные регионы и низовые единицы имеют особые статусы и собственные органы власти, обладают правом использовать национальные языки в делопроизводстве и образовании, учитывать локальные культурные особенности и обеспечивать формальное представительство меньшинств. В то же время все эти элементы встроены в централизованную партийно-государственную вертикаль. Вопросы идеологии, кадровой политики и стратегического планирования решаются в Пекине, а возможности для регионального манёвра остаются ограниченными рамками заранее заданных правил.

В российском контексте сходную интегрирующую роль играют Конституция, Стра-

тегия государственной национальной политики, студенческие и школьные учебные курсы. Но акценты в них расставлены иначе. В центре российского нарратива оказывается формула многонационального народа и единого правового пространства, а не представление о единой партийной миссии. Главным посредником между идеей и практикой выступает юридический язык, в котором выражаются равенство прав, гарантии и статус культур.

Реализация китайской модели опирается на значительный финансовый ресурс. Именно здесь различие с российской ситуацией проявляется особенно отчётливо. В период с 2016 по 2025 год в национальные регионы Китая направляются триллионные объёмы инвестиций, прежде всего в транспортную, энергетическую и социальную инфраструктуру. Если пересчитать ключевые показатели в рубли по усреднённому курсу около 11–11,5 рубля за 1 юань, то 2,8 трлн юаней в Синьцзяне эквивалентны примерно 31–32 трлн рублей, 1,5 трлн юаней в Тибете соответствуют примерно 17 трлн рублей, а 2,1 трлн юаней во Внутренней Монголии составляют примерно 24 трлн рублей. В сумме только эти три региона за десятилетие получают свыше 70 трлн рублей эквивалентных инвестиций, то есть порядка 7 трлн рублей ежегодно.

Эти средства идут на строительство высокоскоростных железных дорог и автомагистралей, модернизацию портов и логистических узлов, развитие энергетической инфраструктуры, развёртывание сетей связи 5-го поколения и создание цифровых сервисов. Значительные ресурсы направляются на расширение и обновление сети школ и больниц. Такая концентрация вложений позволяет заметно уменьшать инфраструктурный разрыв между автономными районами и центральными провинциями. Показатели валового продукта на душу населения в Синьцзяне и Тибете постепенно приближаются к средним по стране, хотя по-прежнему отстают от прибрежных регионов-лидеров.

Россия действует в иных бюджетных координатах: прежде всего, численность всего населения страны на порядок (!) меньше, чем в КНР. Все национальные проекты в 2024 году оцениваются примерно в 3–3,1 трлн рублей,

что более чем вдвое меньше годового эквивалента китайских вложений только в три упомянутых автономных региона. Общий объём федеральных расходов в 2023 году составлял около 32 трлн рублей, из которых нужно одновременно финансировать оборону, социальную сферу, инфраструктуру, поддержку субъектов Федерации и обслуживание долга.

Такой формат распределения не делает российскую модель управления заведомо слабее, но задаёт иной профиль рисков. Пекин может частично компенсировать дефицит доверия масштабным притоком ресурсов и быстрым улучшением инфраструктуры. Москва в большей степени вынуждена опираться на качество правовых институтов, прозрачность процедур и способность внятно объяснять логику распределения средств и полномочий. В условиях ограниченных финансовых ресурсов устойчивость Федерации зависит не только от суммы вложений, но и от того, насколько власти могут поддерживать у регионов ощущение справедливости и предсказуемости решений.

Контраст между двумя моделями особенно заметен на уровне поддержки повседневной экономики. В национальных районах Китая объём льготного кредитования мало-

го бизнеса превышает 50 млрд юаней в год, что по курсам последних лет сопоставимо с 550–600 млрд рублей и по масштабу близко к крупной федеральной программе поддержки предпринимательства в России. В китайском случае эти ресурсы целенаправленно привязаны к этнокультурным и отстающим территориям. Это усиливает чувство включённости национальных регионов в общую историю успеха и делает этот успех менее абстрактным.

В России близкие по смыслу задачи решаются через межбюджетные трансферты и программы выравнивания бюджетной обеспеченности. Эти средства распределяются между всеми субъектами Федерации и позволяют поддерживать минимально приемлемый уровень услуг и инфраструктуры по всей стране, но объективно замедляют сокращение разрывов между отдельными регионами. В таких условиях особенно важно, насколько ясно центр объясняет свои приоритеты, критерии отбора проектов и порядок доступа регионов к дополнительной поддержке.

Языковая и образовательная политика в национальных регионах Китая показывает, как идеологические установки могут превращаться в управленческие решения. В автономных районах большинство школ работает в фор-

мате двуязычного образования: преподавание ведётся на стандартизированном китайском языке путунхуа и на языках национальных меньшинств. В республиках России также институционально закреплены двуязычные модели и возможность изучения родных языков, но степень их реализации и устойчивость сильно варьируются от региона к региону.

В представительных органах действуют квоты, которые обеспечивают минимальное присутствие представителей меньшинств в Собраниях народных представителей и органах местной власти. Ежегодно десятки и сотни тысяч студентов из национальных групп получают специальные стипендии и льготы при поступлении; во многих университетах резервируется заметная доля целевых мест (до 10–15 %) для выходцев из национальных регионов.

В результате идея единой многонациональной китайской нации закрепляется не только в учебниках и официальной риторике, но и в материальных возможностях конкретных семей, которые видят расширение социальных лифтов и планируют будущее детей с учётом этих возможностей.

Российская практика показывает, что языковой вопрос способен довольно быстро при-

обретать политическое измерение при ограниченных ресурсах и высоких ожиданиях. Для многих национальных общин язык обучения, статус родного языка в школе, заметность языка на вывесках и в официальном делопроизводстве могут становиться не техническими деталями, а маркерами уважения или его отсутствия.

На этом фоне вопрос контроля выходит на первый план. В Китае те же ресурсы, которые обеспечивают строительство дорог, развитие цифровых сервисов и повышение качества государственных услуг, используются для развёртывания плотных систем наблюдения. Речь идёт о видеокамерах, анализе больших данных и мониторинге сетевой активности, прежде всего в национальных регионах. С этим связаны элементы системы социальной оценки и общественного одобрения, направленные на поощрение благонадёжного поведения. Они предполагают интеграцию данных из различных государственных баз и использование алгоритмов, которые позволяют отслеживать соблюдение установленных норм и правил.

Официально эта политика объясняется необходимостью предотвращения экстремизма и обеспечения безопасности, но на практике размывается граница между защитой и вме-

шатательством в частную жизнь, религиозные практики и повседневное поведение. В России цифровое присутствие государства также усиливается, однако масштаб ресурсов меньше, а правовая рамка иная. Степень повседневного контроля остаётся менее всеобъемлющей, а основные конфликты чаще концентрируются вокруг распределения бюджетов, статуса языков и доверия к федерализму, а не вокруг цифрового надзора. Это создаёт дополнительные барьеры для попыток прямого переноса китайских практик контроля в российские условия, поскольку такие практики сталкиваются не только с юридическими, но и с ценностными ограничениями.

При внешнем сходстве задач структурные вызовы в Китае и России проявляются по-разному. В Китае рост инвестиций, урбанизации и уровня жизни сопровождается увеличением доли ханьцев в ключевых автономных регионах, а культурные и языковые сдвиги ускоряются. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе доля городского населения за несколько десятилетий выросла примерно с 40 до 45 %, в Тибетском автономном районе — с 5 до 12 %. В среднем уровень урбанизации в автономных районах достигает порядка 60–62 %.

В таких условиях в городах снижается доля детей, свободно владеющих родными языками меньшинств, при этом практическая значимость китайского языка как главного канала образования и карьерного роста возрастает. В итоге усиливаются ассимиляционные тенденции, которые, с одной стороны, способствуют интеграции, а с другой, создают долгосрочные риски роста недовольства и восприятия политики как давления на культурную самобытность.

В России дефицит ресурсов, отток молодёжи и старение населения во многих национальных республиках задают другой тип напряжения. На первый план выходит не давление доминирующей этнической группы, а риск «опустошения» и ощущение невнимания центра, когда главной угрозой становится не столько ассимиляция, сколько экономическое отставание, деградация инфраструктуры и сокращение возможностей для молодого поколения. В таких условиях язык обучения, статус родного языка в школе и

заметность культуры в публичном пространстве воспринимаются как практический тест на подлинность заявлений государства о готовности сохранять разнообразие при ограниченных ресурсах.

Если свести обе модели управления к нескольким центральным линиям, можно сказать, что в Китае авторитет власти строится на образе исторической миссии партии, идее единой китайской нации и демонстрации роста уровня жизни, особенно в национальных регионах. В России он опирается на конституционную конструкцию многонационального народа, ценностный и исторический нарратив и обещание сохранения разнообразия в рамках единого правового пространства при более скромном объёме ресурсов.

Китай является унитарным государством, в котором национальные автономии встроены в жёсткую вертикаль, а ключевые решения в сфере финансирования, языковой и образовательной политики принимаются в Пекине. Россия действует как федерация, где за республиками закреплены собственные конституции и государственные языки, но центр после 1990-х годов заметно усилил контроль над налоговыми потоками, назначениями и стратегическими решениями. Китай цементирует страну через крупные инфраструктурные и цифровые проекты в национальных регионах, активную борьбу с бедностью и масштабные субсидии, тогда как Россия делает ставку на межбюджетные трансферты, программы выравнивания, единые образовательные и ценностные проекты, а также на более сложную институциональную архитектуру.

Для Китая главным долгосрочным риском становится чрезмерный контроль, потенциальный рост недовольства и раздражения в национальных районах, а также внешняя критика в сфере прав человека.

Для России ключевыми рисками остаются нехватка ресурсов (в том числе людских), спорные решения в области языковой политики и статуса регионов, а также ощущение «нас не слышат» на отдельных территориях, особенно там, где экономическое отставание сочетается с высокой символической значимостью идентичности. ●

Британский колониализм

О. В. Полстовалов,
доктор юридических наук, профессор,
Сретенский клуб

Этническая составляющая в национальной политике колониальных держав всегда играла заметную роль. Для современной России и социальной инженерии выстраивания межнациональных отношений классический пример Британской империи может быть интересен в качестве доказательства от противного: Россия в действительности в национальной политике практически всегда шла по верному пути, не уничтожая и не ассимилируя до неузнаваемости коренные народы, не выступая алчной метрополией в разграблении, а обеспечивая совместное поступательное взаимообогащающее культурное, духовно-нравственное, научно-технологическое и в целом социально-экономическое развитие.

Иммунитет народов Русского мира к теориям гегемонии одной нации, расы, цивилизации над другими выковывался столетиями совместной истории, многовековым социокультурным взаимообогащением, конфессиональным и национальным миром и согласием, бережным сохранением и развитием национальной самобытной культуры.

Прозападная же социосфера лелеяла свое цивилизационное превосходство, перемежающееся рассуждениями о том, что нет почти ни одной великой мировой идеи, которая прежде не прошла бы по французской земле (Ф. Гизо), об ассимиляции или уничтожении «ленивых» (нецивилизованных) народов первопроходцами пришедших в движение других (цивилизованных) сообществ (А. Дж. Тойн-

би), о вреде знаний для покоренных народов и их депопуляции (А. Гитлер), о конце истории в виде конечного торжества либеральной прозападной демократии (Ф. Фукуяма) и пр.

Международные и внутригосударственные вопросы межнациональных отношений выглядят периферией глобальной политики в пространстве цивилизаций суши (К. Хаусхофер) и моря (Х. Маккиндер). Любая геополитика в цивилизационном ее измерении упирается в признаки «свой — чужой», а экономическая география предполагает анализ ресурсного потенциала того или иного макрорегиона и конкретных стран как объяснительной модели меркантильных интересов современного неоколониализма. И это многое объясняет в отсутствии высокотехнологичных инвестиций в виде высоких локализованных и, по сути, переданных технологий замкнутого цикла производства в чуждые для Запада регионы, которые своими не станут. Этого никогда не случится даже по экономическим, преимущественно географическим и транспортно-логистическим, соображениям близости цивилизационных конкурентов, имеющих несомненное преимущество в историческом соразвитии и духовно-нравственном общем прошлом и настоящем. Здесь нельзя сбрасывать со счетов и извечную фобию морской цивилизации — географически рассредоточенной англосаксонской империи. Х. Маккиндер в этой связи писал о Британиях во множественном числе, которым, по его утверждению, в духе современного ему времени угрожало расширение Европы. Брексит произошел уже в другую эпоху, но, полагаю, не без этих «бессознательных» мотивов. Х. Маккиндер также писал, что все они — Британии, т. е. метрополия и колонии в таком мяг-

Фото 1943 года жителей Бенгалии

ком формате мнимого равенства, — «в конце концов могут быть готовы разделить поддержку одного флота, как самого дешевого способа обеспечения мира и свободы для каждой». Его вывод одновременно характеризует фобию постимперии, с которой англосаксы так и не расстались даже сейчас: «Таким образом, главная опасность Империи может быть предотвращена, и старая Британия, когда она не сможет содержать за счет своих собственных ресурсов флот, эквивалентный флотам Соединенных Штатов, Германии и России, после того как они разовьют свои большие естественные возможности, все еще может найти надежное убежище за флотом Британий». Таким образом, рассредоточенный флот «в Британиях» — это именно современная стратегия развития НАТО с экспансией в цивилизацию западноевропейской суши, которая возомнила себя союзником, а не колонией. Надо признать, что рассредоточенность англосаксонской империи в разные периоды ее взлетов и падений привела к внутренней корпоративной сплоченности, ввиду чего не стоит рассматривать все эти части целого вне композиционной необходимости сохранения безопасности в логике цивилизации моря. Поэтому экономическая и военная экспансия современности опирается на несколько мо-

дернизированную по прошествии столетия, но всё так же узнаваемую рациональность сохранения англосаксонской метрополии в качестве метрополии. И национальный вопрос здесь будет играть роль удобного инструмента для ослабления традиционных меж- и внутригосударственных связей, внесения раскола для политической и экономической дестабилизации в макрорегионах планеты.

Классическая Британская колониальная империя была построена первоначально именно в логике цивилизации моря, но со спецификой изолированного от континента островного государства. Более того, именно Британская империя вытеснила Испанию с этого поля, и начало этому было положено не в момент разгрома Великой армады, а значительно раньше. Можно сказать, что всё началось с того, что 5 декабря 1578 г. галеон пирата на службе короны Фрэнсиса Дрейка «Золотая лань», пользуясь хитростью и излишней доверчивостью испанцев, захватил их галеон «Капитан» в гавани Сантьяго (Чили). Очень знакомый сюжет. Однако значительно важнее отношения белых колонизаторов и местного населения. И если испанские новые земли были завоёваны под первоначальным благородным предлогом распространения католицизма в мире, то Британия не особо стесня-

Фото 1943 года жителей Бенгалии

лась в откровенности своего паразитарного по отношению к новым землям интереса. Западным метрополиям уже в то время было тесно в наиболее привлекательных регионах мира. Как известно, в 1757 г. в битве при Плесси бенгальский ставленник Французской Ост-Индской компании Сирадж уд-Даула потерпел знаковое поражение от Роберта Клайва, нанятого Британской Ост-Индской компанией. В результате во многом и произошло покорение англичанами Бенгалии, ставшей на долгие годы их ключевым плацдармом в Индии, что положило «начало конца французской колониальной империи в Индии».

В ярком памфлете Марка Твена «Мы — англосаксы» на банкете в клубе с говорящим названием «Концы Земли» слова председательствующего, отставного военного в высоком чине — «Мы — англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет!» — были встречены бурными аплодисментами, и только главный герой в повествовании от первого лица перевёл эту декларацию «на простой человеческий язык» так: «Мы, англичане и американцы, — воры, разбойники и пираты, чем и гордимся». Сказанное в произведении имеет под собой весьма веские исторические основания.

Факты колониального грабежа и геноцида коренного населения англосаксами, как и прочими западными метрополиями, в советской истории международных отношений связывали с империалистическими амбициями крупного капитала, что приводило всё к общему стандарту и не раскрывало хищническую сущность западнизма (термин А. А. Зиновьева) как явления в его трансграничном измерении. Между тем западный колониализм, основанный на неприкрытом грабеже и геноциде по-

корённых народов, стал за долгие годы своего присутствия своего рода неотъемлемой частью «антикультурного кода» завоевателей, так ратующих за принесённую ими цивилизацию выжившей в условиях инспирируемой и естественной депопуляции малой части местного населения. Однако именно фактор английского колониализма сплотил индийскую нацию и привёл в движение её культурный и научный ренессанс. Пусть и для удобства собственного использования, но всё-таки про-британская реформа образования дала «беспрецедентный всплеск как автохтонных, так и синтетических (европейско-индийских) течений в философии, живописи и литературе, объединённых идеей просвещения и межцивилизационной конвергенции» (Д. Трофимов, 2020). Тем не менее этот процесс межцивилизационной конвергенции стоил очень дорого для покорённого населения Британской Индии.

Порабощение Бенгалии Британской Ост-Индской компанией в 1765 г., по оценке Стива Дугласа (2013), положило начало не имевшей аналогов в истории человечества эпохе геноцида индийцев. Цифры говорят сами за себя: спровоцированный в 1770 г. голод в Бенгалии, по данным С. Дугласа, унес жизни 10 млн человек; в 1783 г. скончались от голода еще 11 млн человек; ровно столько же умерли от недоедания в 1791 г.; еще 1 млн погиб из-за голода в 1837 году, 2 миллиона — в 1860 году, 1 млн — в 1865 г., 1,5 миллиона местных жителей скончались от голода в 1868 г., 5,5 миллиона умерли от голода в 1876 г. Пять миллионов индийцев умерли от голода в 1896 г. и еще 1 млн — в 1899 году. «К 1900 году политика Британской империи, — пишет С. Дуглас, — унесла более 49 миллионов жизней в Индии, в то время как Соединенные Штаты оставались свободными от голода, превратившись в крупнейшего агропромышленного гиганта в мире». Причиной голода в 1943 г. в Бенгалии С. Дуглас (по его же данным, тогда погибли три миллиона индийцев) называет японскую оккупацию Бирмы, в связи с чем японцы перекрыли все поставки риса из Бирмы в Бенгалию. Однако он нисколько не снимает ответственности и с Уинстона Черчилля: «Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании в то время, сделал все возможное, чтобы предотвратить доставку продовольственной по-

мощи в Бенгалию. Его единственным ответом на телеграмму из правительства в Дели о гибели людей от голода был вопрос: почему Махатма Ганди еще не умер? „Я ненавижу индийцев, — сказал он Леопольду Эмери, государственному секретарю по делам Индии, — это звериный народ со зверской религией“. На заседании военного кабинета он заявил, что голод — это вина самих индийцев, „за то, что они размножаются как кролики“.

Впрочем, в литературе не утихают попытки сместить акценты в вопросе о причинах гибели индийцев от недоедания на оккупацию Бирмы японцами, на невиновность лично У. Черчилля, на природные катаклизмы, на борьбу не с народом Индии, а с конкретными националистами, а также на занижение числа жертв голода в Индии в 1943 г. По сути, это выглядит пропагандой, а не достоверной и объективной историей о роли «самого выдающегося» деятеля английской короны У. Черчилля в колониальной политике Великобритании в Британской Индии. Аргументы главным образом следующие: 1) причина всему — японцы, оккупировавшие Бирму и пресекавшие поставки риса в Бенгалию; 2) голод без У. Черчилля был бы еще более масштабным, и это норма для того времени, для «бенгальских крестьян, которые веками жили на грани голода»; 3) У. Черчиллю принадлежит заслуга назначения человека, наиболее ответственно подходившего к оказанию помощи во время голода, — вице-короля Индии Арчибалда Уэйвелла; 4) в одиночку У. Черчилль не мог обеспечить доставку продовольственной помощи в голодающую Бенгалию. Не находите внутренних противоречий в последних двух аргументах? С последним аргументом можно отчасти согласиться, поскольку это, безусловно, коллективная ответственность всего политического бомонда тогдашней Англии. Яркие самообличительные речи самого У. Черчилля при этом не принимаются в расчет или оцениваются в качестве маргинальных и не заслуживающих внимания аргументов при обосновании геноцида; не приводится никаких сравнительных характеристик смертности от голода «до и после», но прилагаются иллюстративные фотографии, например с очередями за рисом, а исследователей британского «геноцида голодом» и авторов фундаменталь-

ных работ (Мадхусри Мукерджи, «Тайная война Черчилля: Британская империя и разорение Индии во время Второй мировой войны», Нью-Йорк: Basic Books, 2010, 368 с.) упрекают в узости и ангажированности используемого эмпирического материала, в игнорировании природных катаклизмов тех лет, в отсутствии исторического образования и пр.

А вот неполитизированные факты: 1. Средняя продолжительность жизни в Индии достигла уровня ранней современной Англии (35,8 года) только в 1950 г., т. е. после деколонизации. 2. Уровень смертности в Индии в 1880-х годах был очень высоким по международным стандартам. Если мы измерим избыточную смертность по сравнению со средним уровнем смертности в Англии в XVI и XVII веках, мы обнаружим 165 миллионов избыточных смертей в Индии в период с 1880 по 1920 год. Это число больше, чем суммарное количество смертей в обеих мировых войнах, включая Холокост, устроенный нацистами. У кого повернется язык назвать это «нормальностью», присущей Индии того времени? А между тем именно на период 1880–1920 гг. приходится пик колониального господства Британии в Индии.

О причинах голода и вине в этом английской администрации, опираясь на факты, пишет В. Шива в статье с говорящим названием «Украденный урожай. Захват глобального продовольственного снабжения» (2000). Исследователь называет более высокое число жертв Бенгальского голода 1943 г. — более 3,5 млн человек, при этом, по его данным, ещё двадцать миллионов пострадали.

Зерно, по данным В. Шивы, было насильственно конфисковано у крестьян «в рамках колониальной системы сбора арендной платы», и экспорт зерна продолжался, несмотря на то что люди голодали. Другой автор, Кали Чаран Гош, приводит официальные данные и выкладки по спровоцированному в 1943 г. голоду. Исследователь отмечает, что в 1943 г. реальная ситуация по балансу всех запасов зерна, оставшихся в стране после чистого импорта и экспорта, была полностью упущена. В 1942–1943 годах из-за большого экспорта и небольшого импорта Индия немедленно обеднела на 360 622 тонны из собственных запасов, из которых рис и рис-сырец составляли

258 684 тонны. За первые семь месяцев 1943–1944 годов было экспортировано 80 000 тонн зерна, но импорт составил всего лишь 18 541 тонну. К. Ч. Гош предлагает судить о ситуации по приведенной им таблице.

Пресса и лидеры страны присоединились к протестным обращениям против экспортной политики колониального правительства Индии, но не были услышаны до тех пор, пока не появились признаки крайней истощенности и люди не начали умирать прямо на улицах.

23 июля 1943 года правительство в Нью-Дели выступило с сообщением: «Ввиду серьезности ситуации с рисом в Индии Центральное правительство считает невозможным до особого уведомления осуществлять экспорт риса из страны».

Однако сам дефицит продовольствия подтолкнул инфляцию, факт которой правительство отрицало, пока бедные становились беднее, а богатые — богаче. Все это привело к массовому обнищанию и потере покупательной способности в отношении базовых товаров у беднейшей части бенгальского населения. Долго обсуждавшийся вопрос заключался в том, были ли «инфляция» или «дефицит предложения» реальными причинами роста цен, в то время как правительству стоило принять неотложные меры для сдерживания инфляции и «для снабжения продуктами питания и одеждой по цене, доступной для бедных». И с инфляцией, и с дефицитом предложения правительство Индии потерпело фиаско. В этой ситуации приписываемая У. Черчиллю заслуга (Зарир Масани, 2021) в назначении вице-короля Индии Арчибальда Уэйвелла, якобы обеспечившего оказание необходимой помощи во время голода, выглядит откровенным цинизмом.

Можно подсказать сторонникам «нормальности» голода и вымирания от него бенгальцев еще один аргумент, но уже в плоскости грабежа Индии: еще до начала английской колонизации (1757 г.), в 1739 г., персидский шах Надир вывез из Индии награбленных богатств на 32 млн фунтов стерлингов (В. П. Эфроимсон, 1995). Может быть, как управляемый голод, так и ограбление пришельцами — это нечто «нормальное» для Индии того времени? До какого

уровня еще опустится цинизм пропагандистов античеловеческой «нормальности»?

Нет смысла перечислять все причины депопуляции коренного населения британских колоний, среди которых, разумеется, играли роль и принесённые переселенцами не имевшим иммунитета аборигенам болезни, и фактор случившихся по объективным обстоятельствам неурожаев. Однако важно отличать факты заболеваний от последствий обычных контактов и сознательного заражения, а проблемы голода из-за объективных причин (например, природных катаклизмов) — от сознательного ограничения поставок, вывоза продовольствия для метрополии в завышенном объёме и пр. Британская колонизация, например, Тасмании также сопровождалась ростом смертности её аборигенов. Однако официальная позиция защитников колонизации того времени (Джеймс Бонвик, 1870) и современности (Жозефина Флад, 2006) заключается в том, что этот резкий демографический спад был вызван влиянием завезённых болезней, а не последствиями политики. В то же время неполитизированные историки относят тасманийскую катастрофу к геноциду (Медли, 2008). В пользу этой версии говорят объективные факты: и Чёрная война (с середины 1820-х гг. по 1832 г.) на Тасмании, и выселение коренных жителей в непригодные для выживания места, где их вымирание только продолжилось.

Выйти из накопленного багажа проблем с колониями и доминионами Британии удалось практически безболезненно. При этом опыт Великобритании в национальном вопросе весьма показателен, поскольку деление на метрополию, доминионы, коронные колонии, протектораты, мандатные территории и т. д. в своё время запустило управляемый процесс центробежных сил, который в экономическом плане оставил всё на прежнем месте и даже с ещё большим удобством для «бывшей метрополии». В принципе, отчасти конституционно-правовому термину «многонациональный народ» Россия, как и весь мир, обязана Британии — правда, через его международно-правовую легитимацию в Уставе Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.), преамбула которого начинается со слов: «Мы, народы Объединённых Наций, преисполненные решимости...».

Первоначально подобное выражение, но в несколько иной форме — «содружество наций» — было введено в оборот британским премьер-министром лордом Розберри в 1884 г., а Колониальная конференция 1887 г. закрепила обновленные принципы колониальной политики империи. К концу XIX — началу XX вв. эта реформа позволила подвести некий итог двух прошедших и одного планируемого к реализации этапов выстраивания отношений метрополии, ее доминионов и прочих зависимых территорий: «Британское Содружество сейчас готово, — писал специалист по Британской империи того периода Х. Дункан Холл, — к третьему из трех великих поворотных моментов в своем развитии. Первым была Американская революция, а вторым — предоставление Канаде ограниченного ответственного правительства. Третий — это проблема, созданная трансформацией этого ограниченного ответственного правительства в неограниченное правительство, равенство наций и статуса, в настоящее время достигнутое и практически обеспеченное доминионами». Однако одно условие с 1887 г. было неизменным — это сохранение дружеских, партнерских отношений между доминионами как относительно автономными квазигосударственными образованиями, которые оставались частью Британского Содружества наций, и самим центром Британского мира — Великобританией! Можно ли себе сегодня представить крайне недружественное отношение и фактический геноцид англичан в бывших доминионах Британии? Так почему Великобритания позволяет себе политику слона в посудной лавке в ареале многовекового доминирования Русского мира, натравливая русских на русских и снабжая оружием Украину? Не стоит утруждать себя ответом на эти риторические вопросы. И это при том, что процесс «суверенизации» британских доминионов происходил не в одночасье, а занял очень длительный период и сохранил управляемый порядок: создание Содружества было инициировано проведенной в 1887 г. в Лондоне Колониальной конференцией, а вот правовой статус оно обрело лишь с принятием Вестминстерского статута 11 декабря 1931 г., который не исключал подданство доминионов Короне, поскольку главой их оставался британский монарх. Такой союз про-

Фото 1943 года жителей Бенгалии

существовал еще до 1947 г. Кроме того, никто и не думал превращать бывшие британские доминионы в «анти-Британию».

Колониальная политика Великобритании и её безболезненная управляемая деколонизация, которая скорее сродни децентрализации, — это лишь один из очень немногих сюжетов истории реальной гегемонии одного из самых влиятельных полюсов западной цивилизации. Автор не ставил перед собой задачи системно изложить все имеющиеся вопросы, а лишь остановился на наиболее циничном и показательном сюжете с Бенгалией, древнейшая цивилизация которой не стала препятствием для её управляемого геноцида и разграбления со стороны метрополии.

Многовековая британская традиция здесь вряд ли имеет в перспективе иные сценарии, кроме крайне паразитарных, и эта история может служить назиданием для уверовавших в эффективность и взаимовыгодность инвестиций из Туманного Альбиона, испытывающего сегодня явные проблемы с доверием.

Ибо безнаказанность порождает беззаконие (Цицерон). Одновременно это эссе может быть полезно для того, чтобы прочувствовать все отличия российской государственной национальной политики от британского варианта. Это важно понять тем, кто бежит от русского мира, гарантирующего свободу развития, под англосаксонский протекторат, где торжество геноцида и грабежа прикрывается удобоваримыми поводами и легковесными объяснениями уже многие столетия во многих регионах планеты. ●

Картографический меч — бумажное оружие власти

В. В. Зайцев,
руководитель проекта «Руниверс»

История цивилизации — это история попыток упорядочить хаос. Мы привыкли искать причины войн и расцвета империй в экономике или религии, но часто упускаем из виду инструмент, превративший амбиции в реальность. Этот инструмент — карта. Она никогда не была пассивным зеркалом мира; она была и остаётся оружием, идеологическим манифестом и инструментом сотворения новой реальности.

Тирания плоского листа

В ноябре 1884 года в Берлине собрались представители четырнадцати государств. Перед ними на стене висела огромная пятиметровая карта Африки. На ней уже были нанесены реки Конго и Нигер, но огромные пространства внутри континента оставались девственно белыми. Дипломаты, многие из которых никогда не ступали на африканскую землю, вооружились карандашами и линейками. К концу конференции «белые пятна» были расчерчены на аккуратные геометрические фигуры.

Это событие вошло в историю как «Драка за Африку». Линии, проведённые по линейке сквозь пустыни, джунгли и ареалы обитания сотен племён, не учитывали ни рельефа, ни этнической логики. Они создавали новую реальность. Карта здесь не фиксировала границы — она их порождала. Именно в тот момент картография окончательно утвердилась как «меч» империи: прежде чем завоевать территорию физически, её нужно было завоевать на бумаге.

Инструментарий контроля

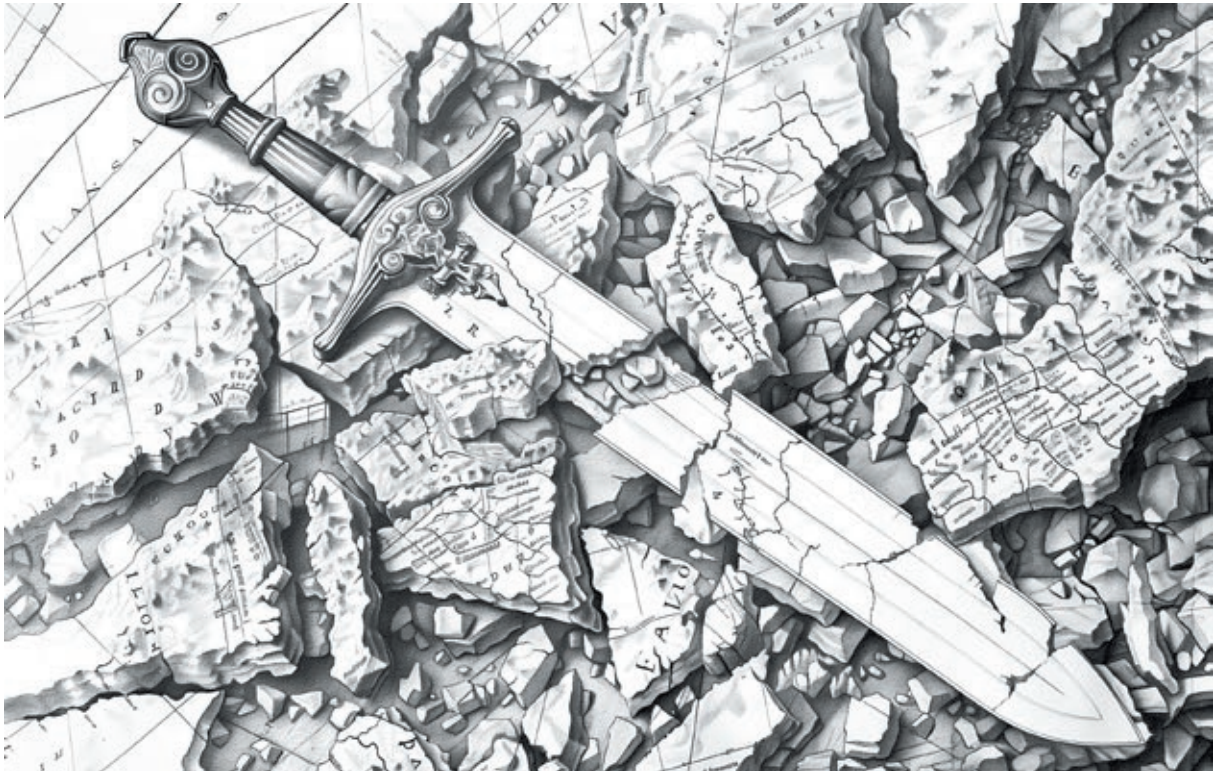
Любая крупная держава рано или поздно упирается в проблему масштаба. Как управлять тем, что ты не можешь охватить взглядом? Как взимать налоги с деревни, о существовании которой знаешь только по слухам? Ответ на этот вызов — «пространственная инвентаризация».

Семён Ремезов и «оприходование» Сибири. В российской истории ключевой фигурой этого перехода стал Семён Ремезов — «сибирский Леонардо». В конце XVII века он создал «Чертёжную книгу Сибири». До него сибирские земли описывались в «сказках» (устных отчётах) и примитивных схемах. Ремезов же попытался превратить бескрайний, пугающий восток в понятную систему координат.

Его карты были ещё далеки от математической точности — север на них мог быть внизу, а расстояния измерялись днями пути. Но важен был сам принцип: Ремезов наносил на бумагу не просто реки, а «ресурсы». Где добывают пушнину? Где живут «немирные» народы, а где — плательщики ясака? Карта стала фискальным инструментом. Когда Пётр I позже затребовал точные геодезические съёмки, он преследовал ту же цель: государство должно видеть страну как бухгалтерию, где каждый овраг имеет инвентарный номер.

Как карта «украдала» Францию. Европа шла тем же путём, но с математическим фанатизмом. Семья Кассини — четыре поколения выдающихся астрономов и геодезистов — потратила сто лет (с 1660-х по 1780-е), чтобы создать первую топографическую карту Франции, основанную на методе триангуляции.

Здесь проявился «человеческий фактор» картографии. Когда Людовик XV увидел первые результаты работы Кассини, он в ужасе

воскликнул: «Ваши измерения лишили меня значительной части моих владений!» Оказалось, что из-за уточнения координат реальная площадь Франции значительно меньше, чем считалось ранее. Точная карта нанесла королю удар более болезненный, чем проигранная война. Тем не менее, именно этот «чертёж» позволил Парижу превратить страну из лоскутного одеяла феодальных владений в единый административный механизм, где распоряжение из центра доходило до окраин по кратчайшей нанесённой на план дороге.

География как идеология: борьба за «правильный» центр мира

Карта никогда не бывает нейтральной. Она всегда отвечает на вопрос: «Кто здесь главный?» Выбор проекции, нулевого меридиана и даже названий городов — это способ утверждения иерархии.

Магия Меркатора и европейское превосходство. Самый известный пример картографической манипуляции — проекция Герарда Меркатора, созданная в 1569 году. Она была идеальной для навигации (прямые линии на карте соответствовали постоянному курсу корабля), но чудовищно искажала площади земель.

В этой проекции Европа кажется соразмерной Африке, а Гренландия — почти такой же большой, как Южная Америка. На самом же деле Африка в 14 раз больше Гренландии. Это визуальное искажение веками формировало «географическое подсознание» колониальных империй. Северные державы на карте выглядели огромными, массивными, «нависающими» над миром, что психологически оправдывало их право на господство. Когда в 1970-х годах немецкий историк Арно Петерс предложил проекцию с честным отображением площадей, это вызвало скандал: Запад не хотел видеть себя на бумаге маленьким полуостровом на краю огромного Глобального Юга.

Топонимический ластик

Власть над картой — это власть над именами. Переименование — это акт символического насилия. Когда Российская империя продвигалась в Крым, «Дикое поле» или Туркестан, старые названия заменялись на греко-славянские (Симферополь, Севастополь) или административно-нейтральные.

Яркий пример — советская топонимическая чехарда. Переименование Царицына в Сталинград, а затем в Волгоград — это не просто смена табличек. Это перепрошивка

Создатели: Французский гидрограф Жак-Николас Беллен (Jacques-Nicolas Bellin, 1703–1772). Гравировкой занимался мастер по имени Лоран (Laurent), чье имя указано в картуше.

Дата создания: Ориентировочно 1750 год.

Издание: Вклейка в энциклопедическое издание, 15-томный труд аббата Антуана-Франсуа Прево «Всеобщая история путешествий» (Histoire générale des Voyages), который издавался в Париже с 1746 года.

Исторический контекст («По русской карте»)

Ключевая надпись «d'après la Carte Russe» говорит о том, что европейская картография в этом регионе полностью зависела от русских открытий.

В 1738–1739 годах в рамках Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга отряды под командованием Мартына Шпанберга и Вилима Вальтона впервые прошли вдоль всей Курильской гряды вплоть до берегов Японии. Они нанесли острова на карту. Французские картографы (в частности, Беллен) скопировали эти данные через Петербургскую Академию наук, чтобы познакомить Европу с географией северной части Тихого океана.

Топонимика и лингвистические особенности

Карта интересна тем, что демонстрирует попытку французов адаптировать русские названия. Названия даются либо в прямой транслитерации, либо с французским переводом-дубликатом:

Калькирование: I. Berezowoi ou I. des Bouleaux (Березовый или Остров Берез); I. Zelenoi ou Isle Verte (Зеленый остров), на современных картах Итуруп.

Ошибки гравера: Например, вместо русского слова «Надежда», гравер вырезал «Nadegreda» (вероятно, неверно прочитав рукописный русский источник).

Русские термины: Французы оставили без перевода такие специфические слова, как Ostrog (Bolcheretskoï Ostrog — Большерецкий острог), Lopatka (Kourilaskaia Lopatka) и Sestra (Sestra ou la Sœur).

Классическая французская карта эпохи Просвещения, которая фиксирует момент передачи важнейших географических данных от Российской Империи (результаты Великой Северной экспедиции) в Западную Европу.

Более подробно можно посмотреть на сайте АНО «Руниверс»:

<https://runivers.ru/maps/geograficheskie/176040/>

Томе 18 in 8°. Page 32.

исторической памяти. Город на карте лишался своего купеческого прошлого, приобрел героический революционный смысл, а затем — послевоенный индустриальный статус. Тот, кто держит в руках карандаш картографа, обладает «правом ластика»: он может заставить целые народы и эпохи исчезнуть из официальной памяти, просто не указав их на обновленном листе.

Конструирование реальности: когда линия важнее жизни

В критической картографии есть парадоксальный тезис: «Карта предшествует территории». Это значит, что сначала возникает образ границы, и только потом люди начинают подстраивать под него свою жизнь, часто — ценой крови.

Человек, нарезавший Индию. В 1947 году британскому юристу Сирилу Рэдклиффу поручили невыполнимую задачу: за пять недель начертить границы между новыми независимыми государствами — Индией и Пакистаном. Рэдклифф никогда не был в Индии, не знал местных языков и специфики общин. Опасаясь влияния лоббистов, он почти не выходил из кабинета, работая с устаревшими картами и данными переписи населения.

Результатом стала «линия Рэдклиффа». Она прошла через деревни, рынки и даже частные дома. Около 14 миллионов человек внезапно обнаружили, что живут «не на той стороне». Начался хаос, приведший к гибели сотен тысяч людей. Рэдклифф, осознав масштаб содеянного, сжёг все свои записи, отказался от гонорара и навсегда покинул Индию. Его случай — квинтэссенция «трагедии линейки»: когда абстрактная геометрическая логика карты вступает в конфликт с живой тканью реальности, побеждает карта, но страдают люди.

Ферганская долина: советский пазл. Аналогичные процессы происходили в СССР в 1920-е годы при национально-территориальном размежевании. Границы республик Средней Азии чертились в Москве на основе тогдашних представлений об этнической справедливости и экономической целесообразности.

В Ферганской долине это привело к созданию сложнейшей системы анклавов: ку-

сочек Таджикистана внутри Киргизии, кусочек Узбекистана внутри Таджикистана. Пока СССР был единым, эти линии были лишь административными условностями. Но после 1991 года «бумажная реальность» стала государственной. Сегодня споры за доступ к воде или пастбищам в этих точках регулярно перерастают в вооружённые столкновения. Карта столетней давности продолжает диктовать сценарии современных войн.

Картографический аргумент

История Курильских островов наглядно показывает, как карта способна не только фиксировать политические притязания, но и превращаться в самостоятельный аргумент в международных спорах. Сегодня в японском дискурсе южная часть Курильской гряды представляется как «исконная территория Японии» (北方領土 — «Северные территории»), утраченная в 1945 году. Однако обращение к европейской картографии XVIII–XIX веков обнаруживает куда более сложную картину, в которой границы проводились совсем иначе.

Исторические границы. Изучение европейских атласов эпохи Просвещения преподносит сюрпризы, способные пошатнуть современные политические нарративы. После экспедиции Мартына Шпанберга (1738–1739 гг.), который первым из русских детально описал Курильскую гряду и достиг берегов Японии, эти данные стали основой для всей европейской географии.

На ряде французских и немецких карт конца XVIII века — например, в работах знаменитого Ригобера Бонне (главного гидрографа французского флота) или в немецких изданиях дома Хоманна — Курильский архипелаг последовательно окрашивался в те же цвета, что и Камчатка. Более того, на карте «L'Empire de Russie» 1780-х годов сфера российского влияния не обрывалась на проливе Лаперуза, а уходила значительно южнее.

Особенно примечательна немецкая карта Восточной Азии рубежа веков, созданная по следам трудов академика Петера Симона Палласа. На ней не только вся Курильская гряда, но и северо-восточное побережье острова Эдзо (современный Хоккайдо) включены в состав Российской империи. Географические объекты

на этом побережье — заливы и мысы — снабжены русскими названиями, заимствованными из отчётов мореплавателей. Для картографа того времени это было естественным: кто описал и нанёс на карту «белое пятно», тот и обладает на него приоритетным правом.

Право открытия против изоляции. Почему европейские наблюдатели столь единодушно фиксировали российское присутствие там, где сегодня оно оспаривается? Ответ кроется в правовых нормах того времени. В XVIII веке действовало «право первого открытия» и требование «эффективного владения».

Пока Япония находилась в состоянии жёсткой самоизоляции (сакоку), игнорируя внешние связи, российские мореплаватели, казаки и купцы активно осваивали фронт. Они вступали в торговые и дипломатические контакты с айнами (коренным населением островов), которые в глазах европейцев не были подданными японского сёгуна — самураи их просто истребляли как врагов. Для Парижа, Берлина или Лондона линия на карте фиксировала реальность: наличие русских зимовий, сбор ясака и отсутствие административного контроля со стороны Эдо.

Военная монополия: ложь как фактор обороны

В XX веке карта окончательно стала секретным оружием. В СССР создание точных карт было исключительной прерогативой военных.

Алгоритмический меч XXI века. Гражданские карты — те, что продавались в киосках «Союзпечати», — были продуктом сознательной дезинформации. На них намеренно искажались координаты береговых линий, «сдвигались» русла рек, исчезали целые заводы и научные посёлки. Существовал целый класс «закрытых городов» (ЗАТО), которых физически не существовало в официальном пространстве. Штурман иностранного самолёта или потенциальный диверсант, пользуясь такой картой, неизбежно совершил бы навигационную ошибку. В этой логике карта была не способом познания мира, а способом его сокрытия. Истинное знание о территории считалось такой же ценностью, как золотой запас или ядерные коды.

Казалось бы, в эпоху спутников и Google Maps картография стала объективной и доступной. Но это иллюзия. Картографический меч просто сменил сталь на кремний.

Цифровой суверенитет. Попробуйте зайти в Google Maps из России, а затем — из Украины. Вы увидите разные государственные границы. Технологические гиганты вынуждены подстраиваться под требования национальных законодательств, создавая «персонализированные реальности». Карта снова перестаёт быть единой для всех.

Власть алгоритма. Сегодня «пустые места» на карте — это не неизученные земли, а места, которые не индексируются поисковиками. Если вашего бизнеса нет на карте Google или «Яндекса», вы не существуете для экономики. Алгоритмы навигации диктуют нам, по каким улицам ехать, создавая пробки в одних местах и запуская в других. Мы доверяем «синей точке» на экране больше, чем собственным глазам.

Новая колонизация. Сбор данных через картографические приложения — это новая форма контроля. Тот, кто владеет информацией о перемещениях миллионов людей в реальном времени, обладает властью, о которой не могли мечтать ни Людовик XV, ни Семён Ремезов.

Ответственность созерцателя

История «картографического меча» учит нас одной важной вещи: любая карта — это всегда упрощение. Чтобы сделать мир управляемым, картограф должен отсеять «лишнее» — чувства, привязанности, нюансы истории.

Когда мы смотрим на карту, мы должны помнить: за каждой линией стоит чей-то интерес. За каждым аккуратным квадратом — чья-то разрушенная традиция или забытое имя. Тот, кто держит карандаш, рисует не только контуры материков, но и сценарии будущих конфликтов. Карта — это величайшее достижение человеческого разума, но это и напоминание о нашей склонности подчинять живое и непредсказуемое жёсткой и удобной схеме. И пока у нас в руках есть этот меч, мы должны пользоваться им с осторожностью хирурга, а не с азартом завоевателя. ●

Начало цивилизации иногда определяют, как приготовление пищи с помощью огня. Во всяком случае еду часто в анекдотах связывают с укладом жизни. Вот, например:

«Французский посол на одном из застолий у Александра III спрашивает:

– Ваше величество, это правда, что у вас в России гречку едят?

– Да, а что?

– А у нас во Франции эту гадость только скотине дают.

Александр III, почесав затылок, спрашивает у посла:

– Мосье, это правда, что у вас во Франции лягушек едят?

– Да, а что?

– А у нас в России эту гадость даже скотина не ест».

На самом деле во французской Бретани популярны тонкие блины из гречневой муки. А лягушек в России едят гуси. Увы, в советское время вкусная еда превратилась в привилегию. Простые граждане питались в общепите. Вот как о нем написал С. Довлатов: «Чем ни закусывай, тошнит всё равно винегретом». Но в нынешние времена в Москву ездят уже не за колбасой.

Русский винегрет

И. В. Писарский,
кандидат архитектуры (архитектурных наук)

*Скорей пойдёте, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет».*

Даниил Хармс

Винегрет — очень странное блюдо. Знакомый всем холодный салат, в котором соединены запечённые или отварные овощи: свёкла, картофель и морковь; сырой лук репчатый или зелёный; горошек консервированный; ферментированные квашеная капуста или солёные огурцы.

А можно добавить лесных грибов. Или килечку балтийскую, или астраханскую. Или по-

мидоры. И растительным маслом заправить пахучим, а?

Вспомним ещё, что во всём мире винегретом именуют французский соус из прованского масла и уксуса. И только у нас это что-то типа салата, а в разговорной речи зачастую ещё и метафора довольно беспорядочного смешения разнородных понятий и явлений: «Экий винегрет вы, ребята, здесь намешали». Намешали, да. Но ведь вкусно получается?

Русская гастрономия — тот же винегрет. В ней много чего намешано.

Страна — колоссальная территория, омываемая океанами и морями, обладающая огромным природно-климатическим разнообразием, вобравшая в себя и объединившая культурную традицию множества народов, конечно же, в смысле гастрономическом, пред-

ставляет собой и любопытный объект для изучения и классификации, и культурологический феномен, и пространство индивидуального чувственного опыта.

В отличие от американской концепции «плавильного котла», выдающего на раздаче универсальный гастрономический набор для универсального сплава наций, русский котелок варит долго, но в итоговом рационе отчетливо прослеживаются вкусы, традиции и кулинарные техники множества народов.

Кухня — истинное пространство мультикультурализма. Мы живем в стране, где любимым блюдом мужчин является шашлык (кавказский); семейным кругом собираемся за пловом (среднеазиатским); национальные символы — борщ (украинский) и пельмени (китайские).

Вечные разговоры о приоритете бессмысленны: по большому счету, например, бурятские буузы — лишь одна из бесчисленных модификаций пельменей, мантов, хинкали, ravioli, креплах, гёдза и прочих вариантов фарша, завернутого в тесто.

При этом во избежание споров (а нет холиваров более кровавых и беспощадных, нежели на многочисленных площадках по обсуждению кулинарных вопросов и рецептов) сле-

дует сразу оговориться, что национальные и региональные привязки тех или иных вышеуказанных блюд весьма условны. Ибо, как сказал мне один из именитых шеф-поваров в беседе: «Вы что, действительно полагаете, что человечество настолько глупо, что в истории народов только китайцы смогли додуматься до того, чтобы отварить тесто, положив в него нарубленное мясо?»

Но, в конце концов, даже если согласиться с тем, что пельмени придуманы китайцами, то морозить-то их и использовать в качестве продукта длительного хранения в условиях долгой зимы — это точно российское ноу-хау.

Русский гастрономический «винегрет» вбирает в себя национальные кухни зачастую без какой-либо адаптации. Причина? Наличие зажиточной диаспоры.

Где лучшие грузинские, армянские, азербайджанские, среднеазиатские рестораны? На каких рынках находят спрос сезонные национальные специалитеты?

Конечно же, здесь, в России.

Ну очень не хотелось моему товарищу из Тбилиси, знатоку и гурману, признавать, что хинкали в одном из московских заведений,

куда я его зазвал, лучше, чем не только в Тбилиси, но и в Пасанаури — родине хинкали.

Я съел пять хинкали.

Резо — десять.

— Резо, скажи, только честно: ну ведь лучшие хинкали здесь, а?

— Достойные, — ответил мой друг после долгой паузы, воздев палец вверх.

К примеру, самаркандцы рекомендуют есть правильный плов с бараниной в Москве.

А лучшее из известных мне мест среднеазиатской кухни располагалось... в итальянском ресторане одного из московских бизнес-центров.

Почему?

Потому что именно там находился офис компании, в которой трудилось немало вполне обеспеченных едоков и ценителей узбекской еды.

А куда устремлены национальные поварские кадры?

Расскажу историю. Меня попросили в своё время подумать над концепцией флагманского ресторана легендарного московского отеля «Метрополь». Отель исторический, и ресторан должен быть с отсылкой к исторической традиции. Разумеется, русской. А ресторан — это прежде всего шеф-повар. Приглашать на эту

позицию заслуженного француза, итальянца, американца или австралийца глуповато.

Выбирать из относительно немногочисленного на тот период перечня опытных российских шефов с глубоким знанием тенденций международной гастрономии — рискованно.

И я поехал на поиски шефа в Прибалтику.

И вот Андрей Шмаков, шеф ресторана SAVVA и бренд-шеф отеля «Метрополь», обладатель титула «Лучший шеф России» и многих международных наград, двенадцатый год успешно руководит вверенным ему серьёзным гастрономическим хозяйством в Москве. Эстонец с русскими корнями, с пониманием северной «нордической» кухни на кончиках пальцев. Прижился и стал москвичом, не разочаровавшись в шпротах, кильке и литовском свекольном супе — «холоднике».

Сегодня регионы борются между собой за неформальное звание «гастрономической столицы России». Закономерное лидерство Москвы, объясняемое наличием платёжеспособного спроса, сначала оспорил Санкт-Петербург, затем потеснил Красноярск, в котором на базе Сибирского госуниверситета открылась высшая гастрономическая школа по лучшим международным стандартам. Конку-

ренцию составляют и Казань, и Калининград, и Владивосток.

Регионы быстро поняли, что гастрономия — фактор туристической привлекательности, повышения самооценки и уровня лояльности местного населения. Это значимый и эффективный инструмент социальной архитектуры. Гастрономические фестивали, возрождение национальных блюд, гастротуры, ориентированные на экономику впечатлений и «познание региона через вкус», быстро набирают популярность.

В России сегодня, пожалуй, не найдётся ни одного крупного города, в котором бы не было ресторана, позиционирующего себя как региональный «fine dining» — высокую кухню, основанную на локальных продуктах, сезонности и национальных техниках.

Но гастрономия не ограничивается ресторанами — для многих кулинария становится социальным фактором, существенно более объёмным, нежели просто приготовление блюд в домашних условиях. В значительной степени этому способствовал опыт пандемии, когда домашняя готовка стала одной из отдушин, позволяющих вернуть жизни опыт «нормальности».

Гастрономическое любопытство в сочетании с относительно простой логистикой и современными пищевыми технологиями упаковки и заморозки позволяет блюдам и продуктам, которые раньше были чисто локальными, завоевывать новые аудитории.

Для большинства россиян осетинские пироги, камчатский гребешок, якутская рыба или башкирский мёд — уже не экзотическая диковинка.

Кстати, одна из наиболее передовых технологий заморозки продуктов и блюд, позволяющих хранить и транспортировать их без потери качества, — так называемое акустическое замораживание АЕФ — отечественное изобретение.

Дореволюционная кухня Государства Российского представляла собой довольно сложный конгломерат собственно русской гастрономической культуры, иностранного (преимущественно французского) влияния и суммы влияний национальных кухонь: северной/сибирской, кавказской, среднеазиатской. Вершиной гастропирамиды были довольно под-

робно описанные и зафиксированные в рецептах и меню парадные царские обеды (они задавали тон) и питание знати и купечества.

Помните «Анну Каренину» — знаменитую сцену обеда в роскошном ресторане гостиницы «Англия», куда модник и франкофил Стива Облонский пригласил помещика, человека земли Константина Лёвина? Яркая иллюстрация сочетания «французского с нижегородским»:

— Так что ж, не начать ли с устриц, а потом уж и весь план изменить? А?

— Мне всё равно. Мне лучше всего щи и каша; но ведь здесь этого нет.

— Каша а-ля рюс, прикажете? — сказал татарин, как няня над ребёнком, нагибаясь над Лёвиным.

Это обед высшего дворянства — по соседству «в отдельном кабинете князь Голицын с дамой». Далее располагались «столы» попроще, вплоть до беднейшего пролетариата и крестьянства. В целом эта конструкция держалась на национально-культурной и религиозной традиции, природно-климатических особенностях и изменяемых факторах, которые приносили новые технологии, мода и бытовой уклад.

Вместе со страной отечественная кухня пережила колоссальные потрясения в первой четверти XX века.

Вся её сложность, разнообразие и продуктовая база были сметены революциями и последующей разрухой. На месте «большой национальной кухни» возник вынужденный гастрономический инвалид — кухня советская.

Впрочем, именно на этом довольно скудном, но родном и привычном для большинства из нас рационе мы выросли. А значит, именно эти ностальгические предпочтения детства, сколь бы лапидарны по сравнению с сегодняшними возможностями они ни были, будут определять наши индивидуальные вкусы и впредь.

Как и всякая культурная конструкция, гастрономия изменчива и зависит от многих факторов. Прежде всего, конечно, экономических — разнообразие рациона идёт рука об руку с благосостоянием.

Даже в рамках довольно монолитного и герметичного СССР выход микояновской

«Книги о вкусной и здоровой пище» (у кого в семейной библиотеке не было одного из переизданий этого труда?) знаменовал собой серьёзный перелом.

Однако не только экономика определяет гастрономические предпочтения, но и культурное влияние.

Перестройка, открытие границ, вождельные образцы «общества потребления» не могли не сказаться на рационе россиян. К началу XXI века сложилась уникальная ситуация: Москва была единственной мировой столицей, в которой количество ресторанов национальной кухни можно было пересчитать по пальцам одной руки. В регионах ситуация была аналогичной.

Серьёзная смена вех произошла после 2014 года. Санкции «способствовали много к украшенью». Сошлись три фактора:

— Вынужденное ускоренное развитие собственного сельского хозяйства и фермерства из-за введения продуктовых санкций.

— Формирование в России статистически заметной социальной группы — гастрономически искушенной публики, поездившей по миру, попробовавшей всякое и уставшей от стандартного «премиального» ресторанного набора: суши, пасты и стейков.

— Появление плеяды молодых российских шефов, получивших международное образование и опыт работы в лучших ресторанах мира, готовых к реализации креативного потенциала и желающих работать в России.

То, что обеспеченные москвичи и петербуржцы ели в ресторанах, а значит, то, что так или иначе постепенно переключивало в журналы, на телевидение и в социальные сети, уже нельзя было отнести ни к советской, ни к аристократической русской, ни тем более к традиционной крестьянской национальной кухне.

Это была какая-то новая кухня, еще не поименованная, не описанная, но обладающая все более проявляющейся идентичностью.

Ее основой служили прежние русско-советские образцы, обогащенные современными кулинарными техниками, заметно растущим разнообразием фермерских продуктов, принципами сезонности, экологичности и ответственного потребления.

Тогда, в 2016 году, мы с фотографом Игорем Ганжой задумали и выпустили книгу об этом феномене — «Герои новой русской кухни».

Шеф-повара впервые предстали не «придатком плиты», а героями культурного пространства.

Как бы «героичны» ни были наши герои, они оставались плотью от плоти долгой гастрономической традиции. Как говорится, «у всякого великого шефа была бабушка, которая его всему научила».

Да, речь шла преимущественно о премиальной ресторанной кухне столиц, предназначенной для весьма узкой прослойки обеспеченных россиян. Но так же как выставочные образцы одежды haute couture задают тенденцию prêt-à-porter, авторские блюда haute cuisine (высокой кухни) в значительной степени определяют стиль потребительского поведения масс.

Развитие соцсетей и медиа, изменение конфигурации информационного пространства, появление гражданской журналистики и блогерства заметно катализируют эти процессы.

Удачное культурное приобретение в сочетании с грамотным маркетингом имеет шанс на экспансию. Прежде всего благодаря фактору моды. В данном случае — моды гастрономической.

Мир постепенно узнавал русскую гастрономическую палитру: не только чёрную икру и водку, но и гречку со свёклой; не только вечные туристические borsch и ensalada rusa — вариации на тему оливье, но и кулебяки, блюда из ферментированных продуктов, северную рыбу. «Новая русская кухня» обретала популярность: российские шефы становились желанными гостями на самых престижных международных фестивалях; присутствие московских, а за ними и петербургских ресторанов в мировых рейтингах воспринималось чуть ли не как «низкий старт» для последующего рывка.

В Россию пришли самые престижные международные гастрономические гиды и путеводители. Последним благодаря усилиям команды Собянина стал гид «Мишлен».

За последние сорок лет в мире последовательно сменялась мода на молекулярную, затем на скандинавскую (нордическую), затем

на перуанскую кухню, и, честно говоря, затеяв в 2016 году свой труд по «новой русской кухне», я надеялся, что на следующем витке российская кухня в её современном изводе займёт место на пьедестале.

Не случилось.

И, что лишний раз подтверждает тезис о том, что национальная гастрономия — неотъемлемая часть национальной культуры, русская кухня подверглась ровно таким же гонениям, как и русская культура в целом.

Нас исключили из рейтингов, перестали приглашать на мероприятия, «Мишлен» ушёл, не попрощавшись.

Временами доходит до смешного. Скажем, одно из любимейших блюд моднейшей перуанской кухни — севиче, быстро маринованная сырая рыба. В российской северной кухне есть два блюда, практически аналогичные севиче: сугудай и якутский салат «Индибирка» из свежемороженой рыбы. Так вот, в 2023 году салат «Индибирка» уверенно первенствовал в международном рейтинге «самых отвратительных блюд мира».

Как и любая проблема общественного дискурса, гастрономия — территория идеологического противостояния. Возможно, звучит конспирологически, но легко проверяется.

Попробуйте ввести в любой поисковик, даже отечественный, примерно такой запрос: «Люди получают удовольствие от еды». Алгоритмы мгновенно выдадут вам тысячи картинок с отдельными прекрасными людьми и большими счастливыми смеющимися компаниями. Они едят пиццу, бургеры, суши, стейки.

Но вы там не обнаружите изображений людей, получающих удовольствие от употребления пельменей, щей, каш.

На протяжении нескольких лет я вхожу в жюри крупнейшей российской гастрономической премии *Where to Eat* (именно так, а не «Где поесть»). И всякий год жду, когда же в списке десяти лучших ресторанов России, который формируется на основании опросов экспертов, появится хоть один с названием на русском языке.

Нет такого. Все на английском или транслитом.

Видимо, время еще не пришло.

Тем не менее с точки зрения «дружбы народов» гастрономия всегда была территорией заимствований и адаптаций. Миру, конечно, известны случаи тотального поглощения национальных кухонь международным мейнстримом — целые страны переходят на уни-

версальный американизированный фастфуд. Но речь в основном о тех странах, где национальной гастрономической культуры, по сути, не существовало — это беднейшие регионы Африки, Юго-Восточной Азии. В остальных местах (и в России тоже) национальные кухни, пережив период международной гастроинтервенции, сохраняют самоидентификацию, по крайней мере на уровне домашнего питания.

По данным служб доставки, среди самых популярных у российских потребителей готовых блюд — борщ и куриный суп-лапша, салат оливье и селёдка под шубой, сырники и котлеты. Хотя часто заказывают и плов, и круассаны, и азиатскую лапшу.

Россияне, даже самые гастрономически неискущённые, не переходят тотально на быстроразогреваемые азиатские супы, не готовят постоянно дома пасты или бургеры.

Показатель «класса» — праздничный домашний стол, допустим, новогодний — целиком традиционный, российский. Значит, позиции удерживаем.

А на чём держится самобытность любой региональной кухни, неважно, говорим ли мы о Дагестане, Калининграде или Хабаровске?

На локальных продуктах — специалитетах.

Наличие местного уникального продукта — залог своеобразия.

Его отсутствие ведёт к неизбежному заимствованию, чаще всего не лучших образцов.

Таких продуктов-специалитетов в России множество благодаря природно-климатическому разнообразию и культурно-гастрономическим национальным традициям. Но вот осведомлённость о них россиян по-прежнему крайне низка.

Я примерно представляю себе читательскую аудиторию этого журнала. Спросите себя, искущённые образованные люди: сколько национальных российских деликатесов — автохтонов вы сможете перечислить? Чем уникальна гастрономическая карта России?

Предполагаю, что большинство запнётся примерно на пятом-шестом пункте. А их десятки, если не сотни.

А при чём тут государство? Казалось бы, в отношении гастрономии государству следует

обеспечить недорогую, приемлемую по качеству потребительскую продуктовую корзину, регулировать конкуренцию, создать условия для развития бизнеса и отойти в сторону.

Это ошибка.

Британский писатель Нил Гейман как-то заметил: цивилизацию от варварства отделяют 24 часа и два приёма пищи.

Гастрономия — важная часть национальной культуры и способ самоидентификации.

Гастрономия — территория общих смыслов: за столом не воюют, преломив хлеб, не противостоят.

Гастрономия — это инструмент социальной архитектуры, событийная основа длительных, повторяемых, социально одобряемых проектов.

Предложить государству дистанцироваться от гастрономии — примерно то же, что предложить ему отстраниться от культуры вообще.

А чему следует в таком случае противостоять и что поддерживать?

Противостоять необходимо вышеописанным тенденциям выхолащивания национальной гастрономической культуры.

Кстати, чуть ли не первый шаг в этом направлении — создание недавно в недрах Минпромторга рабочей группы по выработке стандартов и популяризации русской кухни — было встречено гастрономическим сообществом аплодисментами.

Поддерживать следует:

- фермеров и промыслы (а не рестораны) как гарантов сохранения национального гастрономического своеобразия;
- просвещение и внутренний туризм;
- русскую гастрономию как предмет культурной экспансии на международном уровне.

Много чего намешано в русском гастрономическом винегрете.

Впрочем, как и в России в целом.

Неожиданные сочетания.

Неочевидные вкусы.

Сложные комбинации.

Но умещается в большой салатнице, радуется глаз, живет.

Приятного аппетита. ●

Музон vs Музыка: звуковое давление в России

Т. Л. Пырова,
кандидат философских наук

Повседневность — это социальная стихия, которая редко бывает до конца осознана современником любого исторического пласта. Человек обыкновенно поглощён чем-то другим: карьерой или выживанием, счастьем или драмой родственных отношений, большими политическими новостями и поворотами судьбы своей страны и нации. Он занят своим микромиром и в то же время масштабными нарративами эпохи, но одновременно вокруг него и — что намного важнее — на него действует та рутинная вроде бы среда, в которой он привык находиться. Повседневность ускользает от нас, поскольку её восприятие кажется бесполезным делом: вот ещё один дом, ещё одна вывеска, знакомые лица — и, находясь в гуще «обычного», человек перестаёт быть наблюдателем, утрачивает критическую дистанцию по отно-

шению к миру и, значит, становится уязвимым перед ним, поскольку этот привычный мир на самом деле влияет на него намного больше, чем громкие новости. Одним из лидеров этого незаметного, но фундаментального влияния является музыка.

Но для начала — короткая история.

Как-то раз, находясь в одном из наших региональных центров, мои друзья столкнулись с тем, что в отеле — новом и прекрасном — было невозможно заснуть, хотя время было уже позднее и тишина как будто бы предполагалась даже и по закону. Но не тут-то было. Откуда-то с нарастающей шумовой яростью неслись звуки буквально дискотеки. Сначала казалось, что это специфическое веселье происходит где-то в гостинице, но и в коридоре, и в лобби был образцовый порядок. Они вышли во двор, но и там никого не было. Пришлось пойти дальше, выйти на улицу — и, следуя за звуком, пойти дальше, дальше, свернуть за угол и

оказаться уже во дворе на соседней улице, где и правда обнаружился ночной клуб с открытыми нараспашку дверями, из глубины которого неся типичный «бум-бум». Время, повторюсь, снабжало их законными правами — было уже сильно больше двенадцати. Когда-то давно, скажем, в девяностые, идти в этот клуб и искать там правду было бы делом небезопасным, но теперь мы живем в социуме намного более упорядоченном (и, увы, недостаточно это ценим) — и потому они решительно отправились за менеджером навстречу источнику дикого звука. Менеджер быстро нашелся — и, как ни странно, совершенно не сопротивлялся инициативе выйти вместе с ними из его заведения, уйти на другую улицу, подойти к их отелю, встать там — и послушать, что доносится оттуда сюда. И, что еще удивительнее, он совершенно не собирался с ними спорить.

— И правда, шумно, — задумчиво сказал он, глядя на них так, будто они преподнесли ему какой-то внезапный парадокс, скажем, продемонстрировали небо неправильного цвета.

А дальше он произнес фразу, которую можно посчитать даже трогательной.

— Знаете, — сообщил он, — мы двенадцать лет работаем, и никто не жаловался!

В этой фразе — вся неосознанная, скрытая драма звука в России.

Проблема в том, что в России шумно.

Но ещё большая проблема в том, что этот шум так прижился, сделался таким естественным и неизбежным в нашей повседневности, что он даже не воспринимается как социальная опасность, и только некоторые люди (которые наверняка кажутся другим «капризными») проявляют недовольство, находясь в плену этого постоянного акустического давления.

Вспомним некоторые примеры из нашего быта.

Вы садитесь в такси — и очень часто выясняется, что водитель предпочитает ездить под такой оглушительный рёв, что непонятно, как он вообще ещё хоть что-то соображает. Приходится просить выключить или хотя бы сделать потише — и это, между прочим, при том, что буквально за несколько секунд он мог бы выбрать радиостанцию, где транслируют что-то не слишком громкое, не слишком «долбящее». И всё же он привык к тому, что радио должно играть именно так: «бум-бум-бум».

Вы заходите в кафе — и, опять-таки, регулярно сталкиваетесь с тем, что не можете поговорить со своим собеседником, потому что не слышите друг друга. А когда вы просите официанта приглушить звук, он — если будет в настроении — расскажет вам, что такова установка заведения (взявшаяся неизвестно откуда), и состоит она в том, что посетители не должны слышать голоса за соседним столиком (что, впрочем, приводит к тому, что невозможными становятся и разговоры за своим столиком, но для многих это не проблема, так как люди молчат).

Вы приезжаете куда-то на природу, но не в глухую тайгу, а туда, где есть и другие люди. Это берег реки или озера, любая туристическая локация, а уж если там работает хоть какое-нибудь заведение для отдыхающих — или даже если его нет, но сидят большие компании, припаркованы автомобили... Что вас встретит? Разумеется, вас встретит «музон».

А если выходные? Праздники? Лето? День рождения?

В таком случае грохот вам гарантирован.

И каждый раз хочется сказать этим милым людям что-то недоуменно-возмущённое.

Ну неужели вам не хочется посидеть в тишине, посмотреть на воду?

Послушать птиц или скрип сосен?

Тихо поболтать друг с другом?

Или, может быть, просто спокойно подумать о чем-то, когда никто не мешает?

Нет, не хочется.

Люди усвоили, что сама идея «отдыха», пребывания в каком-то неформальном общественном пространстве, в компании, связана с громкой музыкой — и не только громкой, но и однообразной. Ведь можно же представить себе и мощный звук, такой ритмичный и разнообразный, что он увлечет за собой хоть немощного, но нет: это именно монотонный бессмысленный фон, отравляющий сознание человека.

И, разумеется, этому человеку некогда и незачем задумываться о том, какое разрушительное влияние оказывает «музон» на социальную атмосферу.

Прежде всего, исключительное значение в обществе имеют доверие между людьми и развитость коммуникаций. Но для установления доверия необходимо общение. Именно общение, не обремененное утилитарной целью решения определенной проблемы; общение как форма игры, где каждый человек выносит за скобки свои социально-экономические ранги, сокращает дистанцию и формирует это доверие через эффект равенства, близости и понимания. Для того чтобы организовать такое общение, нам необходимо пространство, где возможно услышать другого.

Но вы не слышите другого. Все забивает звук. Люди порой не умеют, не решаются говорить друг с другом, не находят правильных слов — и вот вместо того чтобы пытаться и учиться это делать, они компенсируют молчание грохотом. Более того, тупой громкий звук создает ситуацию, в которой агрессия становится уместной, как будто естественной. Более того, этот звуковой террор довершает картину и без того серьезной проблемы — глобальной проблемы, заметим, — атомизации человека в мегаполисе, где вместо того чтобы почувствовать себя активным участником конструктивного сообщества, человек ощущает себя песчинкой в чужом и враждебном потоке толпы. И чтобы защититься от этого потока, он еще сильнее усиливает стену звука, закрываясь ею от внешнего мира.

Но всё взаимосвязано: и большие сюжеты отношений государства и общества, государства и человека скреплены в повседневности множеством мини-ритуалов и бытовых прак-

тик, формирующих нашу картину реальности. И получается так, что многолетний опыт встраивания своего сознания в грохот приводит к тому, что у человека просто не оказывается внятного способа выразить свои чувства и интересы, наладить коммуникацию — пусть сначала с соседом, прохожим или знакомым, но затем и с целыми социальными группами.

Постоянный шум, отучающий думать и формулировать, выражать и объяснять, рождает гражданскую немоту. Возможно, этот вывод покажется чрезмерным. Но давайте вспомним о том фундаментальном влиянии, которое музыка оказывает на нас. Музыка воздействует на человека сознательно и подсознательно сразу на трёх уровнях: физическом, социокультурном и психологическом. В этом участвуют все музыкальные составляющие: аккорды, мелодия, ритм, интонации и другие. С рождения мы воспринимаем музыку как приятную или неприятную ещё до культурной социализации. Музыкальный ритм действует на наше тело таким образом, что мы непроизвольно приводим его в движение. Далее нас пронизывает культурный контекст, в котором мы выросли. Мы начинаем воспринимать музыку через характерное звучание нашей культуры, тембры отдельных музыкальных инструментов нашей местности. С точки зрения социологии искусства, мы выстраиваем наше отношение к музыке через категорию вкуса, характерную для нашего окружения. Также мы выбираем музыку по настроению: печаль — блюз, гнев — рэп, гордость — гимн и так далее. Каждый из нас индивидуально воспринимает музыку, опираясь на своё эмоциональное состояние.

Музыка обладает рядом отчётливых социальных функций, а именно включения в социальную группу и исключения из неё. В общественных пространствах музыка может усилить эффект исключения, заставляя человека чувствовать себя не в своей тарелке.

Нам приятна музыка как элемент ностальгии и любви к привычному. Поэтому музыку зачастую связывают с определёнными поколениями, пережившими под её звучание основные вехи инициации. Заостряя, можно сказать, что существует музыкальный и,

шире, шумовой аспект в самом разделении общества на богатых и бедных, более или менее социально успешных. Дело в том, что в существующей конструкции общества «тишина» как фоновый статус-кво — или, если угодно, наличие в качестве сопровождения тихой, успокаивающей музыки, настраивающей человека на размышления или осмысленный разговор, — это культурные установки, символически закреплённые как признаки мира «успешных». В лобби пятизвёздочного отеля или в московских заведениях уровня «Кофемании» вы никогда не столкнётесь с грохотом, который будет мешать вашей коммуникации. Вы услышите джаз или конвенционально признанную уместной академическую музыку, возможно, какие-то «мягкие» поп-песни, но не более. Зато когда вы спускаетесь экономически «этажом ниже», вас встречает всё тот же одуряющий шум. Таким образом, выстраивается чёткая иерархия: чем беднее, тем громче, а «деньги любят тишину». Благополучие равно праву побыть в состоянии эмоционального комфорта со своими мыслями или собеседником — или, слушая музыку, хоть сколько-нибудь культурно обогатить себя, тогда как социально-экономическое неблагополучие почему-то приучает (кто и как выстроил эти конвенции — вопрос, выходящий за рамки нашей нынешней темы) забивать своё сознание звуковым мусором. Очевидно, что эта драматическая (хоть и незаметная для многих, если возвращаться к началу наших рассуждений) ситуация нуждается в исправлении.

Стоит вспомнить о том, что музыка в культурно-политической истории часто играла существенную роль и, если угодно, организовывала вокруг себя общество наряду с другими распространёнными в определённом контексте формами массового или публичного искусства.

По сути, она не раз использовалась как важный инструмент консолидации, построения коллективной идентичности. Мы же помним, что именно музыка — универсальный художественный язык, не требующий предварительной начитанности или насмотренности, в отличие от других, более труднодоступных художественных практик. Музыка переплетается с состоянием «пафоса», определение ко-

торого великий советский режиссёр Сергей Эйзенштейн заимствует из античной философской традиции. Под пафосом он предлагает понимать следующее:

«Определённое состояние экзальтации, нервного возбуждения, экстатического состояния — как хотите назовите. Состояние это само по себе, по самой психологической природе своей безобразно. Точнее сказать, что состояние это — предобразно. [...] выход из понятия — выход из представления — выход из образа — выход из сфер каких бы то ни было рудиментов сознания в сферу „чистого“ аффекта, чувства, ощущения, „состояния“».

И музыка играет здесь ключевую роль. Через неё можно управлять этим тонким состоянием. В античной традиции пафосу противопоставляется этос — его можно представить как баланс, из которого проистекают ясное мышление и эффективное действие. Состояние пафоса активно использовалось в советском проекте создания «нового человека». Сходные большие идейные надежды на музыку возлагало движение за права чернокожего населения Америки в 1960–1970-е годы. Во времена идейной борьбы за то, какой будет «афроамериканская» идентичность, встал вопрос о формировании нового образа свободного чернокожего гражданина.

Или, если уйти чуть дальше в прошлое, одна из первых попыток использовать музыку для выстраивания социума связана с орденом иезуитов во время катехизации Латинской Америки в XVI веке. Иезуитам нужно было создать доверительную коммуникацию с местным населением, чей язык они не понимали. Иезуиты быстро обнаружили, что музыка привлекает внимание индейцев и помогает установить мирные отношения. Пение катехизиса на местном языке, положенное на мелодии, знакомые индейцам, облегчало запоминание и делало обучение более привлекательным, особенно для детей. Музыка становится метафизическим пространством для взаимодействия представителей разных культур — или, если в рамках одной культуры, разных социально-экономических классов. И не случайно в работе «Неравнодушная природа» Сергей Эйзенштейн цитирует учение Игнатия Лойолы. В ситуации многообразия языков музыка становится посредником, универсальным

чувственным языком и может помочь в установлении прочной эмоциональной связи.

Музыка особенно важна своей уникальной прямой связью с нашими эмоциями. Для каждой культурной эпохи характерны свои эмоциональные конвенции. Если вернуться к советскому периоду, то это было веселье, пропагандируемое большим количеством популярных маршей 1930-х годов. В одном из них сама песня позиционируется как необходимый спутник советского человека, помогающий «комсомольскому племени» в его борьбе и «завоеваниях пространства и времени»:

*Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда.
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.*

*(«Марш весёлых ребят»,
музыка И. Дунаевского,
слова В. Лебедева-Кумача, 1934 г.)*

В советской музыкальной практике марши создавались почти для каждого вида человеческой деятельности: военные, пионерские, спортивные, героические, «Марш энтузиастов» и другие. Марши воспитывали патриотизм, преданность партии и готовность к труду и обороне. Звучание марша на параде или демонстрации создавало чувство единения. Таким образом, мы можем говорить сразу о нескольких функциях, реализуемых этим жанром: церемониальной (ритуальной), консолидирующей, воспитательной, эстетической. Последнюю следует понимать в самом широком смысле чувственного опыта, согласно Л. Н. Толстому: «Всякое произведение искусства делает то, что воспринимающий вступает в известного рода общение с производившим или производящим искусство и со всеми теми, которые одновременно с ним, прежде или после его восприняли или воспримут то же художественное впечатление» («Что такое искусство?»). Безусловно, советские марши стали значимым культурным явлением, закрепившимся в нашем культурном коде. Однако сегодня мысль об использовании маршей для социально-культурной консолидации показалась бы нам странной.

Заметим попутно, что в России проживают 194 народа, и это соседство — важнейшая особенность нашей уникальной внутренней

культуры. При таком многообразии локальных культур музыка становится универсальным языком повседневности, закрепляющим эмоциональное переживание, которое её сопровождает. Если вспоминать особые даты, нас по-прежнему объединяет гимн России, исполняемый после новогоднего обращения президента и вызывающий чувство гордости и надежду на счастливое будущее. Нас объединяет песня «День Победы» в великий праздник 9 Мая в едином грустном и радостном порыве.

В поддержании единства народов важна повседневность, и в том числе повседневность музыкальная, часто незаметная, как было сказано выше. Музыка, проникающая в нас порой помимо нашей воли. Здесь важно учесть многообразие локальных звучаний, привычных уху представителей отдельных традиций. И есть примеры удачного синтеза разных музыкальных традиций — так, например, популярная песня «Ой, Дуся, ой, Маруся» фолк-группы «Отава Ё» показывает, как можно гармонично соединить русские народные мотивы и кавказскую лезгинку. Так переплетается влияние традиций разных уголков нашей Родины. Через воспитание музыкальной культуры возможно прививать уважение к локальной культуре, а из локальных культур — собирать одну великую культуру нашей большой страны.

Захватившие власть в 1990-х годах в Грозном террористы запретили исполнять и слушать песни. Музыкальное вещание фактически прекратилось, ретрансляторы не работали, наступила тишина... В ответ возник громадный «кассетный» рынок — музыку слушали в автомобилях, хотя это и считалось «харамом». А полное освобождение от ваххабитского декаданса многие жители Чечни связывают с началом ретрансляции музыкальной радиостанции «Милицейская волна» в республике в 2004 году. Мне рассказывали коллеги, установившие передатчик на горе Ястребиной под Ханкалой, что неожиданно для них самих песни на русском языке зазвучали повсюду и буквально поменяли настроение людей.

Итак, мы понимаем, что для создания новой, более гармоничной, благоприятствующей как развитию отдельного человека, так и конструктивности общественно-государственных связей социальной архитектуры было бы полезно изменить звуковой фон страны.

Разумеется, мы живем не в суровые 1930-е, когда каждую деталь жизни людей предполагалось поставить под контроль государства. Сейчас нужно действовать более тонкими методами: скорее предлагать и увлекать, чем безальтернативно навязывать.

И тем не менее государственная музыкальная политика возможна. Нам нужно поощрение людей, поощрение всевозможных общественных структур, действующих в пространстве нашей повседневности, к тому, чтобы знакомить российского гражданина — и не только «успешного», но и любого — с тем лучшим, что есть и в музыкальной истории России, и в музыкальных традициях всего мира, — чтобы у одуряющего «бум-бум» возникла массово распространенная и государственно одобряемая альтернатива (разнообразная альтернатива, заметим).

В рамках такого предложения, такого обновления музыкального пейзажа должны чаще звучать и академическая музыка (по крайней мере, в той ее части, которая представляется доступной для неподготовленного слушателя), и джаз, и, конечно же, русский фольклор, который малоизвестен в России, за исключением тех его немногочислен-

ных образцов, что давно и прочно вошли в поп-культуру.

Задача постепенно отучить людей от существования в условиях звукового давления, разнообразить их вкус, создать для них возможность выбора, образовать в их повседневности саму способность больше времени проводить в спокойном общении, лучше налаживать социальные связи и поддерживать беседу, словом, эстетически, а затем и граждански развивать их — реалистична, несмотря на то, что такие формулировки могут показаться несколько утопическими.

Мы знаем, что за последние двадцать пять лет Россия достигла внушительного прогресса в целом ряде социальных практик, прямо влияющих на нашу жизнь. Исчезла устойчивая когда-то проекция «криминальной страны» — и возникла радикально иная атмосфера в смысле повседневной безопасности людей. Резко снизился уровень потребления алкоголя — и, более того, ушел многовековой шаблон «страны алкоголизма», а «человек с бутылкой» превратился из неизбежной и всеобщей рутины в отдаленную экзотику. Исчез и стереотип, связанный с плохими дорогами и транспортной недоступностью — мы привыкли к комфорту перемещения на многих внутренних маршрутах.

Кроме того, сама лояльность людей по отношению к общественному пейзажу резко пошла вверх, что нетрудно заметить на примере прохожих, дисциплинированно стоящих перед светофором без всякого внешнего контроля, и автомобилей, тормозящих перед пешеходом без всякого возмущения. Иными словами, наша повседневность активно трансформируется — в том числе и в тех сферах, где культурное поле, казалось, уже навсегда зацементировало негативные представления о нашем коллективном существовании.

И, как представляется, наступает то время, когда можно было бы дать какой-то государственный старт возможному проекту музыкального просвещения — и, шире, музыкального умиротворения. Приобщения людей к звуку не как к среде агрессивного давления на психику, но как к форме общественного саморазвития. И такая инициатива, несмотря на её, казалось бы, удалённость от политической повестки, может заметно помочь общему изменению нашей социальной архитектуры к лучшему. ●

ПРОГРАММА ДЛЯ БУДУЩИХ
ЛИДЕРОВ СИЛЬНОЙ
И НЕЗАВИСИМОЙ РОССИИ

2

КВАЛИФИКАЦИИ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»
«БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА»

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА

ПРОЕКТНО-
ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
ПОДХОД

ПРАКТИКИ И СТАЖИРОВКИ В ФОИВ,
ГОСКОПОРАЦИЯХ, ВЕДУЩИХ
БИЗНЕС-КОМПАНИЯХ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТРАЕКТОРИИ

ЦИФРОВАЯ
СРЕДА

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

1000
МЕРОПРИЯТИЙ
В ГОД

4000
АКТИВНЫХ
УЧАСТНИКОВ

20
КЛУБНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ

39000
УЧАСТНИКОВ

В РЕЙТИНГАХ

№1

СРЕДИ ВУЗОВ ПО ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ГМУ

• ИНТЕРФАКС

ПО ЧИСЛУ ВЫПУСКНИКОВ,
СТАВШИХ УСПЕШНЫМИ ГОССЛУЖАЩИМИ

• RAEX

СРЕДИ ВУЗОВ ПО ВКЛАДУ В ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТ

• ИНТЕРФАКС

ПО СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

• RAEX

СРЕДИ БИЗНЕС-ШКОЛ

• MBA.SU

ОБРАЗОВАНИЕ

31

НАПРАВЛЕНИЕ
ПОДГОТОВКИ

108

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОГРАММ

КРУПНЕЙШИЙ

5 ИНСТИТУТОВ

ВУЗ

270 000 ОБУЧАЮЩИХСЯ ЕЖЕГОДНО

РОССИИ

56 ФИЛИАЛОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ